

Тезисы докладов VII Международной конференции «Культура русской речи» (Гротовские чтения)

**Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН Москва, 5–7 марта
2024**

Содержание

Антонова О. В. <i>Дурилаг</i> или <i>друшилаг</i> ? К вопросу о правильном произношении	7
Апресян В. Ю. Роль прагматики и просодии в разрешении неоднозначных сфер действия отрицания.....	9
Арутюнова Е. В. О проблемах переноса слов с одной строки на другую	11
Ахапкина Я. Э. Трудности в освоении русской орфографии, возникающие у билингвов и носителей русского языка (по данным корпусов нестандартной русской речи)	13
Бабаева Е. Э. <i>Чрез всю ночь и день был великой дождь</i> : к вопросу о рецепции книжной нормы в текстах П. А. Толстого	15
Базаржапова А. Д. 32-летняя лечащий врач рассказала...: ограничения на согласование слова врач по женскому роду (на корпусных данных).....	16
Базаров Е. Э. Об одной орфографической проблеме описания глаголов на <i>до-</i> в толковых словарях (<i>недо-</i> vs <i>не до-</i>).....	18
Байкулова А. Н. Проблема экологии семейного общения и речи.....	20
Балашова Л. В. Ненормативное использование метафор и идиом в современном газетном дискурсе: стилистический прием или речевая ошибка?	22
Баранов А. Н., Добровольский Д. О. История русской идиоматики: XIX-XXI вв. (динамика словника).....	24
Беликов В. И. <i>В одиночку</i> , но по-разному: статистическая оценка региональности на материале ЖЖ	26
Беляев Д. Д. Орфографическая система и системная орфография	29
Бешенкова Е. В. Культура письменной речи и критерии описания орфографической нормы	33
Богданова-Бегларян Н. В. Культура русской речи в коммуникации на родном и неродном языке: сходства и различия в трактовке термина	35
Борисова Е. Г. Хезитаторы в микродиахроническом аспекте	37
Брагина Н. Г. Категория вежливости: русские императивные речевые клише в диалоге.....	39
Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Национально-культурный компонент в семантике слова и возможности его лексикографического описания.....	40
Геккина Е. Н. Глагол <i>тянуть</i> в речи и в словаре	41
Гик А. В. Семантическая деривация в поэтическом языке (лексема "город" – по материалам Словаря языка русской поэзии XX века)	42
Глазунова О. И. О когнитивно-фонетических аспектах кодификации русской лексики.....	43
Голев Н. Д. Русская орфография в контексте теории речевых актов (перлокутивный эксперимент).....	45
Горбунова М. В. Учение о типах речевой культуры и образовательная практика	47
Григорьева Т. М. МАТЬ и МАМА: история словоупотребления.....	49
Грунченко О. М. Фармаконимы: проблемы отражения в толковом и орфографическом словаре	51
Дамбуев И. А. Морфологическое варьирование и нормализация в топонимии	53
Добрушина Е. Р. Трансформации речи у поколений цифровых коммуникаций	55

Друговойко-Должанская С. В. Наивный носитель языка и его бесценное мнение о норме	57
Дымарский М. Я. Еще раз о месте интонационного принципа при кодификации пунктуации ..	58
Дьяченко С. В. Яканье в г. Мосальске и его окрестностях и яканье мосальского типа	60
Ерёмин А. Н. Плеоназм как норма и как лексическая ошибка	61
Ермолова М. В. К вопросу об эволюции грамматической семантики деепричастия	64
Журавлёва А. Е. Проблемы акцентуации некоторых имен существительных (в сочетании с количественными числительными и, другими словами, с семантикой количества): орфоэпическая норма и узус	66
Замальдинов В. Е. Динамические процессы в словообразовании современного русского языка	68
Зализняк А. А. Модель управления глагола <i>ревновать</i> : норма, узус, диахрония	70
Зубов В. И. Произносительные варианты в перцептивном аспекте	71
Зубова Л. В. Конфликт стилистики и семантики в развитии русского языка	73
Иванова О. Е. О правилах слитного/раздельного правописания наречий	75
Ивойлова А. М., Ларцина С. В., Никитин А. А., Циммерлинг А. В. Оценки приемлемости: суждения экспертов и статистика	77
Ильин Д. Ю. К вопросу о парном роде имен существительных	79
Каверина В. В. Критерии правописания в системе правил орфографии	80
Кагарлицкий Ю. В. Некоторые черты некнижного правописания начала XVIII в. по материалам автобиографии Б.И. Куракина	82
Каленчук М. Л. Синхронический и диахронический аспект кодификации орфоэпических норм	83
Кара-Мурза Е. С. Лингвистическое представление о системе норм для преподавания в медиавузах	84
Карасик В. И. Просторечные коммуникативные интенсификаторы	86
Кармакова О. Е., Букринская И. А. Региолект и регионально окрашенный вариант литературного языка – один или разные типы речи?	88
Кашкин Е. В., Винклер М. Э. А. Некоторые особенности русского языка в Кыргызстане	90
Клушина Н. И. Норма, креативность и искусственный интеллект	92
Князев С. В. Зачем нужна частица <i>ну</i>	94
Коваленко К. И., Колосова В. Б. К истории наименований <i>Ficus carica L.</i> в русском языке	95
Колесникова Е. В. Гендерные особенности мужского речевого поведения (на материале автобиографического рассказа жителя провинциального города)	97
Копнина Г. А. Терминологические новации в русском языке как следствие информационных войн	99
Кормилицына М. А., Дегальцева А. В. Культура речи в эпоху медиатизации коммуникации ..	101
Коробейникова Т. Н. О младшей норме произношения слов в составе фразеологизмов	103
Корпечкова Е. В. Акцентуация некоторых наречий: экспериментальные данные	105
Костомарова К. П. Лучше доброго и лучше хорошего – об истории одной сравнительной степени	107

Кравецкий А. Г. Hate Speech и разрешение таможни: к истории исключения из богослужебных книг выражений, оскорбительных для иноверцев	108
Красных В. В. Функционально-культурная неграмотность и культура речи	109
Кронгауз М. А. Прописные и строчные: есть ли миссия у букв?	111
Крылов С. А. Об одном способе описания специфики плана содержания нормативной письменной речи: Опыт апостериорного подхода к инвентаризации реального семантического метаязыка описания семантико-прагматического аспекта правил русского правописания (орфографии и пунктуации)	112
Крючкова О. Ю. Развитие жанрово-стилистической системы русской письменности XI-XVII вв. и динамика словообразовательных норм	114
Кувшинская Ю. М. Использование коллокаций при образовании именных групп с причастиями и причастных оборотов в современном русском языке	116
Кузнецова И. Е. Картоoteca сокращений в составе картотеки неизданного словаря 20-х годов XX века	118
Кузнецова Н. В., Белова Е. С. Интернет-коммуникация как сфера графической и орфографической трансформации слов	119
Кулева А. С. Лексикографирование названий растений и проблема кодификации	121
Кустова Г. И. Числовые формы местоименных конструкций: грамматика и семантика (<i>мало [редко, много] какой / какие</i>)	123
Лазуткина Е. М. Направления исследований дисциплин «культура речи» и «лингвоэкология»: сходство и различие	124
Левонтина И. Б. Опасные связи: о глаголах <i>якшаться, заться и водиться</i>	126
Леонтьева А. Л. Приписные буквы в эго-документах начала XIX века (на материале рукописи «Дневника уфимского анонима»)	127
Летучий А. Б. Русская субстантивация: классы и ограничения	129
Лукинова О. В. Кодификация норм этикета деловой переписки XIX-XXI вв.: от письмовников к справочникам по цифровому этикету	131
Мальшева А. В. <i>Мне с вас смешно</i> : просторечные, сленговые и диалектные варианты управления предикатов со значением насмешки	133
Маринова Е. В. «Отключить голосовой помощник»: грамматическое поведение терминов цифрового общества в аспекте словарного описания	135
Мечковская Н. Б. Окказионализмы детской речи: грамматическое своеобразие и наиболее востребованные кластеры обозначений	137
Милёхина Т. А. Устная деловая речь: динамика обновления и тенденции развития (деловое совещание в 2012 и 2023 году)	139
Минеева З. И. Грамматические аномалии в современной речи	141
Мкртычян С. В. Коммуникативная стилистика в русле современной стилистической проблематики	143
Нечаева И. В. Современные графико-орфографические тенденции оформления товарных знаков	145
Никитин Н. В. Теоретические аспекты изучения фонетических клитик	147
Никишина Е. А. Расширение функций союза также в составе мемов типа «я / также я»	149

Николенкова Н. В. Транслитерация как начальный этап передачи топонимов и антропонимов в истории русского литературного языка: правила и отступления	153
Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Научные термины в составе компаративных тропов современной русской прозы.....	155
Онипенко Н. К., Никитина Е. Н. Вводные слова с эмотивной семантикой и категория лица ...	157
Олонцев А. А. Микродиахроническое корпусное исследование функциональной вариативности наречий (<i>наверно, наверняка</i>)	159
Орлова И. А., Леонтьева А. Л. Факторы, влияющие на ошибки в правописании глаголов на <i>-тся</i> и <i>-ться</i>	161
Осетрова Е. В. Спойлер в речевой практике и в жанровой системе	163
Патроева Н. В. Формирование традиций высокого слога в жанре панегирика: «Епиникион», или «Песнь победная» Феофана Прокоповича в аспекте диахронической риторики русской поэзии.....	165
Пестова А. Р. <i>Патлатый асоциал</i> и <i>заскорузлый мозгоправ</i> : о лакунах в «Толковом словаре русской разговорной речи»	167
Плетнева А. А. Фонетические особенности московского просторечия XVIII в. и старомосковское произношение	169
Плунгян В. А. Вопросительная энклитика ЛИ: не совсем энклитика и не совсем вопросительная	170
Поливанова А. К. Грамматическая рамка орфографических правил.....	171
Радбиль Т. Б. Выявление оценочного потенциала местоимений по корпусным данным: слово «некто» в медиадискурсе интернета	174
Рахилина Е. В. Совсем со всем.....	176
Рацибурская Л. В. Негативная оценочность в словообразовательных процессах.....	177
Розанова Н. Н. Смена орфоэпических норм в театре 40-х – 50-х гг. XX в. (На материале записей Г.О. Винокура о произношении актеров МХАТ)	179
Ройтер Т. Икс-игрек-точка-ру и зет-лексика. О новых пейоративных нотках в словообразовании	180
Романенко А. П. Русский литературный язык и теория речевой культуры	181
Савинов Д. М. Проблемы и перспективы учебной лексикографии: современные школьные орфоэпические словари.....	183
Савчук С. О. Устная речь в письменной форме: отражение или имитация?.....	184
Сапиева С. К. Специфика научно-популярного стиля в системе функциональных стилей современного русского языка.....	186
Сафонова Ю. А. Языковые вкусы советского общества 20-30-х годов XX в. Оценки словаря С. Г. Займовского «Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма» (М.; Л., 1930)	188
Сахарова А. В. Эпистемическая модальность в естественнонаучных текстах на русском языке	190
Северская О. И. Функциональная стилистика русского языка в корпусном аспекте: узуальная норма и ее лексикографическая фиксация.....	193
Селезнева Л. В. Влияние дискурсивных практик медиа на деловую коммуникацию.....	195

Сидорова Е. Г. Трудности кодификации грамматической нормы (на примере координации главных членов предложения)	196
Смирнова Л. Г. Обновление норм современного русского литературного языка: аксиологический аспект	198
Тер-Аванесова А. В. Понятие нормы применительно к русским народным говорам и изменение диалектов	200
Топорков П. Е. Предикатив как <i>je ne sais quoi</i> русской грамматики: проблемы нормативного статуса.....	202
Урысон Е. В. Союз ИЛИ – простой или составной?.....	204
Федорова Л. Л. <i>Давным-давно темным-темно</i> : о возможностях модели экспрессивной интенсификации.....	205
Федосюк М. Ю. Соответствие текущим коммуникативным потребностям языкового коллектива как один из признаков литературной нормы	206
Фуфаева И. В. «Новые идеологические феминитивы». Грань между групповым узусом и вариантом нормы	208
Циммерлинг А. В. Идиомы и синтаксис предложения: диагностика подъема в русском языке.....	210
Чернейко Л. О. Аксиологический аспект исследования культуры речи (на материале современных СМИ России)	212
Шабалина В. Я. Нарушения речевой нормы в методическом дискурсе	214
Шаронов И. А. Самый лучший, самый худший.....	217
Шарькина О. А. <i>Попужочки и гусяшки</i> . О разговорных названиях домашних животных	218
Шилихина К. М. Конструкция « <i>этом + PronPoss + NP</i> »: возможности выражения оценки... ..	219
Шмелев А. Д. Русский язык как государственный и проблемы кодификации литературной нормы	221
Шмелева Е. Я. Утвердительные частицы в интернет-коммуникации.....	223
Эпштейн М. Н. Нейро-русский язык. Языковые эксперименты с нейросетью	224
Янко Т. Е. Русская просодия: к проблеме речевой нормы.....	225
Янурик С. Употребление буквы «э» после согласных в словах английского происхождения: проблемы кодификации норм и лексикографическая практика	227

Душлаг или друшлаг? К вопросу о правильном произношении

Ольга Валентиновна Антонова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

ovantonova@gmail.com

В рамках исследования рассмотрена судьба заимствования *душлаг* (из нем.) и его распространенного варианта *друшлаг*, последний из которых большинством словарей игнорируется или же отмечается как неправильный. Первое упоминание лексемы *душлаг* в настоящем виде было зафиксировано в 1861 г. в книге «Подарок молодым хозяйкам» Е. Молоховец. Именно такую форму фиксируют и все нормативные словари современного русского языка, как толковые, так и словари иностранных слов; при этом форма *друшлаг* расценивается как ошибочная (так, в словаре Д. Н. Ушакова лексеме *друшлаг* посвящена *отдельная словарная статья*, специально оговаривающая, что речь в ней идет о неправильной форме с пометой *просторечн*; кажется, довольно редкий случай в нормативной лексикографии). Однако наблюдения над звучащей речью наших современников, владеющих литературной нормой, свидетельствуют, что колебания в произношении слова, отмеченные ранее, существуют и сегодня, причем в речи людей, которых невозможно заподозрить в невежестве.

Для выяснения распределения произносительных вариантов был проведен ряд орфоэпических экспериментов, основным из которых стало анкетирование, в рамках которого информантам предлагалось оценить собственное произношение с помощью метода самонаблюдения. Для анкетирования были отобраны (вопреки принятым в орфоэпии методикам опроса) не те информанты, чьи профессиональные интересы далеки от лингвистики, - напротив, участие лингвистов было желательным и даже предпочтительным, т. к. наличие специальных знаний могло помочь испытуемым в более детальной оценке собственных произносительных предпочтений. Результаты эксперимента показали, что вариант *друшлаг* (*друшлак*) достаточно частотен в узусе – его выбрали 12,2 % процентов информантов (образованных людей, носителей литературной нормы); любопытно, что в косвенных падежах подавляющее большинство выбрали форму Р. п. ед. ч. *друшлака́*, с глухим согласным на конце основы, что, помимо прочего, подтверждает глубокое освоение заимствования. Интересны комментарии, которыми испытуемые сопровождали свои ответы. Часто можно было услышать: «Я прекрасно знаю, как правильно, но моя бабушка говорила (или: у меня в семье всегда говорили) только *друшлаг*». Или же информанты, выбравшие вариант *душлаг*, признавались: «Раньше я говорил(а) иначе, только потом узнал(а), как правильно».

Поскольку полученные данные, подтвердившие колебания, не приблизили автора к разгадке возможных причин такого распределения, было решено обратиться к словарям, относящимся к более раннему времени. К счастью, в двух словарях иностранных слов начала XX в. («Карманный словарь иностранных слов», Н. Я. Гавкин (1906) и «Новый полный словарь иностранных слов», Е. Ефремов (1911)) была отмечена лексема *дурхшлагъ* с иным лексическим значением ‘*встреча при горной тоннельной работъ съ двухъ противоположныхъ концовъ*’ с указанием в качестве источника немецкого языка. И, наконец, в упомянутом выше словаре Е. Ефремова была найдена словарная статья:

Друшлакъ польск. съ нем. - кухонный корецъ съ решетчатымъ дномъ, для выниманія маъ горячей воды овощей, плодовъ, макаронъ и пр.

Крайне любопытно, что слово *друшлак*, зафиксированное в словаре Е. Ефремова, в словаре Д.Н. Ушакова спустя всего 25 лет получило помету *просторечн.*, а нормативным

был признан вариант, представляющий кальку с немецкого. Как представляется, здесь имеет место случай определенного рода гиперкоррекции – соотнесение с языком-источником помешало Д. Н. Ушакову согласиться с фиксацией предшественника. И, поскольку вариант с иным значением, **дурхшлаг**, исчез из обиходного языка, вместе с ним исчезла и возможность противопоставить значения 'кухонной утвари' и 'встречи про тоннельной работе'.

Итак, вероятность того, что признанная ныне просторечной форма *друшлак* в прошлом поддерживалась наличием паронима с другим значением, кажется автору вполне убедительной. Изгнанная из нормативных словарей, эта форма сохранилась в семейной речи, передаваясь из уст в уста – ведь очевидно, что слово это крайне редко употребляется в письменной, и почти ежедневно – в живой разговорной речи.

Роль прагматики и просодии в разрешении неоднозначных сфер действия отрицания

Валентина Юрьевна Апресян

Henan University / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

valentina.apresjan@gmail.com

Отрицание может иметь разные семантические сферы действия внутри предложения независимо от его синтаксической позиции, что приводит к разным интерпретациям предложений с отрицательной частицей *не*. Возьмем фразу *Я не хочу приглашать всех своих дальних родственников*, которая может означать ‘Я не хочу приглашать ни одного из своих дальних родственников’ (если в сферу действия отрицания входит глагол) или ‘Я хочу пригласить только некоторых из своих дальних родственников’ (если в сферу действия отрицания входит квантор *весь*). Поскольку отрицание обычно включает в свою сферу действия рему предложения, которая особым образом просодически оформляется в русском языке, естественно было бы ожидать, что в устной речи разрешение неоднозначности сферы действия отрицания происходит на основании просодической информации. Однако наше исследование показывает, что это ожидание не оправдывается ни в речепорождении, ни при устном восприятии неоднозначных фраз. Для проверки гипотезы о роли просодии в разрешении неоднозначности мы провели корпусное исследование предложений с отрицанием и с квантором всеобщности *весь* в Мультимедийном корпусе Национального русского корпуса, а также экспериментальное исследование интерпретации предложений с подобной структурой, произнесенных с разными интонационными контурами – «естественными» для той или иной интерпретации (т.е. частотными в реальном узусе) и «неестественными» (т.е. не встречающимися в реальном узусе).

Примечательно, что в речепорождении только интерпретация с отрицанием квантора ассоциируется с определенным интонационным контуром, а именно с акцентным выделением *весь*. Выделение *весь* встречается только в предложениях, где в сфере действия отрицания находится квантор, т.е. эта интонация уникальна для данной интерпретации, однако она не является обязательной, поскольку встречается примерно в половине случаев; в других случаях предложения с квантором в сфере действия отрицания демонстрируют иные интонационные контуры. У интерпретации с отрицанием глагола нет своего уникального интонационного контура, как показало наше исследование данных Мультимедийного корпуса: примерно в трети случаев акцентно выделяется глагол и следующее за квантором существительное (*Я не ВЕРЮ во все эти ПРЕДРАССУДКИ*), однако также возможны контуры с интонационно выделенным глаголом (*Я не ВЕРЮ во все эти предрассудки*), с выделенным существительным (*Я не верю во все эти ПРЕДРАССУДКИ*), а также некоторые другие. Хотя выделение глагола и следующего за квантором существительного наиболее характерно для глагола в сфере действия отрицания, однако это структура встречается и при отрицании квантора, т.е. она не является ни уникальной, ни обязательной для данной интерпретации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что просодия не кодирует сферу действия отрицания при речепорождении.

При восприятии просодическая информация также не является основным фактором при разрешении неоднозначности. По-видимому, слушающие опираются в первую очередь

на прагматические данные. Как показывает исследование понимания письменных предложений с потенциально неоднозначной сферой действия отрицания, они в большинстве случаев правильно понимаются носителями языка, поскольку носители языка пользуются прагматическими «подсказками», опирающимися на знания о мире, здравый смысл, а также коммуникативные максимы Грайса. Таким образом, интерпретация потенциально неоднозначных предложений может происходить независимо от интонации, не вызывая затруднений. Например, фраза *Камера не воспроизводит все цвета*, скорее всего, интерпретируется с частичным отрицанием (в сфере действия отрицания находится квантор) и понимается как 'Камера воспроизводит только некоторые цвета', тогда как фраза *Я не спал всю ночь* скорее всего подразумевает отрицание глагола и значит 'Я не вообще не спал ночью'.

При исследовании устных высказываний с различными просодическими контурами обнаруживается, что просодия не оказывают существенного влияния на интерпретацию прагматически однозначных предложений и при восприятии: произнесение подобных предложений с естественной или неестественной интонацией лишь незначительно влияет на правильность их интерпретации. Таким образом, прагматическая информация является лучшим предиктором интерпретации по сравнению с просодией, поскольку говорящие для устранения неоднозначности опираются на знание реального мира и здравый смысл, а не на интонацию.

Однако в тех случаях, когда прагматической информации недостаточно, т.е. предложение реально является неоднозначным, и обе интерпретации имеют примерно одинаковую вероятность при письменном восприятии (как, например, предложение *Я не хочу приглашать всех своих дальних родственников*), интонация существенно влияет на интерпретацию при восприятии устных высказываний. При этом в речепорождении прагматически неоднозначные высказывания просодически не отличаются от прагматически однозначных – ни в тех, ни в других просодия не используется последовательным образом. Следовательно, можно говорить о том, что просодия играет вспомогательную роль в разрешении семантической неоднозначности, вызванной сферами действия, причем действие ее проявляется только в задачах с высоким уровнем осознанности – т.е. в экспериментальных задачах на восприятие, связанных с выбором интерпретации, - но не в спонтанном речепорождении.

О проблемах переноса слов с одной строки на другую

Елена Вячеславовна Арутюнова

Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

arutyunova.elena@gmail.com

В настоящее время необходимость правил переноса слов с одной строки на другую (далее – правила переноса) ставится под сомнение. Интернет-сайты отказываются от переносов, выравнивая только левый край текста. Ошибки на правила переноса при проверке грамотности на ЕГЭ, Тотальном диктанте не учитываются. На эту ситуацию реагирует школа: учителя старших классов все меньше внимания уделяют ненужной на экзамене теме. В свою очередь издательства не могут отказаться от переносов: переносы слов обеспечивают равномерную плотность набора, а значит, необходимость в правилах переноса сохраняется.

Многочисленность вопросов в справочные службы русского языка о том, как правильно переносить слова, вопросы о трудных случаях переноса, не регламентированных правилами, противоречия между правилами 1956 г. (а также основанными на них школьными правилами) и правилами 2006 г., различные трактовки школьных правил, вызванные их неполнотой, побуждают орфографистов обратиться к изучению проблем переноса.

Сопоставительный анализ правил переноса 1956 и 2006 гг. позволил выявить расхождения в рекомендациях.

Хотя в правилах 2006 г. декларируется в качестве основного слоговой принцип переноса (в научных работах его часто называют фонетическим), частные правила на понятие слога не опираются, в отличие от правил 1956 г. и школьных правил. В связи с этим вызывает сомнение теоретическая обоснованность переносов принципами слогоделения (которые к тому же не полностью совпадают в различных слоговых теориях).

Правила 2006 г. хотя и указывают на необходимость учитывать при переносе членение слова на значимые части, но допускают отступление от большинства правил 1956 г., основанных на морфемном принципе. Так, допускается не соблюдать запреты на отрыв одной согласной буквы от приставки (*по-дбить*) или от корня после приставки (*прис-лать, подб-росить, сож-женный*); предпочтительный по правилам 1956 г. перенос слова с приставкой типа *без-аварийный* квалифицирован как равноправный вариант переносов *бе-заварийный, бе-заварийный*. Если с 1956 г. при возможности перенести слово по правилам различными способами рекомендовалось «предпочитать такие переносы, при которых не разбиваются значащие части слов», то справочник 2006 г. этой рекомендации не дает, никак не ранжируя варианты. Наблюдения за переносами в различных изданиях позволяют сделать предварительный вывод о том, что допущения правил 2006 г. остаются неустраиваемыми: печать последовательно соблюдает морфемный принцип переноса слов с приставками. И это представляется оправданным.

С противоречием правил пользователь сталкивается при необходимости перенести слово с удвоенной согласной. По правилам 1956 г. предпочтительны переносы *клас-ный, рус-ский*, допустимы *клас-сний, русс-кий*, нормативная оценка варианта *ру-сский* сомнительна; по правилам 2006 г. правильны *клас-сний, рус-ский*, а *клас-ный, русс-кий*,

ру-сский не допускаются. При этом авторы правил переноса 2006 г. в статье «Перенос слова» энциклопедии «Русский язык» (2020) указали, что правильно не разбивать переносом конечные удвоенные согласные корни, стоящие перед согласной суффикса: *групп-ка, класс-ный* и под.

В правилах были выявлены лакуны (напр., ничего не сказано о переносе слов с дефисом, о словах с удвоенной согласной типа *бессребреник*, формально правилам 2006 г. соответствует не только «морфемный» перенос *бес-сребеник*, но и переносы *бессребреник, бесс-ребреник*), внутренние противоречия (по одному правилу 2006 г. верно *крос-сфит*, по другому – *кросс-фит*). Особая трудность – правомерность отделения переносом части слова, заканчивающейся на гласную букву, если за ней следует группа согласных (*ро-дство, де-рзкий, ру-сский*). Есть и другие проблемы.

Представляется необходимым поставить вопрос об отказе от ряда предложенных правилами 2006 г. допущений и возвращении к некоторым «морфемным» правилам 1956 г. Это позволит вернуть правила в соответствие со школьной практикой и практикой печати, по-прежнему опирающимися на правила переноса 1956 г. Очевидна и необходимость уточнить правила переноса слов с двойной согласной, по возможности устранить лакуны в рекомендациях и снять внутренние противоречия.

Трудности в освоении русской орфографии, возникающие у билингвов и носителей русского языка

(по данным корпусов нестандартной русской речи)

Яна Эмильевна Ахапкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

yakhapkina@hse.ru

Корпуса нестандартной русской речи представляют собой размеченные коллекции письменных текстов, позволяющие искать несовпадения с рекомендательной нормой. Для каждого такого корпуса (диалектной и региональной речи, речи инофонов и носителей унаследованного языка, речи изучающих новый для себя регистр монолингвов) разрабатывается своя классификация несовпадений. Такие коллекции пополняются текстами разной природы (спонтанными, написанными по заданию и по личной инициативе, написанными по пошаговой инструкции и принадлежащие к разным жанрам) и показывают, какие ошибки возникают системно у пишущих порусски с разным опытом письменной речевой практики, разными речевыми привычками и стереотипами, разными представлениями о грамотной речи).

Наиболее крупное деление можно определить как противопоставление ошибок фонетического письма (пишу так, как слышу: примеры 1-3) ошибкам гиперкоррекции (пишу не так, как слышу: примеры 4-5).

Пример 1. *Ана стражит дитей* [диктант, местоимение-существительное, орфографические, Шахлар С. (7 лет) 2014] – Она сторожит детей.

Пример 2. *В СССР были распространены народные и нетрадиционные методы лечения.* [Sonia (F, HL, IH) | eng | HL | 2009-2010]

Пример 3. *Нам ответили, что скорей всего в крупных городах, особенно как в Москве и Санкт-Петербурге, за модой следят многие, потому что там по одежке встречают, а по уму проважают* [Sonia (F, HL, IH) | eng | HL | 2009-2010].

Пример 4. *Однако он был трусливым и безчестным, а Пётр, наоборот, он сохранял свою честь и не боялся смерти* [сочинение, Владислав К. (14 лет) 2018].

Пример 5. *он такой слоמוный и но цвет синеватый унево* [сочинение, Шахлар С. (7 лет) 2014]

Причины и тип ошибок во многих случаях можно определять несколькими способами. Указание на конкретную не соблюденную пишущим норму и соотнесение этой нормы с формулировками правил, с принципами русской орфографии позволяют построить более дробную классификацию. В частности, разграничивающую характер ошибочно переданного звука (гласного или согласного) с учетом природы корректного написания: опирающегося на фонетический, морфологический, традиционный принципы русской орфографии.

Вариант такой классификации ошибок представлен в корпусе начального детского письма:

ORTHOGRAPHY

- ORTTRAD
 - ORTTRADVOC
 - ORTTRADCON
 - ORTTRADDUPL
- ORTMORF
 - ORTMORFVOC
 - ORTMORFCON
 - ORTMORFDUPL
- ORTCAPIT
- ORTSPACE
- ORTNONSPACE
- DISMIX
- DISMET
- DISPASTE
- DISELIS
- REGION

Здесь выделены ошибки в передаче гласных, согласных или избыточное удвоение буквы в случаях отсутствия или наличия сильной позиции, позволяющей проверить написание, а также предложено фиксировать ошибки в употреблении прописной буквы, лишние или отсутствующие пробелы, смешение букв и слогов, перестановку букв и слогов, вставку букв и слогов, пропуск букв и слогов (элизию), региолектные отступления от речевого стандарта.

Сопоставление ошибок, допускаемых на письме носителями русского языка и осваивающими русский язык как непервый или неосновной, позволяет выявить зону совпадающих нарушений стандарта (ошибок, вызванных особенностями собственно русского языка и русской письменности) и типы специфических несовпадений с рекомендательной нормой для разных групп пишущих. Учет таких наблюдений за речевой практикой может быть полезен для разработки корректирующих упражнений.

Коллекции данных

Корпус начального детского письма: <http://www.web-corpora.net/children/>

База данных речи детей-инофонов Вологодской области: <https://inophone35.ru/>

Русский учебный корпус (речь инофонов и эритажных пишущих): <http://www.web-corpora.net/RLC/>

Корпус русских учебных текстов (тексты академического регистра, созданные носителями русского языка): http://web-corpora.net/learner_corpus/

Чрез всю ночь и день был великой дождь: к вопросу о рецепции книжной нормы в текстах П. А. Толстого

Елизавета Эдуардовна Бабаева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

llevidova@gmail.com

Деятельность П. А. Толстого, первого полномочного посла России в Османской империи, уже на протяжении долгого времени изучается историками. Однако П. А. Толстой является также более чем заметной фигурой в среде авторов и переводчиков начала XVIII в. Он оставил после себя большое и неоднородное лингвистическое наследие: путевой дневник («Путешествие» стольника Петра Толстого 1697—1699 гг.), так называемые «Статейные списки» (отчеты о пребывании русского посольства в Стамбуле с 1702 по 1709 гг.), аналитические записки о состоянии Османской империи и описание Черного моря, а также перевод «Гистории управления настоящего Империи Оттоманской», выполненный с итальянской версии сочинения английского дипломата Поля Рико «The History of the Present State of the Ottoman Empire» (опубликовано в исправленном виде в 1741 году в Санкт-Петербурге под названием «Монархия турецкая»). Кроме того, в книге Т. В. Пентковской и Е. Э. Бабаевой «Перевод Корана Петровской эпохи» (М., 2022г.) была сформулирована гипотеза о том, что первый перевод Корана также был выполнен П. А. Толстым. Язык сочинений П. А. Толстого даже на первый взгляд выглядит очень неоднородным. Этот факт заставляет предполагать, что в каждом конкретном случае автор ориентировался на определенный корпус текстов, иначе говоря, исходил из своего, несомненно, очень богатого читательского опыта.

В докладе рассматривается встречающаяся в сочинениях П. А. Толстого конструкция *чрез + название временного отрезка*, обозначающая 'на протяжении указанного временного отрезка'. Эта конструкция может сближаться с употреблением полск. *przez*, однако в данном случае, по всей видимости, следовало бы говорить о церковнославянизме, соотносимом с лат. *per*, поскольку данная конструкция отмечается в древнерусской письменности с самых ранних памятников. По всей видимости, конструкция *чрез + название временного отрезка* использовалась преимущественно в летописях или, шире, в случае исторического нарратива. Можно предположить, что П. А. Толстой усвоил эту конструкцию из чтения летописей, а также из чтения «Скифской истории» А. Лызлова, автора, с которым Толстого связывало многое — общность происхождения, воспитания, военного опыта, а также культурно-филологических установок.

32-летняя лечащий врач рассказала...: ограничения на согласование слова врач по женскому роду (на корпусных данных)

Алтана Доржиевна Базаржапова

Санкт-Петербургский государственный университет

altanaanatla@mail.ru

В русском языке существует ряд существительных м. р. типа *врач, секретарь, автор*, которые всегда использовались для обозначения лиц мужского пола по профессии, званию или социальному статусу, однако возникшая экстралингвистическая потребность в указании на женский пол референта при отсутствии у этих единиц стилистически нейтральных женских параллелей обусловила такие употребления, как *молодая врач пришла*, демонстрирующие согласование по смыслу. В сер. XX в. это явление оценивалось как отчетливо ненормативное (оно «резко нарушает правила грамматического согласования» [АГ-60: 510]), но уже в Грамматике-80 такой оценки не дается, и сейчас такое прагматическое согласование встречается и в повседневной непринужденной речи, и в официальной речи СМИ.

Примечательно, что рассматриваемое явление наблюдается, как правило, только в формах Им. п. [АГ-80: 465-466] и что в подобных контекстах при употреблении глагола-сказуемого в форме ж. р. зависимое прилагательное или адъективное местоимение может принимать форму как м. р., так и ж. р.: *главный / моя / N-летняя / бывший врач сказала*. Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы уточнить выявленные в научной литературе ограничения на смысловое согласование слова *врач* по ж. р., а именно (1) выяснить, возможно ли оно в формах косвенных падежей, и (2) определить, от чего зависит выбор формы м. р. или ж. р. зависимого слова в контекстах типа *такая(-ой)-то врач что-то сделала (врач – подлежащее в препозиции к глаголу-сказуемому) и что-то сделала такая(-ой)-то врач (врач – в постпозиции к глаголу-сказуемому)*.

Исследование проведено на материале НКРЯ: для решения вопроса (2) поиск осуществлялся по устному (УП), газетному (ГП) подкорпусам и подкорпусу «Социальные сети» (СС); для решения вопроса (1) привлекался также основной подкорпус (ОП). Метаязыковые примеры, дублиеты, а также контексты, формально отвечавшие поисковым запросам, но не демонстрировавшие исследуемого явления, не включались в пользовательский корпус (общий объем – 829 контекстов).

В докладе излагаются основные результаты проведенного анализа. Так, исследуемое смысловое согласование действительно происходит, как правило, только в Им. п., но в 5 контекстах было обнаружено смысловое согласование в формах других падежей: *напросились в гости к... 26-летней врачу* (ГП, Центр. СМИ, 2006); *попробовала своей врачу позвонить* (ОП, 2011); *рассказ о сорокалетней враче* (ОП, 1971-1990).

Анализ форм м. р. и ж. р. прилагательных при слове *врач* позволил выявить следующие семантико-прагматические ограничения, влияющие на выбор формы. Прилагательные, которые образуют со словом *врач* несвободные, устойчивые сочетания (*главный врач, санитарный врач*), а также характеризуют профессиональную деятельность референта – его специализацию (*детский, спортивный*), место, время работы (*британский, тюремный, ночной*) или содержат оценку его деятельности (*заслуженный, известный*,

опытный), согласуются со словом *врач* по его грамматическому роду. Прилагательные, характеризующие референта за пределами его профессиональной деятельности, напр., указывающие на личностные характеристики, особенности внешности (*красивая, добрая, пожилая*), согласуются со словом *врач* по смыслу – по ж. р., ср.: *На конференции... чернокожая главный врач отметила...* (ГП, Центр. СМИ, 2009); *Организатором выступила 32-летняя ветеринарный врач* (ГП, Центр. СМИ, 2020).

Несмотря на прозрачность и логическую обусловленность этих ограничений, они наблюдаются не во всех случаях (так, устойчивое сочетание *лечащий врач* в 2-х из 65 контекстов было употреблено с прилагательным в форме ж. р.). В докладе высказываются предположения о причинах вариативности в подобных случаях, а также выдвигается гипотеза о том, что продемонстрированные ограничения релевантны для всего ряда подобных существительных.

Литература

АГ-60 – Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 1 / ред. В.В. Виноградов, Е.С. Истрина. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1960.

АГ-80 – Русская грамматика. Т. I. / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.

Об одной орфографической проблеме описания глаголов на *до-* в толковых словарях (*недо-* vs *не до-*)

Базаров Евгений Эрдэмович,

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

eubaz@yandex.ru

Нормативные академические словари, бесспорно, должны соответствовать орфографическим и пунктуационным нормам, поэтому при подготовке словарей, справочных пособий и т. п. составители опираются на своды правил русского правописания и орфографические словари русского языка. Однако, как показывает практика, изредка текст словаря (обычно — толкового) по разным причинам отклоняется от нормы, не соотносится со сведениями, содержащимися в нормативных источниках.

Один из примеров подобного несоответствия нормам орфографии — иллюстративный материал различных толковых словарей, в котором глаголы, начинающиеся на *до-*, употребляются в отрицательных предложениях. В своде правил 1956 г. указано, что не пишется слитно «в глагольной приставке *недо-*, обозначающей несоответствие требуемой норме, например: *недовыполнить* (выполнить ниже требуемой нормы), *недосмотреть* (недостаточно, плохо смотреть, упустить что-нибудь), *недосыпать* (спать меньше нормального)» [Правила 1956, с. 50]. В полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина (2006) указывается, что *не* пишется слитно в составе приставки *недо-*, имеющей значение неполноты, недостаточности по сравнению с нормой (примеры: *недовыполнить*, *недодать*, *недоедать*, *недополучить*, *недосказать*, *недосмотреть*, *недосолить*, *недоспать*, *недосчитаться*). В обоих справочниках рекомендуется отличать от глаголов с приставкой *недо-* глаголы с приставкой *до-* и предшествующей частицей *не*, которые обозначают **не доведенное до конца действие** (ср.: *Недосмотрел за ребёнком* и *Не досмотрел до конца пьесу*; *Они хронически недоедают* и *Он обычно не доедает свою порцию*) [ПАС, с. 134].

Материал разных толковых словарей русского языка показывает, что в тексте иллюстраций нередко встречается написание, которое не соответствует орфографическим правилам. К примеру, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, в словарной статье доглядеть выделен следующий оттенок значения: «|| (обычно с отрицанием). Наблюдая, присматривая за кем-, чем-л., заметить, углядеть. — *Что ж ты — не видал [хозяина]? — Стало быть, не видал. — А тебе не наказывали — гляди?! — А я вот **не доглядел*** [выделено мной. — Е. Б.]. М. Горький, Хозяин» [МАС, с. 414]. Как видно, оттенок сопровождается особой грамматической пометой *обычно с отрицанием*, в цитате из М. Горького *не доглядел* написано отдельно, что не соответствует орфографическому правилу, а также сведениям из академического орфографического словаря (ср.: **недоглядеть**, -яжу́, -яди́т (*недосмотреть*); также: **недосмотреть**, -отрю́, -отрит (*наблюдая, не заметить всего, не уберечь*) [см. АКАДЕМОС]). В 5-м томе «Большого академического словаря русского языка» (2006),

в статье *договаривать*, выделено самостоятельное устойчивое словосочетание *не договаривать* со значением ‘Сознательно умалчивать о чем-л.’, иллюстрация из словаря: «*Платон Михайлович держался как равный, без малейшего высокомерия, с полуслова схватывая всё, что говорил и не договаривал* [выделено мной. — Е. Б.] собеседник. Сац, Новеллы моей жизни» [БАС-3, с. 184]; в то же время в орфографическом словаре дана рекомендация: **недогова́ривать(ся)**, -аю, -ает(ся) (к **недоговори́ть**); **недоговори́ть**, -рю, -рёт (*высказать не всё, умолчать о чем-н.*) [см. АКАДЕМОС]. Доклад будет посвящен более детальному рассмотрению подобного отклонения от орфографической нормы.

Литература

АКАДЕМОС — Ссылка на страницу: <https://orfo.ruslang.ru/>

[БАС-3] — Большой академический словарь русского языка. Т. 5. / гл. ред. К. С. Горбачевич. СПб.: Наука, 2006. 695 с.

[МАС] — Словарь русского языка. Т. 1. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985. 696 с.

[ПАС] — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 432 с.

[Правила 1956] — Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1962. 176 с.

Проблема экологии семейного общения и речи

Алла Николаевна Байкулова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

allabay15@mail.ru

В Российской Федерации 2024 год объявлен Годом семьи. И это не случайно: современная семья требует всестороннего внимания и защиты со стороны государства, при этом важны усилия всего общества, направленные на сохранение семейных ценностей, среди которых любовь, уважение, взаимопонимание, доверие, близость и др. Но эта задача не может быть решена без улучшения экологии семейных отношений и семейного речевого общения.

Семейное общение составляет очень важную, но закрытую сферу личной жизни человека, к сожалению, не всегда благополучной. Здесь под воздействием разнообразных разрушающих факторов происходит большое количество семейных конфликтов. Один из факторов обусловлен несформированностью коммуникативной компетенции личности, неумением или нежеланием осознанно и ответственно относиться к использованию языка.

На наш взгляд, применительно к семейной сфере важно понятие культуры речи, сформулированное С. И. Ожеговым: «... высокая культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое <...> и наиболее уместное...» [Ожегов 1974: 287–288)].

В семье человек проводит свободное от работы время, и здесь возникает огромное поле для коммуникативных рисков. Речевое и неречевое поведение отдельного члена семьи обязательно субъективно интерпретируется другими её членами и, в зависимости от ситуации, приобретает тот или иной ситуативный смысл. При этом не всегда помогают существующие в каждой семье «притирки» (учёт индивидуальных особенностей поведения и речи друг друга). Парадоксально, но иерархическая организация семьи, непаритетность семейных ролей, регулярный закрытый и вынужденный характер общения способствуют как вежливому, так и грубому (антивежливому, неэкологичному) взаимодействию её членов.

Проблема коммуникативных рисков в семейном общении решалась Я. Т. Рытниковой, А. В. Занадворовой, В. С. Анохиной, А. Мустайоки, автором данной статьи и др. Риски могут быть обусловлены нарушением или отсутствием гуманистического подхода в общении; разрушением «баланса» отношений, эгоцентризмом, установкой на конфликтное речевое взаимодействие; речевой манифестацией семейных ролей, их индивидуальной интерпретацией и неверным исполнением, речевой беспомощностью; семейной речью и её спецификой: ситуативной обусловленностью, расстоянием между коммуникантами (например, разговоры из разных комнат), редукцией этикетных средств, нецелесообразным использованием жанрового потенциала в общении, спецификой семейных личных и других номинаций; негативными персуазивными прогнозами; невербальным компонентом общения и др.

В материалах по семейному общению, собранных студентами-филологами СГУ, большое количество диалогов, отражающих негативные коммуникативно-эмоциональные ситуации семейного общения. Например: (из разговора матери М., врача по профессии, с дочерью Д., школьницей): Д. *А вы куда с папой?* – М. *Я на рынок вокзальный а папаша по своим делам* // – Д. *Давай тогда я с тобой пойду* // – М. (на повышенных тонах) *Зачем? Чтоб на мозги мне капать?* – Д. *Я скучать же буду* // (начинает плакать) – М. (переходя на крик) *Как ты уже достала со своими слезами! // Как психованная! Тебя что / в психушку отдать пора?* Этот и многие другие факты показывают удручающую картину и дают основание считать проблему экологии семейного речевого общения одной из важнейших проблем, требующих внимания, ведь речевые поступки / действия членов семьи влияют на её здоровье, а по большому счёту, и на здоровье всей нации.

Основным критерием хорошей речи применительно к семейной сфере мы считаем эффективность речи, обусловленную соблюдением норм литературного языка и этики общения.

Проблеме экологии семейного общения и речи должно постоянно уделяться внимание. И. А. Стернин писал о том, что культуру надо формировать бытийно: «Необходимо создание культурной бытовой среды для ребенка, его постоянное участие в повседневных культурных ритуалах» [Стернин 2000: 364]. Важно не только лингвоэкологическое изучение семьи, но и широкая популяризация знаний об этой сфере на основе синергетического подхода.

Литература

Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 287—288).

Стернин И. А. Можно ли культурно формировать культуру в современной России? // Культурно-речевая ситуация в современной России; под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2000. 379 с.

Ненормативное использование метафор и идиом в современном газетном дискурсе: стилистический прием или речевая ошибка?

Любовь Викторовна Балашова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

balashova53@yandex.ru

В докладе анализируются не представленные в современных лексикографических источниках метафоры и идиомы, зафиксированные в газетных медиа XXI в. Цель исследования – квалифицировать такого рода употребления с точки зрения соотношения системы, узуса, нормы. Материалом для анализа послужили данные газетного подкорпуса Национального Корпуса русского языка и наши собственные выборки из газетных текстов за 2010 – 2023 гг.

Поскольку данный тип дискурса представлен подготовленными текстами в письменной форме, то фактор спонтанности на них не распространяется. Вследствие этого все употребления метафор и идиом, в том числе «ненормативные», можно рассматривать как оправданные – с позиции автора публикации и / или редакции. Вместе с тем можно выделить три основных типа такого рода употреблений в их отношении к системе, узусу и норме.

Первый тип – индивидуально-авторские метафоры и формально-семантически трансформированные идиомы, окказиональность которых осознана автором и используется им как стилистический прием, выполняющий функции экспрессивного воздействия, оценки, привлечения внимания и логического выделения. Данные употребления могут представлять собой семантическое и формальное расширение, не выходящее за пределы нормативной языковой системы (концептуальные метафоры и т.п.), или, напротив, намеренно противоречащее ей (языковая игра и т.п.) (*Вековые традиции старались стереть [языковая метафора], их пытались соскоблить зубилом [окказиональная метафора], как соскабливают с двигателей угнанных автомобилей номера; Они этот самый закон имеют в хвост и в гриву [экспрессивный эвфемизм]*).

Второй тип – узуальные, то есть достаточно распространенные в речи, ставшие привычными метафоры и идиомы, пока не отмеченные лексикографическими источниками (*Метастазы терроризма распространились за пределы Афганистана*). Следует отметить, что степень востребованности некоторых речевых метафор и идиом может ограничиваться в дискурсивном и / или ситуативном аспекте. Например, субстантивированное прилагательное *передовая* в значении ‘о какой-либо достаточно рискованной трудовой деятельности, наиболее значимой в данное время’ в устойчивой форме *на передовой* чрезвычайно активно использовалось при характеристике работы медиков в период пандемии КОВИД-19 (*С первых дней пандемии врачи работали на передовой и каждую минуту рисковали своим здоровьем и жизнью*). В 2022 – 2023 гг. его употребление практически сходит на нет.

Третий тип – речевые ошибки, то есть непреднамеренное и необоснованное нарушение нормы. Такого рода ошибки делаются преимущественно при использовании речевых метафор, развертывании языковых переносов, трансформации идиом, метафоризации и

идиоматизации прецедентных феноменов. Основными причинами возникновения ошибок и недочетов становится непонимание и / или недостаточное внимание к внутренней форме метафор и идиом, к тем концептуальным моделям, на базе которых происходит метафоризация и идиоматизация. Эти факторы обуславливают появление таких разновидностей ошибок, как: смысловая и когнитивная неопределенность контекстов; неуместность образного средства; сочетание несовместимых по внутренней форме развернутых метафор и идиом; когнитивный диссонанс окказиональных и языковых переносов (*Я как владелец клуба понял, что мы перевалили через Рубикон, и прекратил эту туманную сделку; Потускневшие красные пиджаки сегодня воплотились в эту постаревшую вечную девочку; Должен быть поставлен вопрос – во весь голос, широко и громко!; Сделаны ощутимые шаги к соглашению; Здесь играют на самых трепетных струнах человеческой природы).*

Безусловно, между выделенными типами нет жестких границ. В исследуемых текстах фиксируется достаточное число ненормативного использования метафор и идиом, квалификация которых не может быть однозначной, что в принципе соответствует общим законам функционирования языка.

История русской идиоматики: XIX-XXI вв. (динамика словаря)

Анатолий Николаевич Баранов

baranov_anatoly@hotmail.com

Дмитрий Олегович Добровольский

dm-dbrv@yandex.ru

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Изучение имеющихся лексикографических источников и соответствующих подкорпусов НКРЯ позволяет выявить следующие основные тенденции динамики состава русских идиом: 1. Появление новых идиом по сравнению с русским языком XIX в.; 2. Исчезновение идиом XIX в. в последующие временные периоды; 3. Сохранение части идиоматики, которую можно рассматривать как «неизменное ядро» состава идиом.

Анализ корпусного материала показывает, что определенная часть современных, достаточно употребительных идиом не могла существовать в языке XIX в., поскольку либо обозначает реалии XX-XXI вв. (*большой брат* в значении 'видеокамера наблюдения', *лампочка Ильича*) либо содержат слова, отсутствовавшие в языке XIX в. (*на автопилоте, под дулом автомата*).

Исчезновение идиом, как и выход из употребления отдельных слов – естественный процесс развития языка, при этом причины, по которым то или иное выражение выходит из употребления, не вполне ясны. В некоторых случаях это очевидно. Так, идиома *пойти / отдать / упечь... по красную шапку* вышла из употребления, поскольку исчезла соответствующая реалья:

(1) В этом нескладном потоке шутовских слов она поняла только одно: что перед нею стоит человек, которого при первом же случае надлежит *под красную шапку упечь* и дальнейшие объяснения с которым могут повлечь лишь к еще более неожиданным репримандам. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887-1889)]

Почему, однако, исчезла из словарного состава идиома *какова пора ни мера* (в значении близком к выражению *как бы то ни было*), сказать трудно:

(2) А я, между прочим, твердо в своем сердце положил: *какова пора ни мера*, а во всяком случае десять тысяч накопить и на родину вернуться. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия (1877-1883)]

Значительная часть идиом почти в неизменном составе перешла из русского языка XIX в. в русский язык XX-XXI вв. Ср. идиомы *губа не дура, штука капитана Кука*:

(3) – Уж не ломайся, знаем мы!.. Экая гладкая! у барина видно *губа не дура*... [М. Ю. Лермонтов. Вадим (1833-1834)]

(4) Гондола вся черная, а гондольер похож на факельщика. Вообще у тетушки моей *губа не дура*. Я теперь понимаю, за что она любит Европу. [В. Лихоносков. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж]

(5) – Я, конечно, не хочу, чтобы меня лупили, – перебила живо Вансок. – Ну вот в том и *штука капитана Кука*, – надо, чтобы мы их лупили, и будем лупить. [Н. С. Лесков. На ножах (1870)]

(6) – Но вдруг Людкина лисья мордочка радостно вспыхнула <...>. – А была бы *штука капитана Кука*, если бы ты ее... Ладно, посажу! Ну, держись! [Ю. Домбровский. Рождение мыши (1951-1956)]

Отметим, что далеко не все сохранившиеся идиомы можно относить к центру фразеологической системы – ее ядру. Ср. идиомы *ах, да рукою мах*; *в землю б лег да укрылся, только б этого не видать*; *тощ как хвоц*, которые хотя и обнаруживаются в текстах XX-XXI вв., малоупотребительны и скорее относятся к периферии современной системы идиоматики:

(7) Издатель притиснул ладонями листки к столу: – Нет-с. Торопом только блох бьют. Не такое это дело, чтоб *ах, да рукою мах*. Изрядувонный казус. [С. Д. Кржижановский. Воспоминания о будущем (1929)]

(8) Если у нас все хорошо, все идет по плану, как задумано, перспективы отличные, экономика оживает и растет как на дрожжах, с США и Западом – полный лад и согласие, правительство достойно работает, богатые богатеют на благо всего общества, то почему у нищего большинства населения растут настроения: *в землю б лег да укрылся, только б этого не видать*? [«Советская Россия», 2003.08.15]

(9) Учитель был *тощ, как хвоц*, староста озабочен, а священник отец Лонгин громоздок и демократичен. [Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990-2000)]

В одиночку, но по-разному: статистическая оценка региональности на материале ЖЖ

Владимир Иванович Беликов

независимый исследователь

vibelikov@gmail.com

В толковых словарях начиная со словаря Д. Н. Ушакова приводится фразеологизм *на одно лицо* («об очень похожих, лишенных индивидуальных отличий предметах, существах»). В жанрах, близких к разговорному, с ним сопоставимо по частоте не фиксируемое словарями выражение, которое проиллюстрирую концовкой кулинарного рецепта из Эстонии: *Постараться не съесть получившийся торт сразу и в одну... в одно лицо, самостоятельно... Это самый трудный пункт в рецепте.*

Вот сырая статистика на эти два выражения из двух сегментов ГИКРЯ:

	Журнальный зал	Живой журнал
<i>на одно лицо</i>	405 (1,46 ipm)	16082 (1,15 ipm)
<i>в одно лицо</i>	31 (0,11 ipm)	9149 (0,65 ipm)

В обоих случаях есть шум за счет свободных словосочетаний типа *билет на одно лицо* и *сливаться в одно лицо*. Шум первого типа в обоих сегментах невелик, шум второго типа в ЖЗ преобладает (всего четыре контекста, где *в одно лицо* — ‘в одиночку’), а в ЖЖ, наоборот, такого шума лишь несколько процентов.

Методическое замечание. Профили ЖЖ в ГИКРЯ анализируются автоматически, но с локализацией автора возникают проблемы — *СПб* или *Ленинград* «превращаются» в *Санкт-Петербург*, а *E-burg*, *Ёбург*, *Третий Рим*, *Город-на-Неве* и подобное остается необработанным^[1]. При относительно низкой выдаче полезна ручная корректировка локализации авторов, а также статистика по числу не только документов, но и авторов (любитель экзотичной для своего региона лексики может существенно исказить картину).

После выявления «полезных» мне регионов для сопоставления отдельно подсчитывалась статистика также по Нижегородской и Самарской областям. Данные авторов с разнородной локализацией (*Питер-Ебург* или *Иркутск, Самара*) не учитывались.

Ниже в таблице 1 представлена статистика по выражению *в одно лицо* и его трансформам с заменой *лица* на традиционные сниженные синонимы и (для сравнения) гораздо более частотному наречию близкого смысла *в одиночку*. Главная неожиданность тут — шестикратное предпочтение в этом контексте *хари* заметно менее грубой *морде*.

[1] Теоретически многое из такого автоматической обработке подлежит, но в профилях встречаются опечатки (*Носовибирск, Челябинск*) и разнородная экзотика (*Город, знакомый до слёз, Paul Passat city, Russian Federation, москватитер* или *Колывань, Прибалтийский ФО России*).

В таблице 2 дана статистика на синонимичные сходные выражения (в одно жало, в одну репу и т. п.) с явно выраженной региональностью.

Сходные выражения типа *в две каски* ‘вдвоем’, *в трое щей* ‘втроем’ используются заметно реже, но региональность проявляется в них ярче.

В ЖЗ ГИКРЯ регионально маркированные выражения с жалом используются петербуржцами И. Бояшовым, П. Крусановым, В. Шпаковым, с каской — уральцами А. Аршинским, А. Горбуновым, А. Пермяковым и сибиряком А. Леснянским, со щами москвичом И. Леленковым.

Таблица 1

Регион	в одиночку, вхождений	лицо		харя		морда	
		вх.	авт.	вх.	авт.	вх.	авт.
Москва	26964	2656	2048	742	637	103	95
Петербург	8635	748	592	157	134	22	22
Сибирь	4247	188	128	68	56	12	10
в т. ч. Новос. обл.	1337	87	51	15	14	3	3
в т. ч. Ирк. обл.	477	24	17	19	17	1	1
Урал	3699	147	115	95	79	10	10
в т. ч. Свердл. обл.	1536	65	48	32	27	2	2
Самарская обл.	930	82	61	40	34	3	3
Нижегородская обл.	851	60	45	14	7	2	2
прочая Россия	13093	1082	783	330	271	50	46
Украина	7276	334	237	60	40	15	14
Белоруссия	2622	209	144	7	6	12	10
Эстония	416	53	45	26	17	1	1
др. ближн. зарубежье	1724	62	46	13	9	5	5
Всё релевантное	70457	5621	4244	1552	1290	235	218

Таблица 2

Регион	каска		жало		репа		щи	
	вх.	авт.	вх.	авт.	вх.	авт.	вх.	авт.
Москва	59	45	132	111	16	14	66	43
Петербург	17	14	286	244	6	5	3	3
Сибирь	220	150	15	12	0	0	8	4
в т. ч. Новос. обл.	49	32	4	4	0	0	2	2
в т. ч. Ирк. обл.	72	45	0	0	0	0	0	0
Урал	191	136	15	12	0	0	1	1
в т. ч. Свердл. обл.	140	102	2	2	0	0	1	1
Самарская обл.	0	0	18	15	0	0	0	0
Нижегородская обл.	2	1	15	15	0	0	1	1
прочая Россия	53	34	89	66	19	18	12	7
Украина	4	4	31	24	0	0	7	5
Белоруссия	3	3	14	12	0	0	1	1
Эстония	1	1	0	0	39	34	0	0
др. ближн. зарубежье	0	0	13	7	0	0	1	1
Всё релевантное	550	388	628	518	80	71	100	66

Что именно недописала эстонская кулинарка, неясно: *не съесть торт в одну репу? в одну харю?* Или предпочла *в одно лицо*, затруднившись с выбором?

Орфографическая система и системная орфография

Дмитрий Дмитриевич Беляев

независимый исследователь

beltula@gmail.com

Кодификация орфографических норм не только фиксирует правильные написания, но и рекомендует пишущему оптимальные пути к таким написаниям (в том числе альтернативные). И пути эти должны носить системный характер. Единицы орфографической системы:

орфограмма (проблемная ситуация, требующая выбора между нормативным и ненормативным написанием, качественная или количественная);

раздел орфографии (класс однотипных орфограмм);

решение орфограммы (операции, ведущие к выбору нормативного написания);

принцип орфографии (класс однотипных решений).

Отношения между единицами:

Орфограммы					
звуковые	буквенные	словесные			
1-й раздел		2-й раздел	3-й раздел	4-й раздел	5-й раздел

Принципы орфографии	Решения орфограмм (операции)
фонематический ФМ	Проверка; презумпция (простоты/исходных признаков); графические закономерности
позиционный ПЗ	Фактор: позиция в составе графического или фонетического слова (линейная/нелинейная)
грамматический ГМ	Факторы: тип морфемы; морфемный состав слова; деривационные связи; часть речи; морфологические признаки; характер чередований; синтаксические функции и связи
лексический ЛК	Факторы: семантика; семантические отношения; коннотация; происхождение единицы (исконная/заимствованная)
традиционный ТР	Запоминание

Разделы орфографии	ФМ	ПЗ	ГМ	ЛК	ТР
1. Правописание морфем	+	(+)	(+)	(+)	(+)
2. Слитные/раздельные/полуслитные	–	(+)	+	(+)	(+)

написания слов					
3. Употребление прописных букв	–	–	(+)	+	(+)
4. Перенос	–	+	(+)	–	–
5. Графические сокращения	–	+	(+)	(+)	(+)

(+) – дополнительные принципы (могут противоречить доминирующему).

Возможны сочетания орфограмм (чаще одного, реже разных разделов) и принципов их решения (кроме **ФМ** и **ТР**).

Структура орфографической системы:

1-Й РАЗДЕЛ ОРФОГРАФИИ

Звуковые орфограммы (источник – нейтрализация)

Обозначение безударных гласных звуков

1. Общие закономерности

1) Устранение *вы́-*. 2) Беглость при словоизменении. 3) Условия проверки

2. Корни

1) Паронимичные и полисемичные. 2) Полиформичные

3. Универсальные аффиксы

1) Префиксы/предлоги. 2) Морфемы *не, ни*. 3) Интерфиксы

4. Аффиксы существительных

1) Флексии. 2) Суффиксы

5. Аффиксы прилагательных

1) Формообразующие аффиксы. 2) Словообразующие суффиксы

6. Аффиксы числительных и местоимений

7. Аффиксы глаголов и отглагольных форм

1) Флексии глагола. 2) Основы глагола. 3) Причастия наст. вр., деепричастия несов. в.

4) Причастия прош. вр., деепричастия сов. в.

8. Аффиксы наречий, предикативов, служебные слова

Обозначение согласных звуков

1. Общие закономерности

1) Порядок решения. 2) Условия проверки. 3) Презумпции

1. Непроизносимые [С]

2. Звонкие/глухие [С]

3. Шипящие [С] и [ц]

Буквенные орфограммы (источник – графические нарушения)

1. Написание букв гласных фонем

1) Общие закономерности. 2) Однозначные **Бс + о/ё? о/е? и/ы?**

3) Неоднозначные **Бс + ы/и? э/е?** 4) **Бг + э/е?** 5) **ь, й + Бг**

2. Написание букв согласных фонем

3. Написание двойных **Бс**. Общие закономерности

4. Написание **н/nn?**

1) Прилагательные/причастия (полные формы), существительные адъективного склонения.

2) Прилагательные/причастия (краткие формы). 3) Существительные, числительные.

4) Глаголы

5. Написание вспомогательных букв

1) Грамматический **ь**. 2) Неграмматический **ь**. 3) Разделительные знаки

2-Й РАЗДЕЛ ОРФОГРАФИИ

Источник орфограмм – взаимодействие знаменательных и служебных слов/морфем

1. Общие закономерности

2. Знаменательные + знаменательные. Составные слова

1) Однородного состава. 2) Неоднородного состава

3. Знаменательные + знаменательные. Сложные слова

1) Существительные. 2) Прилагательные. 3) Прочие части речи

4. Служебные + знаменательные

1) Префикс + слово. 2) Предлог/префикс + слово. 3) Частица/префикс + слово.

4) Союз + слово

5. Слитное/раздельное написание *не*

1) Имена, наречия и предикативы, служебные слова. 2) Глаголы, деепричастия.

3) Причастия / отглагольные прилагательные

6. Знаменательные/служебные + служебные

1) Повторы. 2) Слово + предлог. 3) Слово + постфикс. 4) Слово + частица. 5) Слово + союз

3-Й РАЗДЕЛ ОРФОГРАФИИ

Источник орфограмм – выделение нестандартных лексико-фразеологических единиц

1. Слова и словосочетания

2. Аббревиатуры

4-Й РАЗДЕЛ ОРФОГРАФИИ

Источник орфограмм – облегчение чтения и понимания переносимой единицы

5-Й РАЗДЕЛ ОРФОГРАФИИ

Источник орфограмм – облегчение понимания сокращённой единицы.

Культура письменной речи и критерии описания орфографической нормы

Елена Виленовна Бешенкова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

lenofil@inbox.ru

Одним из аспектов понятия культуры речи является эффективность общения. Как критерий эффективности письменного общения учитывается при орфографической кодификации? Какие критерии используются в формулировках действующих и предлагаемых правил и какова их роль в обеспечении адекватного применения правила? Рассмотрим два типа проблем: написания по правилам, предопределяющие неправильное прочтение, и неоднозначность критериев правила, затрудняющая их применение.

I. Затруднения, вызванные нарушением слогового принципа

б) Оформление стечения «согласная + йотированная гласная» зависит от позиции в слове: на стыке приставки и основы (*подъезд, межъядерный*, искл. *экс-еврокомиссар...*), на стыке основы и окончания (*нюю, бьёт*), на стыке основ, частей сложносокращенного слова (*артярмарка, гиперядро, госязык, Минюст*, искл.-подпр. *пол-яблока*, в терминах *штык-юнкер* + в топонимах *Инцъявр, Килпъявр, Кызыл-юрт* в Карачаево-Черкесии, *Кизилюрт* [лью] в Дагестане, *Хасавюрт* [вью], + *Бикъян* (ян 'сторона, край' (Башкортостан), *Сяньян, Наньян, Яньян, Йоньян* (Корея), *Хэньян, Циньян* (Китай), личных именах *Тхонъён* – кор. композитор. Анализ практики грамотного письма не выявляет статистически значимых отклонений: грамотные люди пишут грамотно. Однако количество вопросов в справочные службы о случаях слитного написания, нарушающий слоговой принцип письма, свидетельствует об остроте проблемы или о несогласии с рекомендациями кодификаторов, т.е. о проблемах в письменной коммуникации, а не о проблемах незнания нормы (название научной статьи «Что такое гиперядро или гиперядро» Физика гиперядер...). В написании топонимов русское письмо в этой области становится традиционным, но при этом в большей мере соблюдающим слоговой принцип, т.е. достигается одна из целей письменного общения – правильное прочтение слова.

в) Оформление стечения «согласная + и» на стыке приставки, части сокращенного слова и основы на *и* (*предынфарктный – постинфарктный, подыграть – постигра, юринститут*) + *синъицюань, нескл., с. (восточное единоборство)* в современном правиле определяется в зависимости от происхождения приставки. Статистически значимое несоблюдение этого правила наблюдается в терминологии: в словарях, энциклопедиях, текстах массово встречаются отклонения от нормы (*предыкт* и *предъикт* (музык.), *прединфарктный, прединсультный* (мед. словари) – *педынфарктный, педынсультный* (остальные словари), *предистеричный* и *предыстеричный* (мед. тексты). Написание с *и* соответствует сохранению облика морфемы, легкому опознаванию слова, но нарушает слоговой принцип.

II. Затруднения, вызванные неоднозначностью критериев правила.

а) Проверяемые гласные в приставках – невозможность буквального применения правила.

б) Суффиксы – расширение области применения критерия финаль (слова на..., напр.: слова на -ок : *движок, дружок, пирожок, прыжок, снежок, значок, качок, мозжечок, молчок, новичок, облучок, пусячок, пучок, сморчок, стручок, толчок, щелчок, гребешок, кочешок, кругляшок, мешок, на посошок, порошок*, и производные *гребешочек, пучочек* ...)

в) Словообразовательный критерий: соединительная гласная и интерфикс.

г) Критерий грамматической категории: причастие или прилагательное (*н* или *нн* в кратких формах в отглагольных адъективах (причастиях или прилагательных), *не* при причастиях и отрицательных прилагательных).

д) Критерий грамматической категории: несконяемое существительное или неизменяемое прилагательное.

III. Затруднения, вызванные неустановившейся нормой или неустановимой нормой

а) В предлагаемых правилах введены понятия правила-предписания и правила-рекомендации, напр. правило о написании наречия на -о, -е с прилагательным и сложные прилагательные с первой «наречной» частью.

б) Правила с открытым списком исключений (написание географических названий на безударные -инский, -енский).

Культура русской речи в коммуникации на родном и неродном языке: сходства и различия в трактовке термина

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

Санкт-Петербургский государственный университет

n.bogdanova@spbu.ru

Коммуникативное поведение жителей таких мегаполисов, как Москва или Санкт-Петербург, реализуется отнюдь не только в комфортных условиях общения с носителями русского языка, но и с иноязычными собеседниками, для которых русский не является родным языком. Это могут быть как мигранты, приехавшие или переехавшие из Ближнего Зарубежья, так и иностранцы, прибывшие в Россию учиться или работать. Статус русского языка как языка повседневного общения оказывается в результате различен у этих разных групп говорящих.

Для носителей русского языка это родной (первый, материнский) язык – LM1 (*Mother Language*).

Близок к этому статус русского и у тех граждан России, кто живет или приехал из национальных республик РФ, имеет другую национальность и другой язык в качестве первого родного, но на русском говорит с детства, это язык обучения, работы и значительной части повседневной коммуникации – LN2 (*Native Language*).

Для мигрантов из Ближнего Зарубежья русский тоже является вторым языком, хоть и не всегда воспринимается ими как иностранный, а изучался прежде всего для бытового общения: LNN2 (*Non-Native Language*). Доля общения на родном языке в повседневной коммуникации таких говорящих обычно достаточно велика и зависит от коммуникативной ситуации.

Наконец, для настоящих иностранцев русский – это язык, которым сознательно овладевают для будущей профессиональной деятельности: LF2 (*Foreign Language*).

Допускаю, что предложенная типология несовершенна и может быть скорректирована, но главная цель ее создания – попробовать определить сущность понятия «культура русской речи» для каждого из предложенных типов русского языка.

Общим для всех 4-х групп говорящих можно считать понимание *культуры речи* как владение языковыми нормами устного и письменного языка (знание правил произношения, ударения, грамматики и словоупотребления), а также умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения. Однако реальное воплощение требований (ограничусь все же требованиями только к устной речи), которые могут и должны предъявляться к говорящим из разных групп, оказывается различным.

Так, для групп LM1 и LN2 это стандартный набор требований к орфоэпической, лексической, стилистической и грамматической правильности русской речи: *жалюзИ*, а не *жАлюзи*, *звонИт*, а не *звОнит*, *[g]олова*, а не *[γ]олова*, *класть*, и не *ложить*, *есть*, а не *кушать*, *мыться*, а не *купаться в душе*, *пятисот*, а не *пятиста*, *иметь значение* и *играть роль*, а не наоборот и т. п. Для русских (LM1) эти требования привычны с самого начала школьного обучения, да и для носителей иного материнского языка (LN2) они

тоже традиционны, поскольку национальный язык для граждан РФ редко «мешает» владению русским (кодифицированным литературным), который является основным средством коммуникации на территории страны. Дополнительным требованием к говорящим из обеих этих групп можно считать еще отказ от использования просторечия, что вполне укладывается в стилистические правила.

Для группы LNN2 на первый план выходит требование говорения на чистом русском языке, без вмешательства лексики родного языка (хотя чаще такие носители, живя в России, утрачивают чистоту своей родной речи, постоянно вмешивая в нее русские слова). Уровень культуры русской речи в данном случае оказывается в полной зависимости от территории, на которой формируется общение мигрантов (речь прежде всего о трудовых мигрантах) с носителями русского языка. *ЗвОнит*, *ложить* и *[γ]олова* здесь более чем вероятны, бороться с этим мало реально, а до тонкостей типа *жалюзИ* дело обычно вообще не доходит в связи с ограниченностью русского лексикона этой группы говорящих.

Наконец, культура русской речи для иностранцев – это прежде всего освоение всего набора правил и преодоление акцента, порождаемого родным языком говорящих. Ошибки типа *звОнит*, *ложить* и *[γ]олова* в данном случае практически невозможны, поскольку освоение русского языка идет от словарей и учебников, а не от речевого окружения.

Думается, что языковая политика в результате должна учитывать, к какой группе говорящих на русском языке относится конкретный индивид.

Хезитаторы в микродиакроническом аспекте

Елена Георгиевна Борисова

ГАУГН – МГПУ
efcomconf@list.ru

Изучение живой речи, проводимое с определенными временными разрывами, показывает достаточно быстрые изменения в репертуаре средств, воспринимаемых чутким ухом грамотного слушателя как слова-паразиты. Под последними мы (и не только) понимаем слова или словосочетания, использование которых в речи воспринимается слушателем как излишние, неуместные и нередко уже «опороченные» т.е. признанные недопустимыми в речи культурного человека.

В научной литературе слово-паразит обычно понимается как не несущее какой-либо смысловой нагрузки, а используемое для заполнения пауз. Первое позволяет отнести к ним практически все вводные слова (*кстати, так сказать, в общем-то*), из-за чего им иногда присваивают наименование дискурсивов. Однако во многих случаях, в том числе в письменной речи, эти слова играют важную роль в понимании речи, являясь дискурсивными маркерами, и их употребление не воспринимается как избыточное или неправильное. В то время как слова-паразиты понимаются как лишние и даже вредные. Тем не менее, за ними признают дискурсивно важную функцию: протянуть время для подбора нужного слова, выхода на интересующую тему и т.п. В таких случаях слова называются хезитаторы (англ. Filler-words).

Мы будем исходить из того, что слово-паразит воспринимается слушателем как лишнее для передачи сообщения, и рассмотрим откуда появляются такие слова и как они меняются в ходе развития языка.

Что касается истории слов-хезитаторов, то некоторые используются в речи в этой функции уже очень давно. В речи старшего поколения, в отражениях этой речи писателями мы встречаем и чисто фонетический хезитатор э-э-э, и частицу вот, не связанную с указанием: *Я домой пришел вот*, и широко известное *это самое*. Нацкорпус позволяет отметить словосочетание *это самое* в литературных произведениях (не в авторской речи) начала XX века (именно в хезитативной функции) и встречается на протяжении всего столетия. Как показывают наши наблюдения, в устной речи они встречаются до наших дней. Столь же старым можно считать хезитаторы –гласные (ээ, мм).

Однако и в этой сфере происходят изменения. Всем памятен всплеск использования словосочетания *как бы* в 80е-90е годы. Тогда же стало активно использоваться слово *типа*. Это вызвало всплеск возмущения даже тех, кто не считал себя особо активными ревнителями чистоты русского языка, поскольку с одной стороны, выделялось оторванностью от значения этих слов, а с другой была маркером просторечия. Однако уже в 10е годы и *как бы*, и *типа* стали употребляться в своих прямых значениях - средств уподобления, т.е. перестали засорять русскую речь в роли слов-паразитов. Однако появились новые единицы, фактически выполняющие роль хезитаторов.

В начале века стала активно употребляться в роли хезитатора частица просто. В течение двадцатого века наряду с употреблением в роли наречия она использовалась и для

выполнения частичечных функций: *Просто я работаю волшебником* (см. диссертацию И.Токарчук). Однако в последнее десятилетие частица стала употребляться заметно чаще. При этом она может интерпретироваться в соответствии с одним из своих значений – объяснения, маркировки причины, противоречащей возможным ожиданиям. Ее возможность объяснять не только ближайшие пропозиции, но и более отдаленные, делают ее широко употребительной. Однако реальное отторжение как нарушение грамотности вызывает только частое употребление: *«Я просто сделала презентации. Просто потратила на это много времени»* (из переписки с коллегой).

Еще одной новацией последнего десятилетия стало употребление странного сочетания частиц как раз таки. По отдельности частицы имеют значение: *как раз* – совпадение с упоминаемым, обычно противоречащим: *Я как раз с этим не согласна*, *-таки* – подтверждение предполагаемого факта *Она-таки ему не жена*. Совместное употребление, объединяющее оба значения, возможно, но весьма редко – до последнего десятилетия. Вместе сочетание производит впечатление подтверждения сказанного, почти потерявшее какую-либо семантическую значимость. Хотя слово признается словом-паразитом. ([КАК РАЗ ТАКИ вытесняет КАК БЫ — Елена Иванян — Наши авторы Почитайте, Русский язык Почитайте — 1001.ru](#)), неодобрения не вызывает. Интересно, можно ли рассматривать его как хезитатор; никаких растягиваний или пауз оно не предусматривает. К его использованию побуждает скорее мода.

В целом можно отметить, что слова-паразиты характеризуются а) семантической выветренностью, в том числе и избыточностью с точки зрения маркировки прагматических характеристик сообщения, б) связанностью с нелитературными слоями языка (если этого нет, оно не воспринимается как «лишнее»), в) диахронической гибкостью, т.е. способностью к превращению в «пустое слово» и к выходу из употребления под натиском ревнителей нормы.

Категория вежливости: русские императивные речевые клише в диалоге

Данное исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238

Наталия Георгиевна Брагина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
natasha_bragina@mail.ru

Речевые клише – это одно- или многословные диалогические единицы, устойчиво и стереотипно воспроизводимые, прагматически связанные с конкретным(и) речевым(и) актом / актами и с конкретным классом коммуникативных ситуаций. Речевые клише могут выступать в диалоге как иницилирующая либо как ответная реплика.

В докладе речь пойдет о (преимущественно) однословных императивных речевых клише, используемых Адресантом как ответная реакция на (речевое) поведение Адресата – участника коммуникативной ситуации. С их помощью Адресант выражает общее чувство недовольства, дискомфорта от общения с собеседником, от темы разговора, собственно от реплик собеседника. Это – невежливые ликоугрожающие императивные речевые клише – категорические призывы Адресанта к Адресату, например: – *Прекрати!* / *Прекращай!* – *Отстань!* – *Проваливай* – *Заткнись!* и др.

Они являются маркерами определенных эмоциональных состояний, таких как гнев, ярость, злость, раздражение, возмущение, обида, отчаяние и др. и относятся к полю речевой агрессии. Они отражают физическое и ментальное состояние Адресанта: неготовность обсуждать тему вследствие усталости от нее, либо категорического несогласия с Адресатом, либо некомпетентности Адресата и др.

Подробно будут рассмотрены императивные речевые клише, в которых содержится категорический призыв к Адресату прекратить речевое действие. Общую коммуникативную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: Адресант по тем или иным причинам не желает продолжать общение на начатую тему.

Предполагается также затронуть вопрос о лексикографическом описании функционирующих в диалоге императивных клише.

Национально-культурный компонент в семантике слова и возможности его лексикографического описания

Елена Юрьевна Булыгина

Новосибирский государственный педагогический университет

bulyginalena2010@mail.ru

Татьяна Александровна Трипольская

Новосибирский государственный педагогический университет

tatianatripolskaya@gmail.com

Целью настоящего исследования является разработка способов лексикографической интерпретации прагматически маркированной лексики в компьютерной базе данных.

Национально-культурная семантика как составная прагматического макрокомпонента выявляется путем предварительного сопоставительного анализа, с помощью которого намечаются универсальные и уникальные характеристики слова.

Глагол *тянуть* в речи и в словаре

Елена Николаевна Геккина

Институт лингвистических исследований РАН

gekkin@rambler.ru

Описания глагола *тянуть* в академических толковых словарях русского языка XX века («Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова; семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка»; «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой; «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой; «Большой толковый словарь русского языка», подготовленный под руководством гл. ред. С. А. Кузнецова), при несомненных отличиях композиции словарной статьи, разработки семантической зоны, объема грамматических сведений и иллюстративного материала, тем не менее могут характеризоваться как концептуально типовые, в силу жанровой и исторической специфики одинаково предельно лаконичные и, если иметь в виду разновидности и доступность письменных источников, дискретные.

В настоящее время корпусные данные (в частности, «Национального корпуса русского языка») и лексикографические базы текстов позволяют составителям толковых словарей восполнить цитатные лакуны, подтвердить узуальный и стилистический статус речений, уточнить семантические признаки и функционально-грамматические особенности устойчивых сочетаний, выполнить «рокировку» устаревших и новых значений. Безусловно, словарная статья *тянуть* в этом случае может быть максимально приближена к критерию «соответствует», если целью словарного труда является отражение разносторонней речевой жизни лексических единиц, фиксация их нормативных характеристик.

Прежде всего, становится возможен общий взгляд на категориальные направления семантической системы глагола *тянуть*, поскольку она формировалась в результате «перемещения» глагольной номинации в универсальные для бытия человека и базовые для жизнедеятельности общества сферы. В материальном мире номинация *тянуть* служит обозначением статических и динамических состояний множества предметов, подвергаемых и не подвергаемых физическому воздействию со стороны человека или технических средств; перцептивно обусловленное обозначение *тянуть* именуется различными параметрические свойства объектов окружающего пространства; слово *тянуть* максимально востребовано при обозначении движений живых существ, изменений в природе, физиологических и психологических процессов, определяющих самочувствие человека, его устремления и пристрастия.

Мир человека, его действительность воспроизводится в речевых оборотах с глаголом *тянуть* детально, даже нюансово. Современное словарное отражение, своеобразное «зеркало» лексических отражений, призвано соответствовать полисемии глагола и многообразию грамматических форм, в каких воплощаются глагольная номинация, традиционные и новые для нее сочетания.

Семантическая деривация в поэтическом языке (лексема "город" – по материалам Словаря языка русской поэзии XX века)

Анна Владимировна Гик

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

annagik@yandex.ru

В докладе будет исследована семантическая структура лексемы "город" в поэтическом языке начала XX века. Материалом исследования станет словарная статья "Город" в "Словаре поэтического языка русской поэзии XX века." В словарной статье собраны контексты со словом "город" десяти авторов – крупнейших поэтов XX века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой.

Под семантической деривацией понимается процесс появления у слова производных значений, коннотаций. Особенности бытования слова в поэтическом языке связаны с индивидуальными особенностями стиля авторов Серебряного века и опираются на традиционные интерпретации образа города. В докладе будут отмечены метонимические и метафорические процессы изменений в семантической структуре слова. Для лексемы "город" в поэтическом языке характерны метонимические употребления и олицетворения: Город спит, окутан мглой, Чуть мерцают фонари... АБ899; Город во мгле засыпает Цв910; Город буйствует и стонет, Цв 917; Над черепами городов <...> летел станок печати. Хл919-20-22; И чувствует город свои деревянные ребра, ОМ920; И в товарищах городах... ОМ937.

О когнитивно-фонетических аспектах кодификации русской лексики

Ольга Игоревна Глазунова
Санкт-Петербургский государственный университет

o.i.glazunova@mail.ru

Результаты восприятия и осмысления человеком окружающего мира в виде чувственно-звуковых и обобщенно-понятийных ассоциаций пронизывают всю лексическую систему русского языка. Обратимся, например, к особенностям использования в русском языке равных по значению существительных *тоннель* и *туннель*. Несмотря на тот факт, что кодифицированные издания допускают оба варианта произношения и написания, данные Интернета свидетельствуют о том, что *туннель* носители языка употребляют в полтора раза чаще *тоннеля*.

Отсюда следует, что в сознании носителей языка семантике данного слова в большей степени соответствует [y] в составе корня. Действительно, для графической и семантико-фонетической конфигураций гласного [y] характерно значение протяженности, распространения. В то время как [o] в русском языке и графически, и на уровне фонетики соотносится с ‘замкнутой на плоскости кривой’, которая соответствует очертаниям входа в тоннель, но не соотносится со значением слова: ‘сквозной коридор, проход под землей или в горах’. Таким образом, язык довольно последовательно отражает семантическую разницу между гласными [o] и [y], фиксируя в лексемах вариант употребления, который в большей степени, с точки зрения носителей языка, отвечает значению.

Еще один пример — употребление гласных [o] и [y] в существительных *установка* и *остановка*. *Установка* — это «целевая направленность чего-л., ориентация на что-л.; направленность деятельности организма и отдельных его органов выполнять определенные функции». Очевидно, что в данном случае семантика слова ориентирована на значение распространения.

Совсем другой смысл имеет существительное *остановка*: 1) «Пункт, место, установленные для посадки и высадки пассажиров» из курсирующего по кругу или из одной точки в другую общественного транспорта; 2) «Перерыв, пауза (в речи, действии и т. п.)» или «Временное пребывание кого-л. где-л., на пути куда-л., в походе и т. п.». Исходя из семантики лексемы, можно сделать вывод, что гласная [o] в сознании носителей языка соотносится со значением ограниченного в пространстве места пребывания или ограниченного во времени состояния.

Принятое в современной лингвистике морфемное членение существительных опирается на формальные показатели. Так, например, А. Н. Тихонов выделяет в слове *остановка* корень **-останов-** и суффикс **-к-**, а в *установке* — приставку **-у-**, корень **-станов-** и суффикс **-к-**. В словаре А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремова в слове *установка* выделяется приставка **у-**, корень **-ста-** и суффиксы **-н-ов-к**. Подобный разброс в выявлении морфемного состава слов, безусловно, свидетельствует об отсутствии в современной лингвистике объективных критериев для такого рода членения.

Те же самые семантические принципы разграничения [o] и [y] определяют использование гласных в корневой части слов *ноль* и *нуль*, *росы* и *русы*, *стопа*

(древнерусск. стопа ‘ подошва ног’: Ш, 521) и *ступать* (древнерусск. стѣпати ‘ходить’: Ш, 578), а также в префиксах глаголов *уступать* ‘отдать или продать из угоды, подарить, дать на подержанье, отдать добровольно свою вещь, место или право другому’ и *о(б)ступать* (укр. *оступати*) ‘подойдя окружить, становиться со всех сторон кого, чего’. В силу близости артикуляционных и акустических характеристик, чередование гласных **о** и **у** в славянских корнях было явлением нередким: ср., например, русское *ковать*, украинское *кувати*, чешское *kovat*, словенское *kovačijo*, польское *kuć*.

Отсюда можно сделать следующий вывод: если чередования в корнях гласных **а** и **о** (*загар — загорелый, кланяться — поклон*), **е** и **и** (*соберу — собирать, стереть — стирать*) относятся к явлению, обусловленным комбинаторными изменениями звуков, то употребление гласных **о** и **у** у одинаковых или разных по значению лексем имеет сущностное, соотносящееся с семантикой, значение.

Русская орфография в контексте теории речевых актов (перлокутивный эксперимент)

Николай Данилович Голев

Кемеровский государственный университет

ngolevd@mail.ru

Русская орфография как языковой феномен и научная дисциплина органично включена в парадигмы таких лингвистических дисциплин, как ортология, культура речи, лингвоэкология, лингводидактика. В предлагаемом докладе мы намерены расширить эти рамки и обосновать необходимость включения орфографии в парадигму собственно лингвистического изучения языка. Л.В. Щерба в статье «О тройном аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании» трактовал все языковые феномены как единство трех сторон: языковой системы, языкового материала и речевой деятельности. Феномен орфографии – не исключение: он является фактом письменно-речевой деятельности, отражением (изоморфным?) системных оппозиций и проявлением того и другого в речевом материале.

Далее мы сосредотачиваемся на аспекте статьи Л.В. Щербы - эксперименте в языкознании, и намерены обосновать правомерность и продуктивность понятия экспериментальной орфографии. Оно предполагает рассмотрение орфографии как естественного элемента коммуникативной деятельности акта, а теории орфографии - как части соответствующих лингвистических концепций – коммуникативистики и теории речевых актов.

Речевой акт в концепции Дж. Остина представлен как трехуровневое образование, состоящее из иллокуции, локуции и перлокуции. Акцент в докладе делается на последней. Перлокутивный эффект – это воздействие, которое речевое произведение оказывает на адресата. Акцент на перлокуции предполагает рассмотрение речевого поведения адресата. В том числе изучение чтения и его эффективности, то есть анализ орфографической деятельности в аспекте влияния правильных и неправильных написаний на ход и результаты чтения в типовом формате рядового читающего. Эта сторона письменно-речевой деятельности не получила сколько-нибудь заметного изучения в лингвистике. «Факт» негативного влияния ошибок и – напротив – позитивного влияния правильных написаний на результаты обыденного чтения декларируется, но не доказывается экспериментально. Отсутствие перлокутивного эксперимента отдаляет орфографию от научного изучения языка как инструмента осуществления коммуникативной функции, от ее главного научно-лингвистического постулата – закона экономии речевых затрат. Экспериментальное изучение орфографии может прояснить в этом плане важные моменты орфографии. Среди них, например: изучение вопроса о способности орфографии улучшать быстроту и качество восприятия и понимания текста или, напротив, создавать помехи в этих процессах. Важной здесь была бы типология орфограмм с точки зрения их «помехообразующих» способностей; коммуникативно-прагматическая оценка дифференцирующего принципа русской орфографии.

Важными представляются и прикладные выходы экспериментального изучения орфографической деятельности. В лингводидактике, например, остро стоит вопрос о мотивации учащихся на овладение орфографическими и пунктуационными нормами. Без ответа на вопрос, **зачем** нужно писать правильно, мотивировать ученика сложно. Без учета коммуникативной функции провисает вопрос об оппозиции грубых и негрубых ошибок, описок как несущественных нарушений и ошибок как принципиально недопустимых. Вне понимания действия механизмов речевой деятельности осложнено обучения интуитивным форматам владения навыкам письма, скорописи и быстрочтения.

Конференция «Гротовские чтения» подсказывает обращение к реформам К. Я. Грота. Полагаем, что можно рассматривать их как 150-летний лингвистический эксперимент. Его предварительные итоги не могут быть оценены иначе, как положительные. Русская орфография в «гротовском формате» успешно обслуживала и обслуживает русскую литературу, науку, образование и культуру в целом.

Говоря о культуре, отметим, что обращение к коммуникативному вкладу орфографии предполагает ее включение в культуру речи в широком смысле, описываемом, например, постулатами Грайса, для которого культура речевого поведения – это во многом учет в речевой деятельности интересов адресата и, значит, - перлокутивной успешности. При этом лингвозкология – это не борьбы за абстрактную чистоту языка, отождествляемую с правильностью, а участие орфографии в реализации закона экономии речевых усилий. Замечу, что такие усилия существенно увеличивает сложный алгоритм решения орфограмм с помощью правил.

Несколько слов о роли эксперимента в языковом строительстве. Кодификация орфографических норм предполагает учет коммуникативных следствий, и - прежде всего - перлокутивной эффективности речевых произведений, и следовательно, ее предварительное выявление. Аналогичным образом сейчас развивается концепция «легкого языка», имеющая в виду приспособление учебных, юридических текстов к требованиям их доступности, понятности, удобочитаемости рядовыми читателями и желательность прагматической перлокутивной экспертизы в этом плане.

Учение о типах речевой культуры и образовательная практика

Мария Владимировна Горбунова

Московский педагогический государственный университет

mv.gorbunova@mpgu.su

Разного рода отступления от кодифицированных норм О. Б. Сиротинина называла *странными фактами*. Они появляются в живой речи как результат сдвигов в границах литературного языка. Это может происходить через включение в лексикон «ряда слов из нелитературных страт» [1, с. 6]. В результате в речи фиксируются диалектизмы, просторечия, жаргонизмы. Сдвиги в границах могут проявляться и через «различия в отнесении к сферам книжности – нейтральности – разговорности». Например, происходит за счет употребления средств разговорного стиля в текстах, предназначенных для публикации.

Странные факты в речи проявляются и как сочетания ранее несочетаемых по значению слов и понятий, построенные с нарушением правил грамматики. И дело не только в том, что заимствованная и профессиональная лексика постоянно пополняет ресурсы литературного языка. Изменения происходят «в соотношениях общерусского и терминологического значений» [1, с. 6], либо в соотношениях исконно русского и заимствованного компонента, а главное – они всегда касаются смысла высказывания и ценностей.

«Разговор с жаргонизмом может помочь в изучении новых слов» – так начинает студент-первокурсник свои рассуждения о нормах литературного языка [МПГУ, ИФКСиЗ-2022]. Это сочетание «разговор с жаргонизмом» появилось в его речи не только потому, что он не знает значение термина, но и как результат нежелания понять, осмыслить языковые явления.

Иногда приходится наблюдать, что эти языковые явления оцениваются в следующем ключе: «*Профессиональный жаргонизм* уместен в обществе, с ним так же можно найти и свободно понимать людей по интересам своей деятельности» [МПГУ, ИФКСиЗ-2022]. Этот уровень понимания языковых явлений и коммуникативных качеств собственной речи призваны изменить дисциплины, ориентированные на развитие речевой культуры личности.

Показательно, что в своих рассуждениях о языке студенты соединяют умения правильно говорить и писать с успехами в будущей профессии педагога. Лексемы *профессионал* и *профессиональный* употребляются чаще остальных синонимичных оборотов:

Пример 1. Стремительно устаревшие слова плавно отходят на задний план и постепенно забывается, а на смену им приходят новые, современные и более *профессиональные слова* [МПГУ, ИФКСиЗ-2016].

Пример 2. Так как мы говорим о *языке профессиональном*, то можем предположить, что есть тонкости, к которым не в каждом языке подберется такое слово, чтоб точно описать всю суть [МПГУ, ИФКСиЗ-2016].

Пример 3. Также рассматривая более узкое поле, то использование *профессиональных жаргонизмов и языка* в большей степени становится явлением положительным [МПГУ, ИФКСиЗ-2022].

Пример 4. Он позволяет людям в некотором роде проявлять индивидуальность и указывать на свою *профессиональную принадлежность*, это помогает человеку найти собеседника по интересам [МПГУ, ИФКСиЗ-2022].

При этом сочетаемость указанных слов иногда удивляет. «*Истинные профессионалы* найдут нужные и понятные слова и тем самым увеличат интерес людей к тому или иному виду спорта» – так пишет студент, отвечая на вопрос преподавателя [МПГУ, ИФКСиЗ-2022]. И закономерно возникает вопрос, могут ли профессионалы быть *мнимыми*. Толковые словари, конечно, дают ответ на этот вопрос, однако эти ответы студентов не интересуют.

Поэтому столь важно в сложившейся ситуации вводить учение о типах речевой культуры в содержание дисциплин о языке и речи. Эта концепция стратификации языка в зависимости от *позиции* самих носителей по отношению к нормам, жанрам, стилям литературного языка обладает серьезной объяснительной силой.

Претерпев многочисленные изменения в трудах О. Б. Сиротининой и её единомышленников (В. Е. Гольдина, К. Ф. Седова, И. А. Стернина), учение о типах речевой культуры закрепилось в современной русистике как особый подход, в рамках которого культура речи определяется не как *данность*, а как *выбор* конкретной речевой личности. Это учение обладает не только научной, но и методической ценностью. Именно через понимание того, как позиционирует себя личность в отношении норм литературного языка, формируется *хорошая речь* конкретного носителя, его коммуникативная компетентность.

Литература

1. Сиротинина О. Б. Что даёт изучению развития лексической системы внимание к "странным" фактам окружающей речи? // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. М. А. Кормилицыной. Т. 16. – Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2016. С. 4–15.
2. Стернин И. А. О типах речевой культуры носителя современного русского языка // Культура общения и ее формирование. Т. 21. – Воронеж: Истоки, 2009. С. 19–28.

МАТЬ и МАМА: история словоупотребления

Татьяна Михайловна Григорьева

Красноярский государственный университет

annysten@yandex.ru

У лексической пары *мать-мама* один референт, но они имеют разное семантико-словообразовательное гнездо и разную активность в употреблении на разных этапах истории русского языка.

Толковый словарь В.И. Даля включает оба слова, однако преимуществом надделено слово *мать*.

Словарная статья *мать* – это около двух страниц текста, включающего семантические варианты (кормилица; женщина, кормящая грудью не свое дитя; старшая няня, род надзирательницы при малых детях) и множество пословиц, поговорок, загадок. *Бог до людей, что мать до детей* (добра); *Как вырастешь с мать, все будешь знать*; *Полно, мать, врать, дай жене-барыне сказать* (говорит сыну); *На что и мать, когда нечего дать*; *Мать хлопотунья, дочь хвастунья, сын замотай* (лопата, метла, цепь); *Волга всем рекам мать*; *Мать толста, дочь красна, сын замотай* (печь, огонь, дым) и многие другие.

Словарная статья *мама*, занимая только 18 строк, включает те же семантические варианты и несколько пословиц: *Уродила мама, что не принимает и яма! Искал дед маму, да и попал в яму* и др.

С.М. Волконский, внук декабриста, камергер и директор Императорских театров, критик, создатель актерской школы, в книге «Воспоминания» (Париж, 1923) представляет жизнь русской эмиграции. Слово *мама* употреблено им только в двух обращениях: *Мама, заставим неаполитанцев петь... Ах, мама, при чем тут час или время года!* Слово же *мать* является абсолютно преобладающим: *Вареньки занимались живописью, в то время как мать давала уроки музыки; Это был постоянный театр, сон наяву. Мать и сын всегда ссорились и вместе с тем не могли обойтись друг без друга... и др. (Т.І. Часть Первая. «Лавры»).*

В воспоминаниях о своей семье (Т. П. Часть 3 «Родина». Гл. 1 –7 . «Фаль». «Павловка». «Гимназия и университет», /»Единомышленники». «Из чиновничьего прошлого», «Свобода вероисповедания», «Княгиня») автор использует единственное слово *мама* в обращении к своей матери и многочисленное *мать* с её падежными формами: *мать рассказывала, вспоинил и мою мать, а мать мне сказала, мать с цесаревной сели..., мать вынула у меня из кармна носовой платок, мать сказала, когда-то моя мать привезла, мать моя тут же их посадила, моя мать не прекращала сажать, но как было трудно моей матери начинать, борьба с пустыней была деятельностью моей матери; мы, старшие, с матерью верхом; первой учительницей была её основательница, моя мать; моя мать прибавляет..., мать же моя дышала чистым воздухом незатемненной логики и свободной личности, как думала и чувствовала мать, под руководством моей матери читали вместе Данте, моя мать, прощаясь с ним, сказала; моя мать, очень ценившая его, называла его..., он был близок моей матери, наша мать писала, моя мать написала две книги по церковным вопросам, во*

второй книге моей матери, нравственное страдание матери, для моей матери, удовлетворяла духовным стремлениям моей матери, моя мать была католичка, католичество моей покойно матери, по случаю смерти моей матери, вокруг смерти моей матери, моя мать ставила его в число самых выдающихся людей, после смерти моей матери, когда умирала моя мать, стоял гроб моей матери, вокруг смерти матери, мать моя овладела этими языками, мать моя прибавляет, моя\мать ввела в эту область свою ... терминологию.

В воспоминаниях ЛЛ. Касаткина, главного научного сотрудника ИРЯз им. В.В. Виноградова РАН, «История одной семьи (Новый мир, 2016/3) слово *мать* является доминирующим – более 40 употреблений: *Меня не на кого было оставлять дома, и мать часто брала меня с собой на работу. Когда я подросток, мать стала меня учить игре на пианино. Отец писал мою мать, меня и др.* Наряду с этим 15 словоупотреблений слова *мама*: *Однажды мама взяла меня с собой..., зимой приехала мама проездом в Петербург и др.*

«Воспоминания» Д.С. Лихачева (М., 2019) включают оба слова с преобладанием *мать*: *Мама с куоккальскими дамами сидит на скамейке... и Мать собрала вещи (мыло, белье теплые вещи)... На лето ко мне приехали мать и брат.*

В воспоминаниях о родном селе двух профессоров. (Г.И. Панова и Г.И. Пановой) – только *мама* в обычном повествовании (Наше село Табат. Абаканм, 2023).

Выражения *моя мать, ваша мать, твоя мать* хотя и не абсолютно, но практически вытесняются в сфере несемейного общения сочетаниями *моя мама, ваша мама, твоя мама*. Не является исключением такая сфера функционирования языка, как кроссворды, где в качестве заданий предлагаются такие: *мама ягненка, мама козленка*, хотя в известной сказке «*ваша мать пришла, молока принесла*».

Одной из вероятных причин такого смещения можно считать расширение пределов нецензурного слова вообще и с компонентом *мать* во всех сферах современной речи – частности: радио, телевидение, сцена, кино, взрослые, студенты и школьники.

Фармаконимы: проблемы отражения в толковом и орфографическом словаре

Оксана Михайловна Грунченко

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

ogrun@yandex.ru

Термин «фармаконим» понимается широко – это имя существительное, называющее лекарственное средство (ЛС).

При этом орфографические словари могут включать фармаконимы, являющиеся названиями, то есть именами собственными, в то время как в толковых словарях находят отражение лексические единицы, которые уже перешли в результате процесса деонимизации в число имен нарицательных.

Исследование фармаконимов позволяет сформулировать ряд проблем, требующих решения на этапе формирования словника как толкового, так и орфографического словаря: 1. Каковы критерии определения круга лексических единиц из числа фармаконимов, включаемых в словарь; 2. Каким образом должно осуществляться разграничение имен собственных и имен нарицательных; 3. В какой мере должна приниматься во внимание, а в толковом словаре – отражаться в описании значения, при выборе помет и в зоне этимологии актуальная экстралингвистическая информация (например, сведения относительно применимости того или иного ЛС в современной врачебной практике, относительно наличия тождественных по составу ЛС разных производителей, имеющих различные патентованные наименования и т. п.).

Такие фармаконимы, как *аспирин*, *ампициллин*, *анальгин*, *валидол*, *валокордин*, *диклофенак*, *нистатин*, *но-шпа*, *парацетамол*, *пенициллин*, *пенталгин*, *супрастин*, *фурацилин*, *эритромицин*, на сегодняшний день имеют традицию фиксации орфографическими словарями, а некоторые из них отражены и авторитетными толковыми словарями.

Представляется, что основанием для решения о включении тех или иных фармаконимов в словник ранее зачастую становился субъективный критерий – языковая интуиция составителя, учет места слова в языковой картине мира лексикографа. Этим можно, вероятно, объяснить фиксацию многочисленных названий анальгетиков, спазмолитиков, антибиотиков, витаминов при относительной малочисленности или даже отсутствии в тех же словарях названий ЛС иных групп.

Однако на смену субъективному подходу, с учетом возможностей НКРЯ и электронных библиотек, должен прийти объективный анализ, предполагающий учет практики употребления фармаконимов в текстах разных типов.

При работе над словарями, отражающими современное состояние лексической системы, следует последовательно исключать наименования вышедших из обихода ЛС, например, такие наименования, как *люминал* (противосудорожное ЛС), *пантопон* (болеутоляющее ЛС), *тиокол* (противотуберкулезное ЛС).

Исключения могут быть, вероятно, сделаны для фармаконимов, которые многократно упоминаются в текстах художественной литературы, в том числе входящих в НКРЯ, и

при этом не являются на сегодня зарегистрированными товарными знаками, таких как *пирамидон* (наименование болеутоляющего и жаропонижающего ЛС):

(1) Соседка целый день моталась по квартирам, выпрашивая одну луковицу, таблетку *пирамидона*, чаю на заварку, две морковки, ложечку сахарного песка или ломтик хлеба. [Э. Рязанов, Э. Брагинский. Берегись автомобиля (1966)]

(2) Он сидел за столом в пустой докторской комнате и выписывал прописи из истории болезни на отдельную бумажку – *пирамидон*, дигиталис, аспирин. [Ю. Домбровский. Хранитель древностей (1964)]

(3) – Дорогой Степан Богданович, – заговорил посетитель, проникательно улыбаясь, – никакой *пирамидон* вам не поможет. [М. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(4) По ночам, когда Мура спала, засунув голову под подушку, Картошин наедался *пирамидону*, так что сердце трепетало, как мышь в кулаке, и писал. [А. Н. Толстой. Черная пятница (1924)]

При разграничении имен собственных и имен нарицательных сложность связана с тем, что в текстах, соответствующих современным нормам пунктуации, допустимо написание фармаконимов без кавычек и со строчной буквы (при так называемом разговорно-бытовом употреблении). Таким образом, оказывается невозможно по одному лишь графическому облику слова определить, является ли оно именем собственным или уже перешло в разряд имен нарицательных.

Необходимым представляется при работе с фармаконимами и учет экстралингвистических сведений, в частности информации о зарегистрированных товарных знаках.

Так, фармаконим *аспирин* фиксируется и толковыми, и орфографическими словарями исключительно как имя нарицательное. Однако такая фиксация не учитывает тот факт, что на территории России до 4 декабря 2031 г. действует исключительное право на товарный знак «АСПИРИН» (правообладатель – Байер Интеллекчуал Проперти ГмбХ). В толковом словаре данное обстоятельство, вероятно, может быть учтено при сообщении этимологических сведений, а в орфографическом – путем указания на вариативность написания товарного знака и выпускаемого под этим знаком ЛС.

Морфологическое варьирование и нормализация в топонимии

Игорь Александрович Дамбуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
(г. Улан-Удэ)

igor_dambuev@mail.ru

В отличие от орфографического варьирования в топонимии, вопросы морфологического варьирования, а тем более нормализации морфологических вариантов, всегда оставались на периферии лингвистических исследований. По умолчанию подразумевается, что появление морфологических вариантов обусловлено местным узусом, а нормализация вариативных топонимов должна опираться на традиции их употребления. Особое внимание к данным вопросам позволяет обнаружить общие закономерности возникновения варьирования и специфику нормализации морфологических вариантов.

Морфологическое варьирование в российской топонимии представлено примерами грамматических и словообразовательных вариантов топонимов. Грамматические варианты появляются в результате варьирования родовых окончаний (п. *Многопольное / Многопольный*, д. *Сидорово / Сидорова* и др.), окончаний числа (с. *Урывки / Урывка*, д. *Погорелки / Погорелка* и др.), падежных окончаний (п. *Володарского / Володарский*, д. *Кирпичный Завод / кирпичного завода* и др.). Словообразовательные варианты представлены варьированием суффиксов (топоформантов), образующих топонимы (с. *Шуваловка / Шуваловский*, с. *Черноречье / Чернореченское* и др.), а также полных и усеченных вариантов (п. *Комсомольский / Комсомольск*, с. *Новопоцук / Новопоцукое* и др.).

Представленная классификация носит условный характер ввиду поставленных задач и недостаточной теоретической разработанности вопросов топонимического варьирования. Например, в случае с варьированием с. *Урывки / Урывка* и под. неоправданно говорить о грамматическом варьировании в строгом смысле слова, так как в данном случае речь не идет о реальной грамматической категории множественности. Плюрализация здесь выполняет словообразовательную функцию, образуя ойконим на основе гидронима *Урывка*. Мы же отнесли такие примеры к грамматическим вариантам на основании того, что они различаются своими окончаниями.

Причины морфологического варьирования разнообразны. Среди общих тенденций, присущих российской топонимии, выделим следующие: зависимость родовой отнесенности топонима от его родового термина; употребление формы среднего рода как универсальной формы названий небольших сельских населенных пунктов безотносительно к их родовым терминам; употребление форм *pluralia tantum* в ойконимии; тенденция употребления генитивных топонимов в номинативе; тенденция субстантивации адъективных форм топонимов при помощи усечения или соответствующих топоформантов.

При нормализации топонимов, испытывающих морфологическое варьирование, отмечаются следующие тенденции: согласование рода топонима с родовым термином (с. *Приобское / Приобский* → *Приобское*, стан. *Голубинская / Голубинский* →

Голубинская и др.); приоритет формы среднего рода у малых сельских населенных пунктов вне зависимости от родового термина (хут. *Субботин* / *Субботино* → *Субботино*, д. *Авилова* / *Авилово* → *Авилово* и др.); номинативизация генитивных форм топонимов (с. *Анцеловича* / *Анцелович* → *Анцелович*, п. *Льнозавода* / *Льнозавод* → *Льнозавод* и др.); тенденция к экономии средств выражения (хут. *Калининский* / *Калинин* → *Калинин*, д. *Нехорошевский* / *Нехорошевка* → *Нехорошевка* и др.).

Каковы бы ни были обстоятельства возникновения и употребления топонимов, все они, употребляясь в устной и письменной речи, подвержены общим тенденциям развития российской топонимии, которые нуждаются в дальнейших исследованиях в целях совершенствования нормализации топонимов. На данный момент следует отметить, что в ряде случаев результаты нормализации учитывают такие тенденции, отраженные в современном узусе и закрепленные в нормативно-правовых актах. В других же случаях нормализаторы следуют в силу действующего законодательства таким официальным написаниям, которые являются порождением искусственно созданной традиции, закрепившейся в текстах официально-делового стиля последних десятилетий, и не совпадают с местным узусом.

Трансформации речи у поколений цифровых коммуникаций

Екатерина Роландовна Добрушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
edobrush@gmail.com

В течение трех десятилетий работая со старшеклассниками и студентами, я старалась отследить, как меняются их восприятие текстов и ошибки, которые они допускают в письменной и устной речи. Сейчас перемены очень заметны. Очевидно, что на восприятие языка сильно повлияли цифровые технологии. Поколения родившихся в 90-х и младше читает и пишет заметно иначе, чем предыдущие. Попробую сформулировать свои соображения об этом.

Как особенности современной речевой практики, впрочем, конечно, формировавшиеся постепенно, хочу обсудить такие:

I. Уход от грамматических ограничений в области синтаксиса, вместо них семантизация и вычисление по контексту.

II. Уход от тонкостей значений, упрощение смыслов. Дублирование информации и как прием, и как речевая привычка.

III. Значимость самоопределения микросоциумов через особенности лексики и фразеологии.

IV. Орфографические и пунктуационные игры в устно-письменной речи рунета.

V. Означенные тенденции в синтаксисе приводят к следующим явлениям:

6. Почти умерло ограничение на абсолютные деепричастия. *Дочитав книгу до середины, она стала скучной* для 70% московских школьников «звучит» нормально.

7. Почти умерло ограничение падежа и предлога дополнения ко второму однородному члену: *Мать любила и заботилась о сыне.*

8. Уменьшается разнообразие моделей управления, работает управление по аналогии: *все равно / безразлично на* – это на глазах идущий, уже почти завершивший процесс формирования новой модели управления.

Массово растет использование *за* при глаголах речи:

Могу только *сказать за* свой телефон, который мне кажется классным... [НКРЯ. СС. telegram Чат для художников (08.10.2022)]

Глагол *пояснить* приобрел этот вид управления практически как основной:

*Раздражают люди, которые пишут в чате всякие бред, а после не могут даже **пояснить за него.*** [НКРЯ. СС. telegram Rozetked Discuss (09.09.2019)]

Причины экспансии *за* мне не ясны. Вряд ли это влияние южных диалектов, разве что опосредованное. Скорее тут какая-то потребность в особом значении.

(4) Сложности с выстраиванием сложноподчиненных предложений и потребность в дополнительном маркере структуры привели к тому, что сочетание *то что* превратилась в устной речи и в отдельный союз, и в частотную мусорную частицу: *Это с учетом того то что эти задания я делал по второму разу.*

II. Уход от тонкостей значений приводит к невозможности восприятия как ненормативных избыточных словосочетаний – начиная от *период времени* и до *мясо из говядины*.

Дублирование информации, порожаемое и популярным приемом выразительности (*успешный успех, хотее хочу*) и особенностями коммуникации в чатах (чтобы тебя услышали, надо повторить много раз) приводит к постоянной разнотипной избыточности письменной речи: *покончил с собой самоубийством; Таким образом, я думаю, можно утверждать, что...*

III. Для современных школьников (от 7 классов примерно) в еще большей степени, чем всегда, важно единение в компании ровесников. Самоопределение через речь приводит к значимости жаргонных лексем (*рофл, ЧСВ, читерство* и др.), набор которых свой в конкретных группах, при этом быстро сменяемый. Так, слово *ЧСВ* в одних группах московских школьников регулярно используется, в других того же возраста – не знают о его существовании.

Носителями устного жаргона в первую очередь оказываются формирующие свои компании семи-девятиклассники, тогда как в старших классах при уже сформированных группах жаргон уступает место локальным мемам. Интересно, что термин *локальный мем*, малознакомый поколению сорокалетних, очень значим для 17-30 летних.

V. Примеры орфографических игр, порожденных имитацией устной речи: *дык, исчо, чтош..., знч.* У каждого такого слова своя микродиахроническая история. Значимость игр с письменным текстом особенно высока из-за того, что обсуждаемые поколения очень много переписываются, не используя телефонных разговоров.

Быстро меняющиеся устная и письменная речь на глазах развивают элементы нового синтаксиса, лексики, фразеологии, новые орфографические и пунктуационные игры, и части всего этого стремятся войти в литературный язык. Этот процесс требует фиксации.

Наивный носитель языка и его бесценное мнение о норме

Светлана Викторовна Друговейко-Должанская

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
s.drugoveykogmail.com

В любом холиваре в любой социальной сети (и неважно, какая тема послужила ему заправкой: можно ли предлагать гостям тапочки, что следует класть в салат оливье или же как следует говорить: *в Пулково* или *в Пулкове*) мы непременно обнаружим чью-либо язвительную реплику в сторону оппонента: «Сначала научись говорить/писать правильно, а потом уже высказывайся по столь важному вопросу». Иначе говоря, владение нормами языка в общественном сознании по-прежнему едва ли не приравнивается к владению нормами этическими, нравственными и проч. При этом любая из сторон (например, как голосующие за *в Пулково*, так и возмущенные этой формой) основывается вовсе не на знании нормы, а на своем мнении о ней. Лингвисту, разумеется, должно воспринимать любое из таких мнений как бесценное в самом прямом смысле этого слова, поскольку кодификация норм всегда основана в том числе и на учете предпочтений грамотного большинства.

Следует заметить при этом, что последние десятилетия отмечены не только интенсивной коллоквиализацией языка, но и изменениями в отношении к кодифицируемой норме со стороны рядовых носителей. Примером тому могут служить, в частности, многочисленные петиции на портале <https://www.change.org/ru>, авторы которых требуют запретить какую-либо языковую форму, «на законодательном уровне» изменить норму. Такого рода требования находят значительную поддержку со стороны подписантов и комментаторов подобных петиций («Меня не устраивают современные нормы русского языка», «Лингвистические аргументы могут оставить при себе учёные», «Пора прекратить волюнтаризм при определении правил русского языка» и даже такое яркое высказывание: «Давно пора вернуть истинные правила русского языка. Стыдно слышать по радио и ТВ просторечие ведущих. Они же комментируют это якобы изменениями в правилах в 90-х внесенными неким проходимцем по фамилии Зализняк»).

Еще раз о месте интонационного принципа при кодификации пунктуации

Михаил Яковлевич Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена /
Институт лингвистических исследований РАН
dym2005@list.ru

Расширение применения интонационного принципа при формулировании пунктуационных правил, предлагаемое мной в последнее время, вызывает у ряда коллег сомнения, которые можно свести к следующим тезисам:

- 1) современная письменная речь «сейчас признается достаточно автономной формой языка», утратившей вторичность по отношению к устной и лишённой интонирования — как предварительного (при порождении), так и последующего (при чтении глазами);
- 2) поэтому интонация не является первичным фактором, определяющим выбор знака,
- 3) так как пишущие не опираются на нее.

Рассмотрим эти тезисы.

1. Суждение об отделённости современной письменной речи от устной формы представляется объяснимым, но требующим верификации, желательно — экспериментальным путем. Объяснимость вытекает, например, из очевидных фактов пренебрежения пунктуацией (как и орфографией) в практике общения в чатах, соцсетях и т. п. Верификация же необходима потому, что утверждение о разрыве между письменной и устной формами существования языка означает кардинальный пересмотр существующих представлений о соотношении этих форм, о последовательности вхождения ребенка (любого!) в язык и др. Мое убеждение состоит в том, что это соотношение незыблемо — во всяком случае до тех пор, пока дети не начнут сначала учиться читать и писать, а потом воспринимать устную речь и говорить. Упомянутые же факты пренебрежения пунктуацией объясняются, на мой взгляд, не отсутствием интонирования при порождении письменного сообщения, а элементарной ленью.

2. Интонация действительно не является первичным фактором выбора знака, она действительно, как и пунктуация, «дочь смысла», но есть ряд пунктуационных ситуаций, когда интонация, отраженная в знаке препинания, является надежным средством фиксации замысла пишущим и идентификации его читающим. Если бы современный пишущий не обращал никакого внимания на то, каким должно быть желаемое интонационное оформление его высказывания, и на то, как отразить это оформление на письме, он просто не мог бы ни породить, ни различить вопросительное и утвердительное высказывания (1) и (2):

(1) *Может быть, в этих случаях речь должна идти о предполагаемой автором интонации?*;

(2) *Может быть, в этих случаях речь должна идти о предполагаемой автором интонации.*

Этот простой пример, служащий ответом и на сомнения тех коллег, которые апеллируют к «интонационной глухоте» современного школьника, показывает, что эта «глухота» сильно преувеличена: она существует, но она является плодом не фундаментальных изменений в соотношении устной и письменной форм речи, а отсутствия должной работы над интонацией при обучении в школе чтению, русскому языку и литературе. И это не только может, но и должно быть исправлено. Именно эту цель, в частности, преследует введение в ряд пунктуационных правил указаний на соответствующее интонационное оформление.

3. Ответ на третий тезис уже дан: пишущие опираются на интонацию, хотя и в узко ограниченном круге случаев. Между тем ситуаций, когда интонация помогает правильно оформить высказывание пунктуационно, а пунктуация помогает верно воспринять подразумеваемое интонационное оформление высказывания, что облегчает точную передачу и восприятие смысла, — больше: они не исчерпываются дифференциацией вопросительных и невопросительных предложений.

Необходимо, впрочем, согласиться с тем, что нельзя формулировать пунктуационное правило, ставя выбор знака в зависимость **только** от интонации. Однако подобных формулировок никто, кажется, и не предлагает.

Яканье в г. Мосальске и его окрестностях и яканье мосальского типа

Светлана Владимировна Дьяченко

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
svet-lan-a@list.ru

1. Доклад основан на материалах диалектологической экспедиции июня 2023 года. В нём кратко характеризуется языковая ситуация в г. Мосальске и его окрестностях, основное внимание при этом уделяется оформлению первого предударного слога после твёрдых и после мягких согласных (устойчивое диссимилятивное аканье и яканье в виде остаточных явлений / ýканье). Современные данные сопоставляются с данными более ранних описаний мосальских говоров, см. [Шахматов 1896-1897; Брок 1916; Касаткин 1999].

2. Кроме того, предполагается обсуждение термина «мосальское яканье»: время его появления, соотношение с термином «витебское яканье», который употребляется в аналогичном значении в белорусской диалектологической литературе. Мосальский (витебский) тип диссимилятивного яканья предполагает произношение [a] перед ударными гласными верхнего подъёма и перед ударным [o] любого происхождения, включая [’o] из [e], и произношение [и] перед ударным [a] и перед ударным [e] любого происхождения [Русская диалектология 2005: 45]. Учитывая название этого типа, можно ожидать, что он встречается на территории распространения мосальских говоров (или на территории Мосальского района Калужской области). В докладе будет рассмотрен вопрос о том, обнаруживается ли на самом деле этот тип яканья в современных мосальских говорах и обнаруживался ли он в этих говорах раньше.

Литература

1. Брок 1916 – Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Петроград, 1916. 128 с.
2. Касаткин 1999 – Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 1999. 529 с.
3. Русская диалектология 2005 – Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, О.Г. Гецова и др.; Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.
4. Шахматов 1896-1897 – Шахматов А.А. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров // Русский филологический вестник. 1896. Т. XXXVI, № 3-4. С. 60-99. (Продолжение статьи: Там же. 1897. Т. 3 XXXVIII, № 3-4. С. 172-209).

Плеоназм как норма и как лексическая ошибка

Александр Николаевич Ерёмин

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
eremin.an55@yandex.ru

«ПЛЕОНАЗМ (греч. πλεονασμός – излишество, чрезмерность), избыточность выразительных средств, используемых для передачи лексического или грамматического смысла высказывания...». [В. А. Виноградов, М. Л. Гаспаров. Электронный ресурс: <https://old.bigenc.ru/>].

В учебных пособиях по культуре речи плеоназм характеризуется как нарушение лексических норм.

Есть словарь плеоназмов и тавтологий, составленный ФИПИ [Электронный ресурс: <https://testirovaniem.ru/2022-4980/?ysclid=lqxjkrdrws315390883>].

Однако студентам филологических направлений в вузе небезынтересно было бы показать зыбкость обязательного приравнивания лексического плеоназма к лексической оценке.

1. *Вернуться назад*. Плеоназм обусловлен и закреплен традицией употребления в литературной речи. В ФИПИ - лексическая ошибка.

С нашей точки зрения, это лексическая норма. Такое словосочетание мы встретим в текстах Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Ф. Искандера, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева; встречается оно в Библии...

- ...император... *вернулся назад* и подозвал Бертье. [Л. Н. Толстой. Война и мир. (1867-1869)].

- Дорога на Москву... отрезана, *вернуться назад* не смогли... [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

1.1. Плеоназм обусловлен и закреплен традицией разговорной литературной речи, хотя и противоречит лексической семантике.

А. Соответствие лексической семантике: - *X умнее У*. Формально компаратив связан с позитивом *умный*, а семантически со смысловым полем, объемлемым антонимическим пространством: «*У глупая.. не очень глупая...умная*».

Б. Несоответствие лексической семантике: - *X порядочнее У*.

У словосочетания *порядочнее У* при том, что *У порядочная*, плеоназм: слово *порядочный* не нуждается в форме компаратива, так как выражает признак в полном объеме: человек либо порядочный, либо – нет. Вследствие этого *У* должна мыслиться в этом словосочетании только *непорядочной*.

Однако в традиции в сниженном регистре разговорной речи *У* мыслится и как *порядочная*.

Тем более, что слово употребляется и метафорически, и метонимически:

Ср.: - Братья наши меньшие... гораздо честнее, *порядочнее*...нас. [А. Розенбаум. Бультерьер (1987-1998)].

- Разговор сделался *порядочнее*...[П. Л. Яковлев. Чувствительное путешествие по Невскому проспекту (1828)]

2. Словосочетание *первый дебют* ФИПИ дает как плеонастическое сочетание, стоящее вне лексической нормы.

Однако такое утверждение приложимо не ко всем случаям. У субъекта может быть несколько дебютов, если начальные оказались неудачными, или если они были в разных сферах его деятельности.

- Итак, мой *первый дебют* кончился провалом, и произошел он из-за моего упрямства [К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве (1925-1928)].

- Александров пробовал восстановить в памяти... текст своей прекрасной сюиты «Последний дебют». И...ему приходило в голову ядовитое сомнение: «А в сущности... такое заглавие: «Последний дебют», может показаться... нелепым. Дебют ...это - первое, пробное выступление артистки... *Первый дебют* - это и понятно и приемлемо... дебютировала ...неудачно, пока не додебютировалась до самоубийства. [А. И. Куприн. Юнкера (1932)].

3. Словосочетание *главный приоритет* считается лексическим плеоназмом.

ПРИОРИТЕТ, -а, м. 3. обычно мн. То, что является для кого-н. самым важным, существенным. У каждого политика свои приоритеты.

Если есть многие приоритеты, может быть и главный.

Потому что это *главный приоритет* - гармония в искусстве. [А. Гулина. В поисках искренности и гармонии (2003) // «Богатей» (Саратов), 13.03.2003].

4. Представление количества в разговорном дискурсе может быть точным, но чаще - приблизительное. Это допускает, с нашей точки зрения, нормативное употребление *большая половина*, которое считается плеонастическим – ненормативным.

ПОЛОВИНА, -ы, ж. 1. Одна из двух равных частей, вместе

составляющих целое. *П.* яблока. *П.* дела сделано. 2. Середина какого-н. расстояния, промежутка времени. Остановились на *половине* дороги. 3. Отдельная часть помещения (жилого) (устар.). Парадная *п.* дома.

В лексикографическом представлении семантики слова **ПОЛОВИНА** примеры противоречат толкованиям.

- Сколько раз я говорил вам, что не бывает большей или меньшей половины, и всё равно *большая половина* из вас этого так и не усвоила! [Весёлая наука математика // «Наука и жизнь», 2009].

Родился он... в Ростовской области и *большую половину* жизни прожил там. [Долгожителю — 116! (2003) // «Рыбак Приморья», 23.01.2003].

Для слова *половина*, очевидно, нужно выделить добавочное значение: ‘в живой речи обозначает половину приблизительную – большую или меньшую к оставшейся части целого’.

Итак, лексический плеоназм – явление разноаспектное и не всегда лексическая ошибка.

К вопросу об эволюции грамматической семантики деепричастия

Мария Вадимовна Ермолова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
maria-anna2121@yandex.ru

Русский литературный язык XVIII в. знает разные типы употреблений деепричастий, отсутствующие в современном литературном языке. Это:

1. Употребление деепричастия в качестве единственного сказуемого:

А государевы полки **собрався** все во ополчение у Гумоловой мызы, и стоял генерал и фельдмаршалк у мызы три дня... [И. А. Желябужский. Дневные записки (1682-1709)]

2. Употребление деепричастия, соединенного с помощью союза *и* с финитной глагольной формой:

И оной ее муж, **помешкав** с час, и **пошел** незнаемо куды. [Документы следственных дел Ваньки Каина и других московских преступников (1741-1752)]

3. Соединение деепричастной клаузы с финитной с помощью союзов или частицы *то* (субъекты при деепричастии и финитной форме могут как совпадать, так и различаться):

При первом свидании с кем бы то ни было я никогда не лгу, а разве уже довольно **спознавшись**, то дело сбытное. [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766-1768)]

4. Употребление подлежащего при деепричастии:

И он, обещался, забыл, которое **я видя**, почал оным министрам говорить. [В. Н. Татищев. Екатерине I (1725)]

5. Употребление деепричастия с субъектом действия, не совпадающим с субъектом действия глагола-сказуемого:

А **приехав** в Москву, учинен был розыск... [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698-1721)]

В работах, посвященных языку XVIII в., функции (1-4) рассматриваются обычно как архаичные и реликтовые, функция (5) – как галлицизм ([Булаховский 1958; Буслаев 1959; Виноградов, Шведова (ред.) 1964] и др.)). Между тем, анализ языкового материала исследуемого периода в диахроническом аспекте и сопоставление данных XVIII в. как с древнерусским, так и среднерусским периодом позволяет внести некоторые корректировки в традиционные представления об истории деепричастий.

Употребление деепричастий в типе (3) отсутствует в предшествующей письменной традиции, а следовательно, является инновацией XVIII в. Возникновение таких конструкций можно объяснить спецификацией грамматического значения деепричастия: с утратой деепричастием чисто предикативных функций и возможности выступать в роли сказуемого независимого предложения (ср. функции (1-2)), деепричастие становится предикативным центром зависимой клаузы с

обстоятельным значением. Утрата предикативности происходила, естественно, постепенно, именно поэтому поначалу и было возможным употребление союза или частицы *то*, в результате чего деепричастная клауза функционально была равно придаточному предложению. По этой же причине субъект действия деепричастия мог отличаться от субъекта действия при финитной форме. Появление описываемого типа предложений служит индикатором начавшегося процесса сужения грамматической семантики деепричастия и закрепления за ним обстоятельственной функции.

Появление примеров типа (5) является закономерным следствием продолжающейся грамматикализации деепричастия и сужения его функций. Тип (5) отличается от типа (3) только отсутствием частицы или союза, которые исчезали в связи с дальнейшей утратой деепричастием предикативности. Если при наличии союза или частицы деепричастная клауза функционировала как полноценное придаточное предложение, а само деепричастие – как самостоятельное сказуемое, то без них предикативная нагрузка на деепричастие снижалась, а его грамматическое значение становилось более специфическим: для указания на обстоятельное значение клаузы было достаточно употребления деепричастия как такового; частица или союз были для этого не нужны.

Литература

Булаховский 1958 – Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: «Радянська школа», 1958.

Буслаев 1959 – Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.

Виноградов, Шведова (ред.) 1964 – Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XX века: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века (под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой). М.: Наука, 1964.

Проблемы акцентуации некоторых имен существительных (в сочетании с количественными числительными и, другими словами, с семантикой количества): орфоэпическая норма и узус

Александра Евгеньевна Журавлёва

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
alsomova@yandex.ru

Ключевые слова: ударение; имя существительное; имя числительное; количество

Исследование посвящено особенностям постановки ударения в существительных *гол, ряд, след, час, шаг, шар, сторона* в сочетании с количественными числительными и другими словами, обладающими схожей семантикой в современном русском литературном языке. Результаты исследования базируются на актуальных языковых тенденциях, экспериментальных данных и позволяют уточнить имеющееся на данный момент лексикографическим описанием.

Существующие орфоэпические словари [Каленчук и др. 2012], [Еськова 2015] рекомендуют произносить слова *час, ряд* и *шаг* в родительном падеже с ударением на первом слоге в свободных сочетаниях, но с ударением на последнем слоге в сочетании с количественными числительными. Для слова *шар* флективное ударение в родительном падеже дается с пометой «в бильярдной игре», а слово *след* имеет ударение на окончании при наличии отрицания. Для слова *гол* в родительном падеже зафиксировано только наосновное ударение, существительное *сторона* в родительном падеже рекомендовано произносить с ударением на окончании, за исключением сочетаний *по обе стороны* и *на все четыре стороны*, в которых предполагаются равноправные варианты с ударением на основе и окончании.

Учитывая данную лексикографическую информацию, были выбраны следующие лингвистические условия для проведения эксперимента: в тексты, предложенные респондентам для прочтения, вошли сочетания слов *гол, ряд, след, час, шаг, шар, сторона* с количественными числительными (*два ряда, три часа*), местоименно-количественными словами (*оба шага, оба шара*), с другими словами с количественной семантикой (*треть часа, четверть ряда*), с первым компонентом *пол-* (*полчаса, полшага*), с отрицательной частицей *ни-* (*ни гола, ни ряда*), в составе устойчивых сочетаний (*не осталось и следа, на все четыре стороны*). Кроме того, одинаковые сочетания предлагались к прочтению в разных контекстах, где они являлись темой или ремой высказывания, всего в эксперимент было включено 124 контекста.

Основным результатом проведенного исследования можно считать тезис о том, что в реальности только слово *час* демонстрирует четкое разграничение ударения в родительном падеже в свободном сочетании (ударение на основе) и в сочетании с количественными числительными (ударение на флексии). В словах *ряд* и *шаг* большинство респондентов предпочитали наосновное ударение вне зависимости от лексического окружения. Такая особенность слова *час*, может быть связана, во-первых, с особой семантикой времени: культурный код таков, что для человека особенно значимо наблюдать за временем и «считать часы», а, во-вторых, с тем, что исторически слово *час* относилось к другой акцентной парадигме [Зализняк 2014: 521]. В то же время

в сочетании с местоименно-количественными словами и другими словами с количественным значением ударение в слове *час* чаще наблюдается наосновное, как и в свободных сочетаниях.

Кроме того, удалось выявить релевантные факторы, влияющие на место ударения в данных словах, среди которых возраст респондентов, тема-тематическое членение высказывание, функционирование лексемы в устойчивых сочетаниях.

Таким образом, проведенное исследование позволяет проследить влияние различных факторов на акцентуацию и уточнить существующее лексикографическое описание орфоэпической нормы.

Литература

1. Каленчук М.Л. Касаткин Л.Л. Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. - 1008 с.
2. Еськов Н.А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка : произношение, ударение, грамматические формы : свыше 70 000 слов / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова ; под ред. Н. А. Еськовой. – 10-е изд., испр. и доп. – Москва : АСТ, 2015. – 1008 с.
3. Зализняк А.А. Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. - М.: Языки славянской культуры, 2014. - 728 с.

Динамические процессы в словообразовании современного русского языка

Владислав Евгеньевич Замальдинов,

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

zvlad-nn@yandex.ru

Динамические процессы воплощаются на всех уровнях языка. Однако наиболее ярко они проявляются в словообразовании. Для современного русского языка характерны такие деривационные процессы, как интернационализация, образование производных от социально значимых слов, рост количества окказиональных единиц. Рассмотрим их более подробно.

К динамическим явлениям в области словообразования относится интернационализация. Она проявляется в широком распространении билингвизма и полилингвизма, активизации морфем иноязычного происхождения, во включении заимствований в деривационные процессы. В медийных текстах встречаются новые лексические единицы с префиксами *анти-* со значением противоположности, *псевдо-* со значением неистинности, *экс-* с семой 'бывший': *Киберспортивный журналист Ричард Льюис присудил сообществу Dota 2 собственную **анти-премию** «Самые раздражающие фанаты года» («PROSPORTS.KZ». 06.01.24); **Псевдо-брокеры** обманули семейную пару из Вельска (заголовок) («Двина-Информ». 26.12.23); **Трех экс-чиновников** украинского Минобороны обвинили в растрате \$25 млн (заголовок) («Infosmi». 08.01.24). В публицистических текстах значительное место занимают и суффиксальные новообразования. Журналисты активно используют следующие интернациональные суффиксы: *-изаци(я)* с семантикой общественно-политического направления, *-инг* с семантикой отвлеченного действия: **Навальнизация** информпространства <...> (заголовок) («Конт». 13.02.21); *В американских соцсетях набирает популярность челлендж с хештегом «Байденинг» (#Bidening). Нужно максимально глупо упасть, изображая из себя президента Америки* («ТамТам». 20.07.22). Новообразования с заимствованными аффиксами обогащают словарный состав русского языка, являются средством выражения оценки.*

Другим актуальным процессом является образование производных от социально значимых слов. В настоящее время к ключевым элементам можно отнести слова и латинские буквы, возникшие как реакция на специальную военную операцию (*мобилизация, ЧВК «Вагнер», Z, V*): *Шойгу*

о мобилизационнице (заголовок). *Очередная пародия Юрия Великого* («Exler.top». 23.09.22); **Пост-Вагнер**. *Вранье генералов НОАК тут же привело к их чистке* (заголовок). *В Китае чистка генералитета. Может если бы ранее не пригожинский «мятеж» ничего бы и не было* («Дзен». 29.07.23); *Награжденный медалью «Бахмутская мясорубка» вагнеровец рассказал о службе в ЧВК* (заголовок) («Lenta.ru». 09.01.24); **Вперед к Победе. За сильную Россию** (заголовок) («Рутульские новости». 04.10.22); **ПреЗидент РФ Владимир Путин встретился с бойцами СВО, Иваном Калашниковым, представленным к званию Героя России, и его сослуживцами** (заголовок) («УАРУ». 29.09.23). Новообразования на базе ключевых слов отражают социально-политическую ситуацию в мире, создаются узуальными и неузуальными способами.

К активным процессам относится окказиональное словообразование. Для создания новых лексических единиц адресант намеренно нарушает законы языка: **Республика Укрмения** (заголовок). *Россия и Армения продолжают выяснение испорченных отношений* («Коммерсантъ». 19.10.23); **Скандинатовцы** (заголовок). *В альянсе надеются принять Швецию до конца ноября* («Коммерсантъ». 25.10.23); **СИЗонная жизнь** (заголовок). *<...> Если оперировать официальными терминами, в СИЗО содержатся следственно-арестованные* («Наша версия». 14.12.23). Окказионализмы обладают повышенной выразительностью, свидетельствуют о творческом потенциале адресанта.

Подводя итог, отметим, что в словообразовании современного русского языка проявляются следующие динамические процессы: интернационализация, образование производных от социально значимых слов, активизация окказиональных единиц. Медийные новообразования пополняют словарный состав, отражают общественные умонастроения, привлекают адресата оригинальностью.

Модель управления глагола *ревновать*: норма, узус, диахрония

Анна Андреевна Зализняк

Института языкознания РАН
anna.a.zalizniak@gmail.com

В докладе обсуждается конкуренция двух моделей управления глагола *ревновать* в русском языке: модель *ревновать мужа к его секретарше*, рекомендуемая академической грамматикой, и модель *ревновать секретаришу к своему мужу*, соответствующая устаревшей норме, но реально сохраняющая свою актуальность. Анализируется источник и характер этой конкуренции.

Произносительные варианты в перцептивном аспекте

Владислав Иванович Зубов

Санкт-Петербургский государственный университет

v.zubov@spbu.ru

На материале русского языка описательные исследования вариативности, как правило, проводятся в рамках орфоэпии. Это направление лингвистических исследований не теряет своей актуальности, поскольку норма постоянно меняется (ср., описание произнесения твёрдых/мягких согласных перед *e* в (Вербицкая 2013) и более позднее исследование этого вопроса, представленное в (Перова и др. 2016)). При этом «происшедшие изменения нормы при речепроизводстве приведут к её изменению и при речевосприятии» (Вербицкая 2017: 380), поэтому важно не только описывать узуальную норму, но и изучать то, насколько различные варианты осознаются носителями языка. В (Пожарицкая 2014: 234) отмечается, что орфоэпические рекомендации возможны лишь там, где существует потребность сознательного выбора произносительного варианта. При этом для изучения фонетической вариантности в перцептивном аспекте на материале русского языка обычно используются традиционные методы орфоэпических исследований, которые в большинстве случаев предполагают ответы на конкретные вопросы, касающиеся произнесения слова (например, «вопрос, могут ли данные слова быть произнесены не так, как в предложенной записи» в (Каленчук 2020: 221)). Такие эксперименты, к сожалению, не позволяют понять, как слушающий обрабатывает слова с вариативным произношением в процессе естественной коммуникации и как они хранятся во внутреннем словаре слушающего – ментальном лексиконе. Основные исследовательские вопросы можно сформулировать следующим образом: 1) какие единицы представлены в ментальном словаре слушающего: все возможные произносительные варианты или одна каноничная форма, к которой по правилам могут быть сведены все произносительные варианты; 2) каким образом соотносятся пометы, которые можно встретить в орфоэпическом словаре, и иерархия вариантов в ментальном лексиконе; 3) одинакова ли перцептивная значимость разных типов вариативности (ударение, изменение сегментов, утрата сегментов и т. д.) в процессе естественной коммуникации. В орфоэпических исследованиях по теме (см. (Пожарицкая 2004; Касаткин 2011; Каленчук 2020) отмечается, что одни фонетические отклонения замечаются носителями языка в большей степени, чем другие. В предварительном исследовании мы проверили эти предположения с использованием психолингвистических онлайн-методик, которые позволяют получить более объективные данные о процессе восприятия речи.

Мы сопоставили три типа вариативности: слова с вариативным ударением, слова с твёрдым/мягким согласным перед *e* и слова с вариативным интервокальным йотом. Из БОС были отобраны слова с пометой «и» между вариантами.

В первом эксперименте использовалась методика теневого повтора (shadowing), когда слушающий повторял за диктором словосочетания, содержащие слова с тремя перечисленными типами вариативности. Было подсчитано, сколько раз слушающий повторит ровно то, что сказал диктор. Слова с вариативным ударением точно повторялись в 85% случаев, с вариативными согласными – в 66%, а с йотом – в 52%. Мы

предположили, что такой результат свидетельствует в пользу предположения о том, что разные типы вариативности замечаются слушающим по-разному.

Во втором эксперименте мы предлагали слушающим принять решение о том, правильно ли звучит слово. Три группы слушающих получали по 30 стимулов в наушниках (10 слов с вариативным произношением (каждая группа – отдельный тип вариативности), 10 слов с единственно верным произношением без ошибки и 10 слов с единственно верным произношением с ошибкой), затем нажимали на кнопки «да»/«нет», замерялось время реакции. Было обнаружено, что в группе слов с вариативным ударением и с интервокальным йотом среднее время реакции отличалось для разных слов: наиболее быстро решение принималось для слов с единственно верным произношением, а слова с вариативностью требовали значимо больше времени на принятие решения. Такой результат, на наш взгляд, связан с тем, каким образом в ментальном словаре слушающего представлены разные произносительные варианты (дополнительное время на поиск связано с выбором между несколькими единицами словаря).

Конфликт стилистики и семантики в развитии русского языка

Людмила Владимировна Зубова

Институт русского языка им. Виноградова РАН

l-zubova@yandex.ru

Конфликт стилистики и семантики был четко обозначен филологами XVIII века. Устанавливая правила слово- и формоупотребления, они руководствовались представлением о преимуществе стилистики над семантикой. Например, В. П. Светов в «Опыте нового российского правописания» 1733 г. утверждал, что окончание *-ья* в род. падеже ед. числа годится только для высоких слов: нельзя писать *цена черепаховья табакерки, человек подлыя природы*; М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» 1755 г. запрещал причастия от глаголов не церковно-славянского происхождения типа *говорящий, колдующий*. Подобных установок было много.

В современном кодифицированном языке эти различия нерелевантны, однако архаические грамматические формы, имеющие ярко выраженное стилистическое значение и особенно востребованные в поэзии, нередко употребляются независимо от их исходного грамматического значения. Это явление наблюдается не только в наши дни, но и в XVIII в., и в XIX в. (*Где ж те года? прошли оне* – М. Ю. Лермонтов).

Появляется множество псевдоархаизмов типа *ямами воздушныя* – И. Ермакова; *преподобному отче Корнилию* – Ю. Кублановский. Псевдоархаизмы выстраиваются в собственные парадигмы: *из облацев тех вода не ходи за облаци* – Е. Клюев; *с заоблачных небесей* – М. Степанова. Ср. в Голубиной книге: *Наши помыслы от облац небесных*.

Возникает вопрос: когда это очевидные ошибки, когда такие формы выполняют художественную функцию. Фразы типа *Тайна сия велика есмь* в патетической прозе И. Виноградова – несомненная ошибка, а вин. падеж *небеси* в строке Е. Клюева *вжик – небеса вдруг ускользнули в небеси* ошибкой считаться не может, так как это явный художественный образ, основанный на цитатном употреблении словоформы из молитвы безотносительно к древнему грамматическому значению церковнославянизма.

Хорошо известно, что все изменения в языке начинаются именно с ошибок.

В современной русской бытовой и художественной речи можно наблюдать и разнообразные лексические процессы, указывающие на конфликт стилистики и семантики, часто разрешаемый в пользу стилистики.

Экспрессивное и метафорическое употребление слова, заслоняет его прямое значение: *скотина, свинья*, а иногда и полностью вытесняет его: *стерва, дрянь*. Это касается и грамматической метафоры: *Теперь я пропал*.

Слова-интенсификаторы и гиперболы *настоящий, буквально, в прямом смысле* меняют значения слов на противоположное. Из записей в блогах: *Ни один настоящий морж не пьет до моржевания; Я буквально умерла на месте; Мы пригласили на передачу хирурга, который смог восстановить мужское достоинство не в переносном, а в прямом значении слова*. Подобное употребление метаоператоров рассматривались в работах Л. П. Крысина, Е. С. Яковлевой, Т. В. Шмелевой, Т. Б. Радбиля.

Бывшие антонимы становятся синонимами в общем стилистическом значении: *сия дама* и *она дама*.

Возникают алогичные сочетания, основанные на общности лексических функций: *Очень талантливая певица. Есть что-то в ней дьявольское от Бога* – запись в блоге.

Парадоксальные высказывания порождаются коннотациями слов (*А за границей нет иногородних* – И. Иртеньев) и эвфемизмами (*В жизни он интеллигентный человек, без лексикона* – запись в блоге).

Таким образом, языковая динамика во многом определяется стилистикой. Именно стилистическое значение языковых единиц (торжественное, бранное, ироничное, образное, модальное, архаическое, традиционно-поэтическое, цитатное, коннотативно нагруженное) способствует вытеснению их исходного грамматического и лексического значения. Наличие стилистического значения приводит и к изменениям в системной организации языковых единиц.

О правилах слитного/раздельного правописания наречий

Ольга Евгеньевна Иванова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

olliva95@yandex.ru

1. Правила слитного/раздельного правописания наречий в современной орфографии существуют, вопреки скептическому мнению части лингвистов и неверию учителей в возможность навести здесь порядок (слитное/раздельное правописание наречий подается в школе таким образом, что не только учащиеся, но и учителя не могут понять устройство этого отдела орфографии). Желание устроить правила для наречий как некую «логическую систему» (а есть ли такая система для других языковых объектов? для прилагательных, например?) затрудняет осознать тот факт, что истинное положение дел определяется здесь языковым своеобразием наречной лексики как объекта научного орфографического описания.

2. Правила для наречий основываются на учете реально функционирующей сложившейся узуальной и словарной норм написания. Изменять массу устойчивых написаний в угоду принципу «всё, что срослось, лексикализовалось, должно писаться слитно» нецелесообразно (не стоит ломать закрепившийся навык письма и мастерить из наречий очередной «парашут»). Письмо живого языка с длительной традицией фиксации невозможно описывать только с позиций системно-структурных закономерностей и соотношений. «Отношения лингвистики как науки и письма как знаковой системы прикладного характера неизбежно приходят к противоречию, когда письмо в той или иной мере становится ‘заложником’ лингвистических концепций. Понятие последовательности письма подменяется понятием последовательности реализации научных теорий, между тем как не все они адекватно выражают его закономерности» (Л. Б. Селезнева).

3. Правила орфографии являются не только практическим руководством «как написать»: «...это такой же вид научного описания для системы письма, как описание морфологических типов для морфологии и синтаксических моделей для синтаксиса. И к правилам предъявляются те же требования, что и к другим научным способам описания» (Бешенкова, Иванова). Правила слитного/раздельного написания наречий не сложнее, не хаотичнее, чем правила для существительных, прилагательных, корней с чередованием, написаний суффиксов существительных и прилагательных, окончаний имен существительных и глаголов и прочего. У этих правил просто свой неповторимый объект – наречия и сходные с ними выражения. Академические правила правописания наречий – это описание современной письменной практики, притом что эта практика дает нормы, релевантные и для будущего, поскольку правила опираются на живые и очень активные словообразовательные модели.

4. Объектом правил являются «классические» наречия (ядро категории) и сходные с ними выражения (эквиваленты наречий, устойчивые лексикализованные сочетания). В справочниках правила написания наречий всегда даются в сопоставлении с разного рода субстантивными (и не только) образованиями: они как бы лежат вне правил для наречий, но без них правила будут недостаточны, несовершенны (*волк волком, бок о бок*). Составление правил для наречий постоянно требует этого сопоставления, сравнения с

единицами, стремящимися стать «как бы наречиями», выступить в тех же синтаксических функциях. Стремление соблюсти морфологическую чистоту и отделить в правилах наречия от ненаречий наталкивается на сопротивление материала (невозможно определить частеречный статус единицы: наречие или сочетание существительного с предлогом; невозможно поставить падежный вопрос к некоторым типам единиц; десятки слов с самостоятельно неупотребляющейся именной частью устойчиво пишутся раздельно и другое).

5. Полное орфографическое описание, как мы его себе представляем, состоит из 17 правил и списка словарных слов (вне правил). Правила сформулированы с использованием явных формальных критериев (корни, служебные морфемы, финали, начальные части, повторяемость корня) и легко определяемых лексико-семантических критериев (компонент значения, принадлежность к лексической группе). К каждому правилу дается закрытый список исключений (если они вообще есть).

6. Адаптация для школы – дело специалистов по методике. Не все правила слитного/раздельного написания наречий предназначены для заучивания, как, впрочем, и правила написания сложных существительных, прилагательных, предлогов и союзов.

Оценки приемлемости: суждения экспертов и статистика

Александра Михайловна Ивойлова

Российский государственный гуманитарный университет
jahil.kematian@gmail.com

Станислава Витальевна Ларцина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
stasya-200@list.ru

Андрей Алексеевич Никитин

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
nikitin.linguistics@yandex.ru

Антон Владимирович Циммерлинг

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина/ Институт языкознания
РАН
fagraey64@hotmail.com

В докладе обсуждается роль оценок приемлемости в грамматическом описании и возможность различной интерпретации оценок, полученных в результате эксперимента. Грамматическая правильность или неправильность — модельные понятия, отражающие рестриктивность языка. Грамматика любого языка должна разрешать правильно построенные выражения и запрещать неправильно построенные выражения: это представление используется как в традиционной филологически ориентированной лингвистике, так и в формальных моделях языка. Порой утверждают, будто оценки приемлемости высказываний непосредственно отражают конструкт «грамматическая правильность», более осторожная формулировка о том, что грамматическая правильность является лишь одним из условий приемлемости, предлагается в [Герасимова 2023]. Чтобы получить оценки приемлемости, лингвисты обращаются к интроспекции, либо проводят эксперимент, предлагая носителям языка оценить лабораторные предложения на некоторой шкале, после чего выводят средние оценки. Мы полагаем, что основным возмущающим фактором при таком подходе является способность носителя языка найти подходящий прагматический контекст и интонировать стимульный пример стандартным для этого контекста способом. По умолчанию, данная способность присуща всем носителям языка, но далеко не каждый способен быстро решить соответствующую задачу в формате эксперимента. Можно допустить, что способность большинства, а не меньшинства, испытуемых коррелирует с объективной, пусть и трудно формализуемой, языковой величиной, например, степенью маркированности контекста. Однако неясно, почему исследование, направленное на получение оценок приемлемости, всегда должно ориентироваться на ответы большинства, которое неспособно восстановить правильный контекст многих стимульных примеров, а не меньшинства, которое такой способностью обладает. Вторым возмущающим фактором, как мы полагаем, являются эффекты прайминга и самопрайминга. Поскольку лингвисты обычно подбирают стимулы в

соответствии с некоторой теорией, предсказывающей релевантные для грамматики различия, они склонны верить в то, что те различия, которые предсказываются их теорией, действительно имеют место [Циммерлинг 2019]; к тому же итогу дизайн эксперимента — оценить пары, тройки, *n*-ки похожих предложений — нередко подталкивает испытуемых.

Чтобы проверить эти гипотезы, мы провели двойной эксперимент — в группе «экспертов» (лингвистов с высшим или неоконченным высшим образованием) и на выборке «обычных носителей языка». Проверялись русские инфинитивные предложения и частично синонимичные им конструкции. Часть стимулов была взята из недавних статей русистов, опубликованных в академических изданиях. Предварительные результаты показывают, что постулированные лингвистами различия не всегда отражаются в статистике группы экспертов и выборке «обычных носителей». Статистически релевантные для полученных выборок факторы и коррективы, которые целесообразно внести в описание соответствующего фрагмента русской грамматики, будут отражены в презентации доклада.

Литература

Герасимова А.А. 2023. Количественные методы исследования грамматических ограничений (на материале вариативного согласования в русском языке). Дисс. на соискание ученой степени канд. фил. н. М., МГУ им. М. В. Ломоносова.

Циммерлинг А.В. 2019. Лингвистическая мифология. Русский и исландский языки // Международная конференция "Взаимодействие культур в Арктике: Россия-Исландия-Фарерские острова (литература, язык, культура)". Москва, ИМЛИ им. А.М.Горького. 22-23.05. 2019. <https://www.academia.edu/39282767/>

К вопросу о парном роде имен существительных

Дмитрий Юрьевич Ильин

Волгоградский государственный университет
dilyin99@mail.ru

Категория рода имени существительного как «наиболее характерный морфологический признак» (В.В. Виноградов) при традиционном описании, отраженном в том числе школьных и большинстве вузовских учебниках, насчитывает три формы – мужской, женский и средний, при этом из категории рода исключаются существительные *pluralia tantum* типа *джинсы, сани, ножницы* и под. (Русская грамматика-1980), которые, несмотря на семантическую разнородность и обозначение конкретных, связанных с идеей счета предметов, объединяются в одну группу в связи с формальным совпадением со словоформами множественного числа названной части речи, не имея структурно выраженных внутрисловных средств для выражения единственности и множественности. Такой подход позволяет выделить так называемый парный род.

Представляется излишне категоричной позиция А.А. Камыниной, которая говорит о «приписывании» этой категории словам *pluralia tantum*, выделяемой только на основе согласовательного класса, а значит, в данном случае эта разновидность рода не является собственно морфологической.

С точки зрения Г.И. Пановой существительные типа *брюки, ворота* отражают внутреннюю расчлененность объекта, его многокомпонентность, не информируя при этом о количестве самого объекта номинации. Позволим себе не согласиться с мнением уважаемого ученого, поскольку проявление синтаксического элемента значения, напротив, позволяет определить численный состав предметов, представленных подобными существительными.

Поддерживая мнение И.Г. Милославского, согласно которому признание рода существительного грамматической категорией должно коррелировать с обязательностью его проявления во всех именах существительных (подобную трактовку находим также в трудах А.А. Зализняка, С.В. Ильясовой, Н.В. Изотовой), и задаваясь вопросом, насколько целесообразно называть такой род парным в силу наличия слов типа *духи, часы, сливки*, которыми обозначаются предметы, не состоящие из двух частей, предлагаем иную формулировку – совокупный род, понимая при этом неоднозначность восприятия такой трактовки.

В то же время нельзя не согласиться с мыслью, что данный вопрос требует своего дальнейшего рассмотрения.

Критерии правописания в системе правил орфографии

Валерия Витальевна Каверина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
kaverina1@yandex.ru

Дескриптивная орфография в диахроническом аспекте имеет целью установить механизм и движущие силы развития нормы, выяснить причины устойчивости и нестабильности написаний, базирующихся на различных основаниях. Для выявления и систематизации данных оснований мы использовали прескриптивное описание современной орфографии из нового электронного ресурса «Орфографическое комментирование русского словаря» (ОРОСС) Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой, Е. В. Теньковой.

Анализ формулировок ОРОСС показал, что современное правописание, будучи в основе своей фонематическим, тем не менее кодифицировано на основании различных критериев. Об этом писал А. А. Зализняк: «Структура орфографических правил может быть весьма различной. На одном полюсе здесь находятся самые общие принципы, например, принцип (основной для современной русской орфографии), согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет). На другом полюсе находятся точечные правила, определяющие написание единичного слова (или даже словоформы). В иерархическом отношении точечные правила стоят выше принципов» [Зализняк 2004: 171–172].

Ниже представлен перечень выделенных нами критериев, проиллюстрированный примерами правил ОРОСС.

1. Графический критерий: «Сложные слова, одна из частей которых передается цифрой, буквой, аббревиатурой пишутся через дефис, напр.: *8-часовой... γ-активный... МГД-генератор...*»
2. Фонетический критерий: «Мягкость парного согласного на письме обозначается мягким знаком (*ь*), а твердость – его отсутствием: в конце слова (*конь – кон, кровь – кров*)...»
3. Морфемный критерий: «Буква *ц* пишется внутри морфемы (*абзац, отец*)... Сочетания *тс, дс, тьс, тц, дц* пишутся на стыке морфем... (*брат-ский, блюд-це, деть-ся, денет-ся, под-солнух*)».
4. Словообразовательный критерий: «Сложносокращенные прилагательные пишутся слитно, напр.: *санэпидемиологический, совсекретный, жилстроительный*».
5. Морфологический критерий: «Полные формы причастий пишутся с двойным *н*, в кратких формах пишется одно *н*. П р и м е р ы: *прочитанный, услышанный, исправленный, прочитана, услышана, исправлена*».
6. Синтаксический критерий: «*Пол* пишется отдельно со словосочетанием (*пол маленького города, пол квартиры отца*)».

7. Семантический критерий: «Существительные – названия жителей, образованные от имен собственных, пишущихся через дефис (*ньюйоркцы, ореховозуевцы*)».

8. Словарный критерий: «Написание непроверяемых гласных морфемы определяется по словарю».

9. Смешанные критерии.

Все приведенные критерии могут сочетаться. Приведем лишь некоторые примеры.

9.1. Морфемно-морфологический критерий: «Пишутся слитно наречия, образованные с помощью приставок 1) от наречий (*вовне, доньне, досюда...*)».

9.2. Морфемно-словообразовательно-синтаксический критерий: «Сложные прилагательные с сочинительным отношением основ и суффиксом в первой части пишутся через дефис, напр.: *выпукло-вогнутый, кабельно-спутниковый, колюще-режущий, осенне-зимний, садово-парковый*».

9.3. Морфемно-словообразовательно-семантический критерий: «В существительных на *-ец* со значением «житель», образованных от слов с основой на *-ск* и *-сс*, пишется «одна согласная *с* + суфф. *-ец*», напр.: *новочеркасец* (Новочеркасск)... *донбасец* (Донбасс), *старорусец* (Старая Русса), *миасец* (Миасс), *черкасец* (Черкассы)».

Литература

Зализняк А. А. Древнерусская графика со смешением *ъ – о* и *ь – е* // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 165—192.

Некоторые черты некнижного правописания начала XVIII в. по материалам автобиографии Б.И. Куракина

Юрий Валентинович Кагарлицкий

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

yury.kagarlitskiy@gmail.com

Начало XVIII в. стало общепринятым рубежом, от которого отсчитывается история нового литературного языка и новой словесности с ее неизвестными допетровской культуре жанрами. Парадокс, однако, состоит в том, что первые образцы этих жанров возникают раньше, чем русский литературный язык нового типа. Примером последнего может служить автобиография князя Б.И. Куракина: будучи, по всей видимости, первой в истории русской словесности светской автобиографией, она написана человеком, имеющим лишь навыки бытового письма. Таким образом, обращаясь к этому памятнику, исследователь имеет дело с текстом, описывающим достаточно сложные коллизии и достаточно разнообразным в плане лексики, но написанным бытовым письмом и использующим характерные для этого письма стратегии правописания.

В настоящем докладе рассматривается интересная, но лежащая на периферии внимания особенность бытового письма допетровской эпохи — написание Ъ и Ь между согласными буквами, например: *рождѣнія моего, патѣроно(в) моі(х), кажѣдого году* и проч. Еры вписываются как в позиции их этимологического наличия до падения, так и в середине исконного сочетания согласных, не предполагающего исходно никакого ера. Это явление известно в русской некнижной письменности с достаточно древних времен; для существенно более раннего времени, для берестяных грамот, его интерпретация и обоснование связи с обучением чтению по складам содержатся в недавних работах П.В. Петрухина. Несомненно, такие же вставные еры легко могут быть обнаружены и в текстах позднейшего времени, например в собственноручных записках и письмах Петра I.

Авторская рукопись автобиографии содержит такие примеры в большом количестве. Возникает возможность поставить следующие вопросы, представляющие интерес в свете истории русского языка: 1) насколько вставные еры являются результатом воспроизведения прежде виденных и запомненных написаний, а насколько результатом действия актуального механизма; 2) насколько систематически употребляются вставные еры; 3) как употребление вставных еров в авторской рукописи соотносится с употреблением паерков в чистовой рукописи, выполненной, по-видимому, профессиональным канцеляристом. Для ответа на эти и другие вопросы представляют собой обнаруженные в ходе исследования систематические употребления вставных еров в частотных морфемах (например, *-сѣтво* в словах *величество, царство, Рождество* и т.д.), употребление вставных еров в заимствованных словах (например, *патѣроно(в), канѣцелярію*). Представляется, что исследование способно пролить свет на те практики письма, что предшествовали формированию нового литературного языка, его нормализации и кодификации, становлению школьного обучения правописанию.

Синхронический и диахронический аспект кодификации орфоэпических норм

Мария Леонидовна Каленчук

Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН

mkalenchuk@yandex.ru

Принято считать, что орфоэпические словари стремятся «остановить мгновение», фиксируя нормативные произносительные варианты в определенном языковом срезе, что предлагаемые ими кодификационные рекомендации статичны по своей сути. И если в словаре первой трети XXI века сказано, что можно произносить *твóрог* и *творóг* или *бароне@[сс]а* и *бароне@[с]а* – это полностью синхронное описание.

Сочетание синхронического и диахронического подхода при кодификации орфоэпических норм возможно. Определенное изменение информации, приписываемой нормативным пометам, позволяет не только зафиксировать реальное произношение в конкретную эпоху, но и дает возможность подать материал системно, с указанием динамических процессов.

Использование в системе кодификационных помет одновременного указания на синхронический и диахронический аспекты позволяет передать информацию о целом ряде значимых особенностей функционирования соотносимых вариантов: их частотности (чаще употребляется или реже), времени их появления в языковой системе (раньше возникло или позже), векторе их движения (приходящий в систему или уходящий из нее). Такой подход не требует введения новых помет, можно использовать уже введенные в разных источниках, но необходимо наполнить их другим содержанием, например:

- *и допуст. устаревающее* – указывает, что второй вариант менее употребителен в речи образованных людей, он возник в языке раньше, чем первый, и характеризует уходящие произносительные закономерности, постепенно вытесняемые новой нормой (например, [в]бега@ть и допуст. устаревающее [в']бега@ть; металлургия и допуст. устаревающее металлургия)
- *и допуст. новое* – указывает, что второй вариант менее употребителен в речи образованных людей, он возник в языке позже, чем первый вариант, и характеризует новые произносительные закономерности, постепенно вытесняющие старую норму (например, вака@[н']сия и допуст. новое вака@[н]сия; разлило и допуст. новое разлило).

Лингвистическое представление о системе норм для преподавания в медиавузах

Елена Станиславовна Кара-Мурза

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

kara-murza-elena@yandex.ru

Категория нормы обладает большим дидактическим потенциалом – в лингвистике и в других науках, в образовании, в разных рабочих областях. Не случайно норма не только основной концепт функциональной и практической стилистики, культуры речи, литературного редактирования (см. труды ученых ИРЯ РАН), но и объект специальных исследований (см. диссертации Э.Г. Куликовой (2004), Н.Д. Федяевой (2010), Л.Г. Ефановой (2013), Е.М. Хакимовой (2015)). По словам В.В. Славкина, «норма воспринимается как «путеводная звезда», позволяющая не только ориентироваться на правильную, грамотную речь, но и добиваться выразительности в создании письменных и устных текстов». Студенты журфаков, с одной стороны, изучают русский язык как профессиональный инструмент («русский язык PRO», по удачной формулировке Е.К. Гуровой и Н.Ю. Ломыкиной), а с другой – реализуют русскую речь: учатся писать, оформлять и редактировать дискурсивно и жанрово определенные произведения. Эти задачи сущностно взаимосвязаны – через «материю» текстов, при относительности выявления уровней языка (от фонетического до текстового) и различения языка и речи.

Для уровневой системы языка традиционно выявляются свои нормы (языковые/ литературные/ ортологические), для речи (как процесса и его продукта) – свои (речевые/ коммуникативно-прагматические/ дискурсивные).

Но речевая деятельность регулируется и другими нормами и правилами. Прежде всего, это логические нормы (законы и операции); они воплощаются в текстах и прорабатываются в курсе логики для журналистов и в литературном редактировании. Кроме того, содержание журналистских и рекламных публикаций должно соответствовать действительности - такое требование можно назвать онтологической нормой. В медиаобразовании есть спецкурсы по поиску релевантных фактов и по фактчекингу.

Есть правила медиадизайна (газетно-журнальной верстки, типографики, фотоиллюстрирования); возникли стандарты информационной архитектуры сайтов – всё это можно назвать нормами визуальной (медиа)семиотики.

Более того, медиаработники обязаны сверять креативные решения с нормами профессионально-этическими и юридическими - от Конституции, УК, ГК и КоАП РФ до профильных законов о СМИ, о рекламе, об информационном обеспечении выборов и др. И до ФЗ РФ о государственном языке, каковым по смыслу закона является русский литературный, т.е. нормированный язык.

При этом обнаруживается взаимозависимость этих норм, конкретнее – их иерархичность, а также конфликтогенность. Так, нормы стилистические и дискурсивные «сильнее» литературных и этических. Зато юридические нормы «сильнее» дискурсивных. Зафиксированная в правовой дефиниции ФЗ № 38

направленность рекламы на привлечение внимания к товару/ услуге и на их продвижение «заставляет» рекламистов нарушать нормы орфографии или словообразования, а также правила приличия: 28.06.19 на сайте ФАС появилась новость, что ее московское управление признало компанию Burger King нарушителем закона о рекламе из-за слоганов с непристойным подтекстом *"Раскурячь их всех!"* и *"Окурительный чикен фри"*.

Поэтому кажется полезным предложить учащимся единую рабочую схему норм, которую можно применять в рамках едва ли не всех медиадисциплин, и прежде всего лингвистического блока, с первого же занятия, делая соответствующие акценты и проводя междисциплинарные параллели.

Представим финальный вид системы норм – в пяти уровнях с подуровнями.

1. ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ (выбор уровней единиц)

1.1 ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОРМЫ (универсальные)

1.2 СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НОРМЫ (локальные/ ситуативные)

1.3. ВИЗУАЛЬНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ НОРМЫ (оформление изданий)

2. КОММУНИКАТИВНЫЕ НОРМЫ (речеповеденческие и текстовые/жанровые)

3. ЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ (логичность изложения)

4. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ (соответствия высказывания/ текста действительности)

5. ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ

5.1. «Наивная этика» аудитории и профессиональная этика авторов

5.2. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ (их источники - государство и общество)

Просторечные коммуникативные интенсификаторы

Владимир Ильич Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

vkarasik@yandex.ru

Важным компонентом обиходного общения являются эмоционально маркированные стилистически сниженные речевые обороты. Как правило, эти единицы рассматриваются в рамках изучения просторечия и разговорной речи (Крысин, 2021). Представляется важным тезис о том, что «просторечная лексика, внешне совпадая с лексикой инвективной, фактически относится к нейтральному стилевому регистру, мало нагружена в смысле эмоциональности и, попадая из речи одной социальной группы в речь другой, серьезно изменяет свою ценностную характеристику» (Жельвис, 2001, с.75).

В функциональном плане многие просторечные слова и выражения обеспечивают общение на сокращенной дистанции и в этом плане являются эмблематическими индикаторами круга своих в противопоставлении чужим. Заслуживает внимания детальное описание маркеров разговорной речи в исследованиях Н.В. Богдановой-Бегларян, которая назвала их прагматемами, выделив следующие типы таких единиц в диалогической и монологической устной речи: аппроксиматоры, разграничители, дейктики, заместители, ксенопоказатели, метакоммуникативы, рефлексивы, хезитативы, единицы самокоррекции и ритмообразования (Богданова-Бегларян, 2014). К таким единицам, на наш взгляд, относятся и коммуникативные интенсификаторы, назначение которых состоит в эмфатическом эмоциональном выделении коммуникативно важного фрагмента общения. Часто такие выражения представляют собой вульгарные лексические единицы и функционируют в качестве аффективов (слов, выражающих эмоции), эксплетивов, т.е. ругательств и заклинаний. К числу таких единиц относится словосочетание «в натуре».

Приведем примеры использования этого сочетания на основании данных «Национального корпуса русского языка».

— *Ты не темни, в натуре, о чем базар?* (Е. Сухов).

«Слышь, братан, нам сказали, ты медвежатник?» — «Да какой я, в натуре, медвежатник, — говорю, — когда это было, а потом, я ведь завязал» (А. Моторов).

Обратим внимание на элементы тюремного жаргона в приведенных высказываниях («базар» — разговор, «медвежатник» — взломщик сейфов, «завязать» — прекратить заниматься воровским делом).

Коммуникативные интенсификаторы используются в конфликтных ситуациях:

— *Не, ну а че ты мозги-то крутишь, а? — с места в карьер спросил голос. — Че ты, в натуре, докопался? Ты мужик или че?* (А. Волос).

Не хотите по-хорошему — я вам, в натуре, устрою по-другому (Я. Солонин).

Заслуживают внимания комментарии применительно к рассматриваемому выражению:

Еще шесть лет назад Геннадий Бурбулис, бывший тогда госсекретарем Российской Федерации и, главным официальным антикоммунистом страны, в одном из телеинтервью описывал ситуацию в России, оперируя чисто марксистскими терминами экономическая формация» и т. п. — «общественно-Выглядело это примерно так, как если бы патриарх стал употреблять выражения «в натуре» и «по жизни» (Г. Панов).

В натуре тоже было словечко нашей молодости; забытый школьный жаргон (А. Макушинский).

Выражение «в натуре» является просторечно-сниженным вариантом прагматем «реально», «действительно», «естественно» и сближается по смыслу с выражениями «по правде говоря», «правда». В наше время оно практически вышло из обихода, его заменило короткое вульгарное слово, иронически именуемое «русским артиклем», а также фонетически близкое замещение этого вульгаризма. Отметим, что словосочетание «в натуре» в основном использовалось мужчинами, а его нынешний коррелят является гендерно нейтральным.

Коммуникативные интенсификаторы могут быть сопоставлены с ремой в высказывании: рема показывает семантически актуальную информацию, интенсификатор акцентирует прагматически значимый момент речи. Коммуникативные интенсификаторы являются своеобразными эмблемами языковой личности, с одной стороны, и коммуникативной ситуации, с другой стороны.

Литература

Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета: российская и зарубежная филология. 2014. Вып.3 (27). С.7-20.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. второе, перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021. 360 с.

Региолект и регионально окрашенный вариант литературного языка – один или разные типы речи?

Ольга Евгеньевна Кармакова

okarmakova@list.ru

Ирина Анатольевна Букринская

irbukr@gmail.ru

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

1. Термин *региолект* (принятый в романской диалектологии) был введен петербургским диалектологом В. И. Трубинским [Трубинский 1991], который утверждает, что диалекты не исчезают, а трансформируются в «новые территориально-системные образования – региолекты» [Трубинский 2004: 93], которые, утратив некоторые архаические черты, перестают быть подвижными и становятся более устойчивыми системами.

Дальнейшее развитие термин получил в работах А.С.Герда, расширившего понимание региолекта «Региолект – особый тип языкового состояния, который является сегодня основной формой устно-речевого общения больших групп русских как на селе, так и в городах и поселках городского типа» [Герд, 2000: 48], а его носителями выступает в том числе и местная по происхождению интеллигенция. Его концепция была продолжена в работах многих лингвистов, такое широкое понимание региолекта представлено и в некоторых словарях лингвистических терминов [Жеребило 2010].

2. О нестыковках в концепции региолекта, разработанной А. С. Гердом, а вслед за ним другими лингвистами, пишет немецкая исследовательница М. Краузе: «Основное противоречие сводится, на мой взгляд, к следующему: с одной стороны, региональная окраска приписывается носителям литературного языка, правда, преимущественно в устной коммуникации, с другой стороны, она не сочетается с пониманием нормы, которая, судя по всему, подразумевает единство. Опора на «центральную норму» (или на норму центра), да еще на такой огромной территории, как Россия, по существу ставит под сомнение правомерность существования региональных разновидностей литературного языка» [Краузе 2008: 88].

3. На наш взгляд, при таком понимании региолекта одним и тем же термином называют разные типы речи: трансформированный диалект и регионально окрашенный вариант литературного языка. Данное различие важно эксплицировать и подчеркнуть, так как эти типы речи отличаются очень существенным признаком: в региональном варианте ЛЯ отсутствуют грамматические диалектные черты, в нем сохраняется небольшое количество фонетических признаков, не затрудняющих коммуникацию, и региональная лексика (регионализмы) [Букринская, Кармакова 2020]. В таком подходе к языковому континууму, типичном для диалектологов, точкой отсчета выступает традиционный говор, а по мере утраты нескольких или многих признаков на всех языковых ярусах происходит его трансформация в региолект.

4. С 2002 по 2019 гг. была обследована речь жителей небольших городов (районных центров) и окружающих их деревень. Информантами являлись люди старшего и среднего возраста, т.е. 20–60-ых гг. рождения, регистрация речи молодого поколения не входила

в задачи экспедиций. При полевом сборе материала были записаны разные типы разговорной речи: традиционный говор, региолект, региональный вариант ЛЯ. Основным типом является региолект, в котором в зависимости от уровня образования информанта, его возраста и социальной принадлежности в той или иной степени сохраняются диалектные черты. Это, как правило, люди, имеющие среднее и среднее специальное образование. Полагаем, что уровень образования больше влияет на тип речи, чем возраст, поскольку таким носителям свойственно осмысление своей речи. Представители местной (не приезжей!) интеллигенции обычно говорят на ЛЯ, имеющем региональную окраску. Среди интеллигенции встречаются и диглоссы – местные жители, которые могут переходить с одного кода на другой, т.е. с регионально окрашенного ЛЯ на говор в зависимости от коммуникативной ситуации.

5. Подробно диалектные черты всех уровней, характеризующие региолекты разных территорий центральной части России, приведены в [Букринская, Кармакова 2012; 2016]. В докладе будут охарактеризованы регионально окрашенные варианты литературного языка, бытующего на территории северного, южного наречия и среднерусских говоров.

Литература

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М., 2012. – С. 153-164.

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Еще раз о понятии «региолект» // Verba magistro. Сб. научных статей памяти профессора А. С. Герда / Отв. ред. А. Х. Гирфанова, С. А. Мызников. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 124-134.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Региональные разновидности русской речи // Русская речь, № 4, 2020 г. С. 7–18.

Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: 2000. – С. 45-52.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

Краузе М. Язык города в свете концепции региолекта // Язык современного города.

Тезисы докладов международной конференции Восьмые Шмелевские чтения. М., 2008. – С. 86–90.

Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. – С. 156-162.

Некоторые особенности русского языка в Кыргызстане

Егор Владимирович Кашкин

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
egorka1988@gmail.com

Мария Эмилия Александровна Винклер

Институт языкознания РАН
maria.emilia.winkler@gmail.com

В докладе рассматриваются особенности варианта русского языка, распространенного в Кыргызстане. Данные собраны методом включенного наблюдения в 2023–2024 гг. преимущественно в г. Бишкек и его окрестностях, также в г. Ош и в г. Узген. Необходимые для их интерпретации сведения по кыргызскому языку получены путем направленного опроса носителей и из лингвистических описаний.

Предшествующие исследования русского языка в Кыргызстане затрагивают в первую очередь социолингвистические вопросы (сферы использования, отношение к языку, языковая политика и др.), см., например, [Дятленко 2010; Остапенко и др. 2018; Тагаев 2019]. Особенности языковой структуры остаются на периферии, ср. краткое обсуждение в [Тагаев, Protassova 2020: 140–142].

Мы покажем, что в развитии исследуемого варианта русского языка значимы три взаимосвязанных аспекта: (1) различия между регионами Кыргызстана, (2) непосредственное структурное влияние кыргызского языка (заимствование моделей, нейтрализация противопоставлений), (3) употребление просторечных единиц, характерных и для других вариантов русского языка и не связанных явным образом с контактным влиянием.

Засвидетельствованные нами региональные различия внутри Кыргызстана коррелируют с долей русского населения. Так, русские составляют 9,6% населения г. Бишкек и 0,96% населения г. Ош [Демографический ежегодник]. В Бишкеке русский язык используется широко, в т. ч. его свободное использование в бытовой коммуникации типично для носителей кыргызского. В г. Ош, по нашим наблюдениям, общение на русском языке вызывает у местного населения намного больше затруднений, ср. также формулировки со стендов (с сохранением авторской записи) в музейном комплексе г. Узген, расположенного недалеко от г. Ош: *Комплекс состоит из минарета, три мавзолея и археологические руины мечета, медресы дошедшие до нас с периода правление династии Караханидов XI–XII веках; В Узгене в основном дела ввелись турками и дорога ввела к Ат-Баши. В Узгене сохранен государственный казна при Чагатае.*

Влияние кыргызского языка проявляется, в частности, в калькировании моделей управления (*Это можно из словаря посмотреть*, ср. управление аблативом у глагола *кара* ‘смотреть’), в калькировании лексической полисемии (*Только здесь... здесь пройти и всё* — о движении на машине, ср. кырг. *от* ‘пройти, проехать’; *У нас президент в тюрьме лежал* — ср. параллельное употребление кырг. *жат* ‘лежать’), в устройстве синтаксических групп (*Я смотрю Яндекс-карты, это хороший, чем 2GIS* — в кыргызских сравнительных конструкциях прилагательное может не оформляться

компаративным аффиксом; *баран* *мясо* ‘баранина’, *конь* *мясо* ‘кони́на’ — ср. кыргызские именные группы с неоформленным зависимым), в использовании видо-временных форм при значительных различиях глагольных систем двух языков (*Дам задание домашнее, вы будете написать дома*), в сбоях в употреблении форм рода, отсутствующих в кыргызском (*Это российский кошка?*) и др.

Наряду с этим мы зафиксировали не вполне стандартные лексические единицы или контексты их употребления, которые не объясняются кыргызским влиянием (их территориальное и временное распределение в русском языке будет подробнее обсуждаться в докладе), например: *мыломойка* ‘хозяйственный магазин, в котором продаются моющие средства’, *аристон* ‘водонагреватель фирмы Ariston или подобный ему’, *ишиига* ‘автомобиль ГАЗ-66’, *загрузка единиц* ‘пополнение баланса мобильного телефона’, *запаска* ‘запасной стержень для ручки / запасная кассета для фильтра’, *в кои-то веки чип* (‘ключ от домофона’) *взял* и др.

В докладе мы представим эти и другие данные и проанализируем их в типологической перспективе, включающей другие распространенные в иноязычном окружении варианты русского языка.

Литература

Демографический ежегодник Кыргызской Республики 2018–2022. Электронный ресурс: <https://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskiy-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/> (дата обращения: 10.01.2024).

Дятленко П. И. Русский язык в Киргизстане: современное положение, тренды и перспективы // Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic approaches to non-standard Russian / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: University of Helsinki, 2010. P. 211–226.

Остапенко Л. В., Старченко Р. А., Субботина И. А. Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке. Стратегии адаптации. М.: ИЭА РАН, 2018.

Тагаев М. Д. Отношение жителей Кыргызстана к русскому языку // Slavica Helsingiensia 52. Russian language in the multilingual world / ed. by A. Nikunlassi, E. Protassova. Helsinki: University of Helsinki, 2019. P. 160–165.

Tagaev M., Protassova E. Russian in Kyrgyzstan. Status, functioning, and collisions between languages // The soft power of the Russian language. Pluricentricity, politics and policies / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, M. Yelenevskaya. NY: Routledge, 2020. P. 134–149.

Норма, креативность и искусственный интеллект

Наталья Ивановна Клушина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

nklushina@mail.ru

История человеческого языка насчитывает три революции, связанные с технологическим развитием общества (Гайда 2021, Клушина 2023, Тошович 2023 и др.). Первая революция – это возникновение письменности, вторая – создание печати, третья революция связана с развитием интернета и мультимедийных технологий. Каждая из революций оказала решающее воздействие на человеческую коммуникацию. Сегодня на наших глазах происходит еще одна, четвертая технологическая революция – это создание и развитие искусственного интеллекта. Лингвисты говорят о возникновении диглоссии: естественный язык – искусственный язык (Тошович 2018), которая заставляет по-новому посмотреть на многие устоявшиеся стилистические проблемы, связанные с авторством и языковой личностью, с идиостилиями и функциональными стилями и др.

Все революции в языке непосредственно соотносятся с понятием нормы. Письменность и печать были безусловно ориентированы на норму и стали важными экстралингвистическими факторами в ее становлении. Желание быть понятым, иметь возможность передать накопленные знания будущим поколениям побуждало человечество к формированию норм языка и норм коммуникации. Сложившаяся к XXI веку теория нормы сыграла и продолжает играть важную роль в обеспечении взаимодействия в социуме.

Появление и развитие интернета способствовало становлению нового коммуникативного пространства – социальных сетей и мессенджеров, в котором ориентация на норму сменилась ориентацией пользователей Сети на осознанное ее нарушение. В неофициальном сегменте интернета таким образом формировалась и закреплялась установка на креативность, которая привела к созданию нового типа коммуникативного поведения. Дигитализация языка и возникновение мультимедиаляльного кода общения, включающего мультимедиальные знаки (эмодзи, гифки и т.п.), привело к созданию особого интернет-узуса, оказывающего давление на сложившуюся досетевую норму. Творчество пользователей Сети, так называемый коллективный Пушкин, направлено на намеренное преодоление нормы, которая воспринимается как оковы для креативности. Норма остается в сознании коммуникантов как точка отсчета для самовыражения и индивидуального творчества, но частотность и повсеместность постоянных контекстов с нарушением норм грозит ее размыванию.

Четвертая технологическая революция, которая породила искусственный интеллект, возвращает социуму ценность нормы, как языковой, так и коммуникативной. Искусственный язык, в отличие от естественного языка, сознательно создается с ориентацией на литературную норму. Большие языковые модели (Large Language Models), такие, например, как чат gpt, обучаются на массиве текстов, отбираемых разработчиками с учетом в том числе и лингвоэтических задач – уменьшение агрессивности контента, правильная литературная речь, этикетные

формулы вежливости и т.п. Таким образом, сгенерированные искусственным интеллектом роботизированные тексты «мимикрируют» под человеческие тексты, следуя канонам различных стилей и жанров (кроме креативных), и именно поэтому их трудно отличить от естественной коммуникации.

Представляется, что в рамках формирующейся стилистики сгенерированного роботизированного текста важнейшими станут проблемы нормы и креативности как маркеров естественного и искусственного языка, стилизации и авторства, функциональных стилей и стилей эпохи, литературных школ, стилей мышления, а также идиостилей.

Зачем нужна частица *ну*

Сергей Владимирович Князев

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

svknia@gmail.com

В статье на материале данных 16 диалектных корпусов показано, что в диалектном русском языке выделяется четыре группы говоров в зависимости от частотности в них частицы *ну*: периферийные акающие южнорусские (смоленский, брянский, оскольский), в которых *ну* встречается в два раза чаще, чем в целом в русском языке; окающие севернорусские архангельские, где *ну* встречается в три с половиной раза реже, чем в целом в русском языке; непериферийные акающие южнорусские (калужский, рязанский) и западные среднерусские акающие (тверские, псковские), где зафиксирована ситуация, близкая общерусской. В отношении относительной частотности инициальной частицы *ну* и поспозитивной *-то* наблюдается отрицательная корреляция: чем частотнее в говоре *ну*, тем реже в нем употребляется *-то*; крайними точками этого распределения являются юго-западные и северо-восточные (архангельские) говоры. При этом в юго-западных говорах частица *дак* тяготеет к инициальной позиции, в северо-восточных же может с равной вероятностью употребляться как в препозиции, так и в постпозиции. Таким образом, юго-западные говоры «предпочитают» инициальные частицы финальным, а свободные используются в них преимущественно в инициали; северо-восточные, наоборот, ориентированы на использование постпозитивных частиц, а свободные распределены в них поровну между начальной и конечной позицией в высказывании. Причиной подобного распределения является специфика просодического оформления реактивных диалогических реплик: в северо-восточных говорах при помощи тонального выделения маркируется конец фразы, в юго-западных – начало.

К истории наименований *Ficus carica* L. в русском языке

Кира Иосифовна Коваленко
kira.kovalenko@gmail.com

Валерия Борисовна Колосова
chakra@eu.spb.ru

Европейский университет в Санкт-Петербурге/ Институт лингвистических исследований РАН

В словарях современного русского языка можно найти несколько названий для обозначения растения *Ficus carica* L. и его плодов: *инжир*, *смоковница*, *смоква*, *фиговое дерево* и *фига*, *винная ягода* (с пометой *устар.*).

В текстах XI-XIX вв., помимо перечисленных, фиксируется достаточно большое количество и других лексем. Сведения о них имеются в исторических словарях русского языка, в этноботанической базе данных PhytoLex (<https://phytolex.eusp.org/>) и в Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru/>).

Лексемы *смоковница*, *смокы* и *смоковьныи* вошли в древнерусский язык вместе с первыми переводами Четвероевангелия с греческого на старославянский язык. Они же фиксируются и в одной из древнейших рукописей на старославянском языке древнерусского извода – Остромировом евангелии, и в апокрифическом сочинении Паралипоменон Иеремии из Успенского сборника.

Травелогии продолжают библейскую традицию: в «Хождении игумена Даниила» употребляются всё те же лексемы, но появляется и уменьшительная форма *смоковца*: «И пред дверми печерки тоя смоковци малы около ея растут».

О том, что к XVI веку слова с корнем *смок-* предположительно использовались в разговорной речи, может свидетельствовать лексема *смоковь*, записанная в словаре Марка Ридли. Однако там же имеется и другое название – *винная ягода*. В XVII веке это название уже активно встречается в совершенно различных жанрах – делопроизводственной документации, периодике, разговорниках, лечебниках и художественной литературе.

Разнообразные названия для *Ficus carica* L. были собраны в азбуковниках XVII века. В качестве синонимов к *смоковнице*, *смоквам* и *винной ягоде* приводятся лексемы *вавцына*, *дърасия*, *олинфа*, *сика*, *смерчие*, *фаликацы*, *фигга*, *фили*, *черничие*, *черница*, *ягодичное дерево*. Если этимология и мотивация слов *черничие* / *черница*, *ягодичное дерево*, *фигга* (от лат. *fig*, в написании, свойственном текстам на простой мове – письменном языке Великого княжества Литовского в XVI-XVII вв.), *фиговое дерево*, *сика* (от греч. *σικῆ*) довольно прозрачны, то остальные представляют собой достаточно большую трудность для этимологического анализа.

В XVIII веке наиболее частотны лексемы *смоква*, *смоковница*, *винная ягода*, *винное дерево* и *фига*. Они встречаются в произведениях различных жанров и употребляются как синонимы. Привычное нам слово *инжирь* впервые фиксируется только в конце XVIII века – в переводе третьей части «Путешествия по России для исследования трех царств естества» Самуила Георга Гмелина, опубликованного в 1785 году: «Плоды,

сажаемые в здѣшнихъ огородахъ [в Дербенте], суть разныя породы самыхъ вкуснѣйшихъ яблокъ, груши, айвы, также персики, априкозы, миндаль, инжиръ и гранаты».

Как показывают материалы Национального корпуса русского языка, с конца XIX века *винная ягода* практически перестает употребляться, в то время как *инжир* занимает лидирующие позиции вплоть до настоящего времени. Третье наименование сохранилось во фразеологизме *бесплодная смоковница*, а также встречается в христианской литературе и художественных текстах, где используется для создания колорита эпохи.

Гендерные особенности мужского речевого поведения (на материале автобиографического рассказа жителя провинциального города)

Елена Валентиновна Колесникова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

el.kolesnikova@bk.ru

Исследование гендерных параметров речи в современной лингвистике осуществлялось в основном на материале литературного языка: русской разговорной речи. Системный анализ особенностей женской и мужской речи в диалектном языке не проводился за исключением некоторых работ, в которых гендерная маркированность рассматривалась в рамках изучения особенностей диалектной картины мира и базовых концептов традиционной культуры [Морозова 2016, Толстова 2020, Демешкина 2018]; в контексте анализа речевого портрета [Иванцова 2002, Волошина 2008, Шевчик, Ганичева 2019], при описании жанра автобиографического рассказа [Волошина 2008].

В докладе рассматриваются особенности мужского речевого поведения жителя провинциального города: судового механика на пенсии, жителя города Архангельска, Первухина Валентина Григорьевича, 1936 года рождения. Исследование проводилось на большом материале расшифровок аудиозаписей устной непринужденной речи в жанре автобиографии.

Информант является носителем региолекта: в его речи присутствует значительное количество диалектных и просторечных черт, наиболее ярко проявляющихся на лексическом уровне. В меньшей степени представлены особенности диалектной фонетики и грамматики, которые можно отнести к общеархангельским диалектным чертам [Гецова 1997]. Языковые особенности региолекта отмечаются в рассказах, посвященных детству, родственникам, практически отсутствуют в беседах о службе в армии или профессии.

Гендерная специфика речевого поведения информанта проявляется на тематическом уровне. Преобладающей тематикой бесед является: спорт, служба в армии, зарплата, профессия, история тралового флота и города Архангельска. Большую часть записей занимает разносторонняя характеристика профессии, повествования о спортивных достижениях, коллегах, что характерно для мужских текстов в целом [Земская, Китайгородская, Розанова 1993; Волошина 2008].

В автобиографических рассказах В.Г. Первухина были выделены типичные лексические особенности, характерные для мужской речи:

1. Нецензурные слова и выражения, используемые как слова вставки или слова-привычки [Купина, Шалина 1998], а также употребляемые в фатической функции для создания эмоциональности устного текста [Стернин 1999]. Отмечены случаи инвертированной оценки, когда для выражения положительной оценки используется отрицательно оценочная, бранная лексика.
2. Стилистически сниженная, грубая и бранная лексика [Земская, Китайгородская, Розанова 1993, Жельвис 2001, Беляева 2002]. С точки зрения А.Ю. Беляевой, мужчины используют стилистически сниженную, грубую и бранную лексику в 1,5 раза чаще, чем

женщины [Беляева 2002: 46]. Материал нашего исследования не подтверждает этот тезис.

3. Экспрессивная лексика [Земская, Китайгородская, Розанова 1993]. Отмечена тенденция к гиперболизированной экспрессии, которая проявляется в использовании слов-интенсивов: глаголов с экспрессивно-интенсивным значением, существительных с нейтральной основой и экспрессивным суффиксом.

4. Диминутивы. Служат для смягчения категоричности высказывания, выполняют фатическую функцию, сигнализируют о неформальном и дружеском общении [Фуфаева 2017], а также используются для выражения иронии, когда возникает противоречие между оценкой уменьшительности и общим контекстом высказывания, коннотаций важного статуса.

5. Профессиональная терминология [Земская, Китайгородская, Розанова 1993]. В нашей работе мы объединяем общепрофессиональные и диалектные термины.

6. Канцеляризм и шаблонные речевые обороты.

7. Фатические вводные единицы, используемые для осуществления коммуникативной связи между субъектом речи и адресатом речи.

Изучение особенностей мужской и женской речи на материале диалектных текстов позволит выявить и подробно описать специфические черты гендерного речевого поведения и стратегии ведения разговора не только в говоре, но и в русской разговорной речи в целом.

Терминологические новации в русском языке как следствие информационных войн

Копнина Галина Анатольевна Копнина

Сибирский федеральный университет

okopnin@mail.ru

Любая война оставляет следы в языке в виде новых слов и значений, новых терминов и устойчивых словосочетаний. Создаются «словари языка войны», фиксирующие происходящие в языке и речи изменения. Известно, что ведется работа над «Словарем языка войны в Донбассе». В него включаются «те слова и выражения, которые отражают особенности, ход и восприятие боевых действий участниками и жертвами войны, общественностью, литераторами и т.д.» [Теркулов, 2022: 25]. Не менее актуальным нам видится создание терминологического словаря языка информационной войны, что предполагает выявление и описание новых слов и сочетаний слов, являющихся как терминами, так и терминоподобными единицами, которые довольно широко используются в массовой коммуникации, их осмысление в культурно-речевом аспекте.

Цель доклада – описать основные терминологические новации в русском языке, появление которых обусловлено ведущимися информационными войнами.

В докладе выделяются и характеризуются различные тематические группы терминологических новаций, связанных прежде всего с расширением сочетаемости слов. Это термины, служащие наименованиями различных типов войн, включая локальные. Среди них выделяется группа терминологических новаций со словами *война*: война может именоваться не только как *информационная*, *психологическая* или *информационно-психологическая*, *холодная* и *горячая*, но и как *гибридная*, *нооцентрическая*, *психоисторическая*, *сетевая*, *преэмптивная*, *электронная*, *хакерская*, *когнитивная*, *дискурсивная*, *сетевая*, *сетевая*, *мемориальная*, *пропагандистская*, *виртуальная*, *религиозная*, *ментальная*, *программная*, *альтернативная*; используются также термины *кибервойна*, *софт-война*, *война нервов*, *война смыслов*, *война памяти* и некоторые др. Не все являются узусными (широко распространенными), например *коучинг война*, *война Шредингера*. На основе расширения значения слова *революция* возникли такие терминологические словосочетания, как *цветные революции*, *бархатная революция*, *революция красных гвоздик*, *революция алых роз* и т.п. Происходит развитие синонимии, например: *оранжевая война* и *оранжевая революция*.

Появились новые терминологические наименования противоборствующих сторон, которые могут использоваться в ярлычной функции, например *шестая колонна*, *иноагенты* и др.; информационного оружия: *фейк*, *дипфейк* и т.д. Ряд терминологических новаций фигурируют в законах РФ.

Взгляд на терминологические новации в аспекте их образования позволяет выделить обширную группу словосочетаний с прилагательным *информационный* на основе расширения его значения: *информационная революция*, *информационный удар*, *информационный вирус*, *информационное давление*, *информационный слепок*,

информационный коктейль, информационные карусели, информационная оккупация, информационный терроризм, информационный мусор, информационный киллер, информационное давление, информационный слепок, информационная какофония. Другая – довольно обширная – группа терминологических новаций содержит компонент *кибер-*. На особую активность и продуктивность этого словообразовательного префиксоида *кибер-* ученые уже обращали внимание: *киберактивность, кибертерроризм, кибервмешательство, киберугроза, киберконфронтация, киберблокировка, киберпреступления, кибератака, кибербуллинг, киберудар, кибервойна, киберкризис, киберриск, кибероперации, киберас, киберкомандование, кибервойска, киберподразделение* [Меркушева, Попова 2021]. К этим новациям добавим такие неоднократно используемые в текстах на телеграмм-канале слова, как *каберпартизаны, киберразведчики, киберпатрулирование, киберинцидент*. От некоторых слов образуются аббревиатуры, например *кибербез* (от *кибербезопасность*).

Возникает вопрос об отношении терминологических новаций к литературному языку.

В докладе приводятся примеры, иллюстрирующие использование терминологических новаций, даются сведения о частотности использования некоторых из них, ставится проблема соотношения ряда терминопонятий.

Русский язык в современную эпоху информационных войн активно пополняется новыми словами и сочетаниями терминологического характера, системное осмысление которых важно для развития целого ряда лингвистических направлений: культуры речи, лингвоэкологии, политической лингвистики, отечественной лексикографии и др.

Литература

Меркушева О.В., Попова М.В. Современные процессы словообразования в аспекте когнитивной семантики // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2021. С.142–146.

Теркулов В.И. «Словарь языка войны в Донбассе»: лингвистические или лингвокультурологические особенности // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье. Брянск, 2022. С. 25–29.

Культура речи в эпоху медиатизации коммуникации

Маргарита Анатольевна Кормилицына
margarita-kormil@mail.ru

Анна Владимировна Дегальцева
deganna@mail.ru

Саратовский государственный национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского

В современном российском обществе именно СМИ (а не художественная литература и, к сожалению, не школа и семья) формируют языковые вкусы общества и являются общественным институтом, оказывающим серьёзное влияние на нормы речевого поведения. Профессия журналиста обязывает его к сохранению и распространению правильной, хорошей речи, ведь охрана языковых норм «является делом национальной важности, поскольку литературный язык – это именно то, что в языковом плане объединяет нацию» [Культура русской речи 2001: 12].

Установлено, что эффективное общение протекает в атмосфере доверия, открытости и бесконфликтности. Созданию такого коммуникативного климата способствует соблюдение участниками общения основных социокультурных конвенций, то есть базовых правил, устоявшихся норм успешности социального взаимодействия. Эффективное исполнение адресантом и адресатом своих коммуникативных ролей строится на факторе коммуникативного ожидания, регулирующем общение [Колтунова 2000]. Сейчас именно коммуникативные навыки считаются наиболее важными для определения уровня профессионализма в любой трудовой деятельности человека. Если нарушение коммуникативных качеств речи в какой-то мере простительно представителям многих профессий, то журналист просто не имеет на это право. Невысокий уровень его коммуникативной компетентности может серьезно затруднить понимание информации или даже сформировать неверное представление о действительности. Поэтому необходимость постоянно совершенствовать свою речевую культуру, воспитывать у представителей нашего общества, по меткому выражению В.Г. Костомарова, «языковой вкус эпохи» особенно актуальна для журналистов. К сожалению, в современном коммуникативном пространстве, в том числе и в массмедиа, качества и принципы хорошей речи, о которых писали саратовские лингвисты (см. [Хорошая речь 2001]), часто нарушаются не только случайно, но и намеренно.

Ещё в начале 2000-х годов в своих исследованиях языка массмедиа мы отмечали, что в качественных газетах («Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Московский комсомолец») журналисты демонстрируют обществу примеры высокой культуры ведения полемики по самым разным социально значимым проблемам. Сотрудники СМИ показывали умение аргументированно излагать своё мнение для убеждения оппонентов, прислушиваться к другой точке зрения и в зависимости от неё корректировать свою позицию, чтобы совместно искать «истину». При обсуждении проблемы такие журналисты старались соблюдать основные принципы кооперативного общения, учитывать интересы адресата, уровень его культуры, знаний, социальный статус. Всё это служило прекрасным примером эффективного, продуктивного, гармоничного

общения, повышало авторитет СМИ в глазах общества, учило способам преодоления коммуникативных рисков.

К сожалению, в эпоху медиатизации и глобализации культуры наблюдаются размывание представлений о хорошей речи и риторическом идеале, трансформация традиционных для русской культуры ценностей, отношение к журналистике с позиций экономической выгоды, снижение языковой рефлексии. На намеренном нарушении фундаментальных принципов кооперации и вежливости строится ряд современных телешоу и передач на различных видеоплатформах. Процесс медиатизации речи усилился в связи с приобретением Интернетом статуса СМИ. Интернет-коммуникация фиксирует разговорный узус, более комфортный для пользователей языка, но содержащий массу речевых ошибок и нарушений принятых в национальной культуре норм. В докладе мы приведём убедительные примеры, подтверждающие справедливость наших слов.

Литература

Колтунова М.В. Язык и деловое общение : Нормы, риторика, этикет : М. : Экономика, 2000. 270 с.

Культура русской речи. Учеб. для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М. : НОРМА-ИНФРА М, 2001. 560 с.

Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротиной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 316 с.

О младшей норме произношения слов в составе фразеологизмов

Татьяна Николаевна Коробейникова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

tkorobejnikova@inbox.ru

Эксперимент, в котором москвичей во втором-третьем поколении с высшим образованием просили прочитать предложения с устойчивыми выражениями, показал, что зачастую представители младшего поколения (до 30 лет) ставят ударение в словах в составе фразеологизмов не так, как рекомендуют орфоэпические словари, а так, как эти слова произносятся в свободных сочетаниях: не *по ко́ням*, а *по коня́м*, *гол как со́кол*, а не *гол как сокóл*, *искупаться в трех во́дах*, а не *вода́х* и др.

Казалось бы, это случаи нужно зафиксировать в орфоэпическом словаре в качестве младшей произносительной нормы. Однако, как справедливо отмечает Л.Л. Касаткин в теоретическом разделе «Большого орфоэпического словаря» [Касаткин 2017: 958], младшая норма не равняется речи молодежи, произносительные особенности могут лишь отчасти коррелировать с возрастом говорящих. Следовательно, при отнесении варианта произношения к младшей произносительной норме требуются дополнительные критерии. В таблице представлено процентное соотношение вариантов произношения 6 фразеологизмов представителями 3 возрастных групп (варианты, рекомендуемые «Большим орфоэпическим словарем», выделены полужирным).

контекст	Старшая группа (от 60 лет) 16 ч-к	Средняя группа (30-60 лет) 13 ч-к	Младшая группа (до 30 лет) 22 ч-ка
<i>по ко́ням/по коня́м</i>	100% / 0%	77% / 23%	23 % / 77%
<i>гол как со́кол/сокóл</i>	0% / 100%	8% / 92%	64% / 36%
<i>воды</i> <i>не</i> <i>заму́тит/замути́т</i>	31% / 69%	85%/ 15%	86% / 14%
<i>искупаться в трех</i> <i>во́дах/вода́х</i>	36% / 63%	54% / 46%	86% / 14%
<i>Какими су́дьями/</i> <i>судья́ми</i>	6% / 94%	31% / 69 %	18% / 82%
<i>Недрéманное око</i>	25%	8%	14%
<i>Недрéманное око</i>	56%	69%	54%
<i>Недрема́нное око</i>	19%	23%	32%

Таблица. Варианты акцентуации слов в составе фразеологизмов.

Итак, при сравнении разных поколений видно, что большинство представителей младшей возрастной группы ставят ударение в словах в составе выражений *по коня́м* и

гол как сокол совершенно иначе, чем респонденты из старшей и средней групп. «Младшая» акцентуация вызвана, скорее всего, незнанием устойчивых выражений^{2[1]}, поэтому может быть лишь поводом для помещения их в словарь с запретительными пометами, а в случае с *гол как сокол* и для добавления этимологических сведений.

Иная картина для фразеологизмов *воды не замутит* и *искупаться в трех водах*: в средней и младшей возрастных группах преобладает вариант произношения, характерный для словоформ *замутит* и *водах* в свободных сочетаниях, что, думается, может быть поводом для введения младшей произносительной нормы этих устойчивых выражений. Важно, что в случае с *воды не замутит* вариативность в акцентуации глагола связана с вариативностью в данном слове в свободных сочетаниях, которая зафиксирована в орфоэпических словарях (см. «Большой орфоэпический словарь» под ред. Л.Л. Касаткина 2017).

В выражении *какими судьбами* вариативность во всех возрастных группах относительно мала, поэтому нужна лишь запретительная помета при варианте *судьбами*. Нечастотное фразеологическое сращение *недреманное око*, включающее устаревшее слово, респонденты всех возрастов произносили по-разному, что также свидетельствует лишь о необходимости поместить в словарь запретительную помету для распространенного неверного варианта, а также краткие этимологические сведения.

Таким образом, преобладания в младшей возрастной группе того или иного произносительного варианта недостаточно для кодификации младшей произносительной нормы для слов в составе фразеологизмов. Решение должно быть основано на анализе 1) процентного соотношения вариантов в речи респондентов из разных возрастных групп; 2) наличия произносительных вариантов в словах не только в составе фразеологизмов, но и в свободных сочетаниях; 3) частотности устойчивого выражения в живой речи.

2[1] На вопрос о том, все ли слова в эксперименте были знакомы, многие респонденты младшей группы ответили утвердительно, но отметили, что некоторые выражения они в речи не употребляют, хоть и встречали их в литературе (то есть, читали их, а не слышали).

Акцентуация некоторых наречий: экспериментальные данные

Елена Владимировна Корпечкова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

lелene@yandex.ru

На сегодняшний день нередки случаи, когда рекомендации орфоэпических словарей [Еськова, 2014; Резниченко, 2007; Каленчук и др., 2017] не соответствуют реальному произношению носителей литературного языка, частотные варианты могут иметь запретительные пометы, или, напротив, основным вариантом, предлагаемым словарем, может быть тот, что практически не встречается в речи.

В докладе представлены экспериментальные данные о произношении некоторых наречий и соотносимых с ними частей речи. Респондентам, являющимся носителями русского литературного языка (жителям Московского региона в 2-3 поколениях, с высшим образованием, или студентам ВУЗов), предлагались к прочтению специально составленные тексты, в которые вошли наречия, имеющие колебания в произношении. Респонденты были разделены на три возрастные группы: младшую (18-29 лет), среднюю (30-60 лет), старшую (старше 60 лет).

Слово *ма́стерски* с ударением на первом слоге произнесли 100% респондентов старшего поколения, 85% опрошенных средней возрастной группы и 70% младших, что отражает относительную популярность «правильного» варианта среди группы опрошенных, сдававших ЕГЭ.

Еще одно слово, входящее в орфоэпический словарь на сайте ФИПИ, наречие *донéльзья*. С таким ударением его произнесли 80% респондентов ст., 50% ср. и мл. возрастной группы.

Наречия *вза́шей* и *взаи́ей*, *наперегонки́* и *наперего́нки* имеют в большинстве словарей равноправные варианты, однако все опрошенные вне зависимости от возраста выбрали только один вариант произнесения: *взаи́ей* и *наперегонки́*.

Два относительно частотных наречия *искони́* и *издрéвле* показали результат, противоречащий норме, зафиксированной словарями: *и́скони* произнесли 100% информантов ст., 55% ср. и 85% мл. возрастной группы; *и́здревле* – 90% ст., 100% ср. и мл. возрастной группы.

Наречия *кра́дучись* и *и́сподволь* произнесли 90% старшей и средней группы информантов, младшая группа информантов предпочла вариант *исподво́ль* в 55% случаев и *краду́чись* в 85%. Похожая ситуация в произношении наречия *неве́сть*: 90% информантов старшей возрастной группы произнесли так, как и рекомендуется словарями, однако 50% респондентов среднего и младшего возраста предпочли вариант *не́весть*.

Произношение части наречий, вошедших в текст эксперимента, соответствовало словарным рекомендациям: слово *нао́тмаишь* произнесли 100% ст., 85% ср. и 75% мл. группы информантов; *на́взничь* – 100% ст. и ср. группы информантов и 85% опрошенных младшего возраста; *вприщу́р* – 100% ст. респондентов, 70% ср. и 90% мл. группы; *по́рознь* – 100% ст. и ср. группы информантов и 90% младших опрошенных. В

произнесении части наречий тенденцию к изменению места ударения показала именно младшая группа респондентов. Возможно, это связано с тем, что в современной речи эти слова употребляются редко и не входят в активный словарный запас молодежи. При этом в художественных текстах, в том числе в произведениях школьной программы, эти слова достаточно частотны.

Экспериментальные данные показывают, что в речи носителей литературного языка бытуют варианты, запрещенные словарями; в ряде случаев такое произношение преобладает, что требует пересмотра словарных рекомендаций. При этом необходимо учитывать книжный характер слов, нечасто употребляемых в живой речи, в таких случаях, возможно, следует рекомендовать к запоминанию нормативный вариант.

Литература

1. Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. – М.: Языки славянских культур, 2014. – 536 с.
2. Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. – М.: АСТ-Пресс, 2017. – 1020 с.
3. Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка: около 10000 слов, все трудные случаи, все типы ударений, способы запоминания. – М.: АСТ Пресс Школа, 2021. – 943 с.

Лучше доброго и лучше хорошего – об истории одной сравнительной степени

Ксения Павловна Костомарова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

kostomaa@gmail.com

Л. А. Булаховский в «Историческом комментарии к русскому литературному языку» обращает внимание на то, что «русское *хороший*, видимо, факт в языке более поздний, чем сравнительная форма *лучший*». Это действительно так.

Прилагательное *хороший* начинает активно фиксироваться в текстах в XVI-XVII вв. – значительно позже, чем семантически близкое ему прилагательное *добрый*, которое с XI и до XVII в. является основным прилагательным со значением общей положительной оценки в древнерусском и русском языке.

Супплетивная форма сравнительной степени прилагательного *хороший* – *лучше* (лоуче) – также начинает фиксироваться в текстах значительно раньше, чем само прилагательное *хороший* (с XI-XII в.). Более того, на протяжении долгого времени форма *лучше* выступает и даже кодифицируется как сравнительная степень прилагательного *добрый*. Примеры такой кодификации встречаются, например, в Русско-немецком словаре-словнике Томаса Шrove (XVI в.) и в разговорнике на русском, латинском и немецком языках в «Русской грамматике» Генриха Лудольфа (1696 г.).

В докладе будет рассмотрена история изменения нормы в употреблении формы *лучше* и соотношение этой формы сравнительной степени с прилагательными *хороший* и *добрый* на фоне других, связанных с этими прилагательными, форм сравнительной степени: *добрее* и *хорошее*.

Hate Speech и разрешение таможи: к истории исключения из богослужебных книг выражений, оскорбительных для иноверцев

Кравецкий Александр Геннадьевич

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

krav62@mail.ru

Хорошо известно, что на протяжении XIX в. из богослужебных книг постепенно исключались те слова и выражения, которые сегодня мы описываем как язык вражды. Этот процесс был достаточно медленным и противоречивым и, как мы уже писали раньше, не может объясняться лишь общим смягчением нравов. Доклад будет посвящен комплексу документов, обнаруженному нами в архиве Св. Синода. Эти документы связаны с событиями 1866 г., когда турецкое правительство задержало на границе пять ящиков с церковной утварью и богослужебными книгами. Объясняя свои действия, турецкие власти указывали на то, что в ящиках находятся книги, в которых «заключается форма отступничества от мусульманства при переходе в христианскую веру, составленная из выражений, оскорбительных для магометанской веры». Это событие заставило Синод поручить епископу Тверскому Филофею (Успенскому) просмотреть богослужебные книги на предмет выражений, оскорбительных для мусульман. Епископ Филофей предлагал не посылать христианам, живущим на территории Османской империи, Большой требник, поскольку в нем содержится чин присоединения мусульман к православию. А в Малом требнике, в который этот чин не входил, предлагалось перепечатать некоторые листы, придав им приемлемую для мусульман форму. Анализ этих исправлений показывает, что они касались в основном тех фрагментов, которые никогда не произносятся во время богослужения и носят технический характер. Таким образом, выясняется, что исключение оскорбительных для мусульман выражений преследовало цель упростить доставку книг на территорию Османской империи и практически не влияло на те тексты, которые звучали в храме. Рассмотрение подобного рода казусов помогает понять те достаточно разнообразные импульсы, которые в конечном счете приводили к исключению из богослужебных книг слов и выражений, оскорбительных для иноверцев.

Функционально-культурная неграмотность и культура речи

Виктория Владимировна Красных

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
victoryvk@gmail.com

С 80-х гг. XX в. четко обозначилась проблема функциональной неграмотности (*functional illiteracy*) (см. “*A Nation at Risk*”, 1983), которая в конце XX – начале XXI в. стала глубоко изучаться педагогами, психологами, нейрофизиологами, психолингвистами и др. Самое общее понимание функциональной неграмотности сводится к следующему: это неспособность человека читать, писать и считать на уровне, необходимом для решения простейших повседневных задач, по сути – отсутствие умения находить нужную информацию, правильно понимать прочитанные тексты и приходить к логическим умозаключениям, а также – на уровне продукции – создавать связный текст любой сложности и ясно выражать свои мысли и чувства.

Приблизительно в то же время (с конца 70-х) Э.Д. Хирш-мл. начал изучать причины непонимания текстов и в 80-е сформулировал концепцию культурной грамотности (см., напр., статью “*Cultural Literacy*” в журнале “*The American Scholar*”, 1983; книги “*Cultural Literacy: What Every American Needs To Know*”, 1987; *The Dictionary of Cultural Literacy*, 1988, последние две работы – в соавторстве). Зеркально противоположной культурной грамотности представляется культурная неграмотность, обуславливающаяся в том числе и отсутствием культурно-языковой компетенции по В.Н. Телия.

В наши дни вполне оправданным представляется говорить о функционально-культурной неграмотности (ФКН), сочетающей в себе черты неграмотности и функциональной, и культурной. ФКН можно определить следующим образом: это неготовность и неспособность, в том числе из-за неумения кодировать и декодировать культуросодержащие смыслы, стоящие за знаками языка, понимать и порождать связные тексты разной направленности, разных типов, жанров и разного объема.

Обобщая взгляды разных исследователей, среди причин ФКН следует назвать следующие: возрастающая визуализация воспринимаемой информации; лавинообразное нарастание потоков и объема потребляемой информации; расширяющаяся «гаджетизация»; воспитание дошкольников, особенно младших; система образования, в первую очередь школьного; отсутствие знаний и представлений, которые в норме обеспечивают взаимопонимание представителей одного сообщества (от семейного до национально-лингво-культурного).

Проявления ФКН можно обнаружить в разных дискурсах. Приведем несколько примеров из СМИ:

новостной дискурс: *Всего за несколько лет до этого он [князь Владимир] устроил там капище, которое потом сам же и разрубил* (там же, кстати, утверждалось, что христианство родилось в Византии) (репортаж по одному из центральных каналов);

рекламный дискурс: *Больше лайкать, тестить, драйвить!* (реклама автомобиля); *Ты не должен делать все сам – делегируй!* *Сосредоточься на главном – делегируй!* *Твои дела важнее всего – делегируй!* *Управляй кончиками пальцев – делегируй!* (реклама автомобиля); *Новая акция «Чекни Чемпионов» в сети «XXX».* *В каждом чеке твои победы!* (реклама торговой сети); *Женщины не любят, когда ты давишь на себя их женские гели, они любят мужичайший аромат от XXX.* *С гелем XXX твой конь едет вперёд, даже задом наперёд.* *Пот вышибает, мужской аромат оставляет.* *Н-н-о! Пошла!* (реклама мужского дезодоранта, ныне ушедшего с российского рынка).

И нельзя не упомянуть экспансию практически во всех сферах предлога *на*: *на стиле*, *на спорте* и др.; и продолжающуюся экспансию предлога *о*: *указать о...*, *отметить о...*, *обсуждать о...* и т.п.; а также все более распространяющиеся *по ходу* вместо *похоже*, *в моменте* вместо *моментально* и *в этот момент*. Примеры можно множить.

Конечно, можно считать, что это «просто» отсутствие чувства языка. И с этим трудно спорить. Но в основе такого лежит, как представляется, в том числе (а возможно, и в первую очередь) функционально-культурная неграмотность.

Прописные и строчные: есть ли миссия у букв?

Максим Анисимович Кронгауз

Российский государственный гуманитарный университет
mkronhaus@yandex.ru

Противопоставление прописных и строчных букв сводится в различных орфографических справочниках – начиная с «Русского правописания» Я. Грота – к набору конкретных правил. За конкретными правилами теряется общая идея (или, возможно, идеи), связанные с выбором прописной или строчной буквы. Поиск этой идеи должен опираться не столько на нормативные правила, сколько на устойчивые речевые практики, отклоняющиеся от правил.

В докладе будут рассмотрены следующие способы использования прописных и строчных букв.

1. Письмо с большим количеством начальных прописных букв: эмоциональное или «астральное» письмо.
2. Письмо *заборчиком*, то есть равномерное или неравномерное чередование прописных и строчных букв в отдельных словах или в целом тексте.
3. Письмо сплошными прописными буквами (*капс, капслок, капситель*). Аналог крика в устной речи.
4. Отказ от использования прописных букв в начале строки в поэзии.
5. Отказ от использования прописных букв и знаков препинания в интернет-поэзии (пирожки, порошки и т. п.).

В докладе анализируются прагматические следствия использования этих приемов с точки зрения пишущего и читающего. Для интерпретации этих явлений используются такие понятия, как коммуникативные выделение и давление, пафос и ирония, эмоциональность и прозаичность, структурность, хаотичность и монотонность, а также письменно-устная речь.

Об одном способе описания специфики плана содержания нормативной письменной речи:

Опыт апостериорного подхода к инвентаризации реального семантического метаязыка описания семантико-прагматического аспекта правил русского правописания (орфографии и пунктуации)

Сергей Александрович Крылов

Институт востоковедения РАН
krylov-58@mail.ru

Светлой памяти В. В. Лопатина (1935-2021)

Любой отрезок нормативной письменной речи (т. е. такой речи, где пишущий сознательно или бессознательно стремится соблюдать нормы орфографии и пунктуации, а читающий рассчитывает на то, что он действительно будет их соблюдать) состоит из (т. е. потенциально представим как сочетание) графических знаков, т. е. двусторонних графических единиц (ГЕ).

Экспоненты этих ГЕ – видимые (доступные зрительному восприятию) очертания фонограмм (букв), идеограмм (в т. ч. цифр) и делимитаторов (в т. ч. знаков препинания).

Но понять, как устроено содержание этих ГЕ – очень непростая задача, и в её решении теория письма («грамматология») делает пока лишь первые шаги.

Настоящий доклад - попытка сделать посильный шаг в этом направлении. Предложенный подход, возможно, не является ни единственно научным, ни наилучшим. Но (как я пытаюсь показать) он относится к числу реально осуществимых; и потому имеет полное право на существование.

Предложенный подход - **апостериорный**; т. е. исследуемые элементы семантического метаязыка (ЭСМ) не постулируются современным лингвистом (семантистом), а извлекаются из реальных напечатанных **метатекстов** (созданных лингвистами прошлого), доступных наблюдению и научному исследованию (в т. ч. исследованию методами тезаурусной лексикографии и корпусной лингвистики).

Напр., заслуживают внимания такие метатексты, как Грот 1876, Грот 1885, Виноградов 1965, Розенталь и др. 1994, Лопатин 2009^{3[1]}.

ЭСМ подразделяются на некоторые основные функциональные классы.

I. Субстантивные

I.1. Онтологические (диктумные): предмет, признак, качество, количество, место, время, причина, следствие, событие, действие, отношение, наличие, отсутствие, лицо,

3[1] Приведённые примеры ЭСМ взяты из книги Лопатин 2009.

изделие, материал, размер, города, страны, моря, реки, титулы, должности, ордена, медали, награды...

I.2. Коммуникативно-прагматические: *высказывание, утверждение, отрицание, вопрос, согласие, подтверждение...*

II. Адъективные. Они употребляются в составе лингвистических терминов, обозначающих смысловые подклассы языковых единиц. Напр., *вопросительный, отрицательный, местоименный, указательный, усилительный, выделительный, ограничительный, соединительный, присоединительный, противопоставительный, уменьшительный, уменьшительно-ласкательный* и т. п.

Адъективные ЭСМ, входящие в состав таких семантически ориентированных составных терминов, можно систематизировать двумя основными способами:

(а) группируя воедино атрибутивные словосочетания с одинаковым определяемым существительным (чем создаётся «семасиологическая таксономия»); и

(б) группируя воедино атрибутивные словосочетания с одинаковым атрибутивным прилагательным (чем создаётся «ономасиологическая таксономия»).

Литература

Виноградов 1965 - Виноградов В. В. (отв. ред.). Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. (XVIII-XX вв.) / АН СССР. ИРЯ. – М.: Наука, [ЛЮ], 1965. - 500 с.

Грот 1876 - Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне: филологическое разыскание Я. Грота. - 2-е изд., значительно пополненное с подробным указателем всех сомнительных случаев. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1876. - XII, 460 с.

Грот 1885 - Грот Я. К. Русское правописание : Руководство, составленное по поручению 2-го Отделения академии наук, акад. Я. К. Гротом. СПб.: Тип. Императорской АН, 1885.- XII + 148 с.

Лопатин 2009 - Лопатин В. В. (отв. ред.) Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. — М: АСТ, 2009. - 432 с.

Розенталь и др. 1994 - Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. — М.: Московская международная школа переводчиков, 1994. — 400 с.

Развитие жанрово-стилистической системы русской письменности

XI-XVII вв. и динамика словообразовательных норм

Ольга Юрьевна Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
vpks@rambler.ru

Среди многих факторов, определяющих эволюцию словообразовательных средств, значений, моделей, значительная роль принадлежит влиянию со стороны жанрово-стилистической системы языка определенного периода. Набор функциональных стилей и типов речи, степень их разработанности, иерархия жанров в каждую историческую эпоху обуславливают характер динамики словообразовательной системы русского языка, придают ей своеобразный вектор развития.

Традиционно выделяемые в рамках донационального периода синхронные срезы (древнерусский и среднерусский) отмечены неодинаковым соотношением текстов, представляющих норму книжную (славянизированную) и норму некнижную (узус народно-разговорной речи). Это, в свою очередь, определяет степень интенсивности развития каждой из норм, характер их взаимодействия. История словообразовательной нормы в донациональный период развития русского языка – это история изменения регулярности и продуктивности словообразовательных моделей книжно-славянского языка и языка деловой и бытовой письменности, а также история взаимодействия моделей, предпочтительных для каждого из языковых идиомов.

Главенствующее положение книжных, славянизированных жанров в ценностной иерархии текстов письменной культуры в древнерусский период рождало потребность в средствах стилистического оснащения именно этой группы текстов. Интенсивное развитие в рамках книжно-славянской письменной традиции получает словообразовательная категория абстрактных имен, лидирующее положение в составе которой занимают словообразовательные типы с суффиксами старославянского происхождения *-ьств(о)* и *-и(е)*. Письменные жанры книжно-славянской языковой ориентации в силу их высочайшего авторитета оказывают влияние на все более интенсивно развивающуюся «некнижную» (неславянизированную) письменную традицию. Проникновение производных абстрактных имен в деловую письменность и светскую литературу способствует развитию жанрово-стилистической дифференциации наиболее продуктивных формантов этой словообразовательной категории. Противопоставленность и взаимодействие гетерогенных языковых идиомов стимулируют активную конкуренцию словообразовательных типов в других семантико-грамматических классах слов (например, в сфере образования лично-одушевленных существительных, префиксальных глаголов).

Письменная культура старорусского периода характеризуется увеличением жанрового разнообразия письменных памятников и в то же время сохранением прежней жанрово-стилистической иерархии письменных текстов. Это определяет специфику словообразовательных процессов в старорусском языке. В этот период на словообразовательную динамику с одинаковой силой влияют разнонаправленные

нормативные векторы, словообразовательные подсистемы активно реагируют на «запросы» как высоких, книжных жанров, так и жанров, отражающих демократизацию письменной речи, усиливающую экспансию народно-разговорного языка. Усиливается жанрово-стилистическая дифференциация словообразовательных моделей в разных семантико-грамматических подсистемах, активно формируются словообразовательные модели «некнижной» стилистической ориентации (напр., модели с суф. *-к-* – специфическим формантом разговорности, модели диминутивного словообразования).

Таким образом, становящаяся все более очевидной стилистическая дифференциация письменной речи в донациональную эпоху (XI – XVII вв.) обуславливает активное структурно-семантическое развитие словообразовательных средств, маркирующих оппозицию «книжное – некнижное». Словообразовательная норма в целом развивается в русле снижения продуктивности словообразовательных моделей, обслуживающих потребности текстов книжно-славянской языковой ориентации, и нарастания продуктивности моделей, формирующихся в рамках деловой и бытовой письменности.

Использование коллокаций при образовании именных групп с причастиями и причастных оборотов в современном русском языке

Кувшинская Юлия Михайловна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ykuvshinskaya@hse.ru

kjulia4@yandex.ru

Доклад посвящен двум случаям употребления полных причастий:

- 1) плеонастическое употребление причастий (1, 2);
- 2) употребления, основанные на нарушении порядка слов в причастном обороте (3).

Будет показано, что во всех этих случаях говорящий, как правило, образует именную группу с зависимым причастием на основе глагольной группы, представляющей собой коллокацию.

1. Плеонастическое употребление причастий может возникать в силу разных причин и порождать разные эффекты, прежде всего осуществлять анафорическую функцию, эксплицировать пресуппозицию высказывания [Кувшинская, Зевахина 2023: 150 - 159].

(1) Стоит отметить, что поставленную проблему я буду изучать, не затрагивая грузоперевозки... (Корпус русских учебных текстов (КРУТ)).

В большинстве таких примеров причастная клауза образована на базе коллокации — глагольной группы. При этом существительное становится вершиной новой фразы, а из глагола образуется причастие, например: *предоставить информацию — предоставленная информация; происходит старение — происходящее старение оборудования -, предоставит информацию — предоставленная информация* и др. Эти конструкции признаны коллокациями в [Борисова 1995].

Помимо отсылки к предшествующему контексту, причастие в таких случаях, как правило, используется для выражения определенности именной группы (1) (об этом см. [Петрухина, Соколова 2008:126]), а также для выражения временных и таксисных значений (2), которые в принципе присущи причастиям [Козинцева 2003], но становятся особенно значимы в тех случаях, когда лексико-семантический вклад причастия в предложение минимален.

(2) Оставим на совести обеих сторон утверждения о невиновности высланных дипломатов. <...> Произнесенные формулы о невиновности являются своего рода стандартом для дипмиссий всех стран в подобных случаях. («Независимая газета», 26.04.2022)

Очевидно, в рассмотренных случаях мы имеем дело с некоторой степенью грамматикализации причастий (об этом также [Петрухина, Соколова 2008:126]). Выполняя функцию грамматического показателя, причастие становится неотделимым от опорного существительного. Неотделимостью, в свою очередь, обуславливается как избыточное употребление, так и употребление с нарушением порядка слов (ср. [Цейтлин 1982:79]).

2. При нарушении порядка слов в причастном обороте (3)

(3) *Пропавший батискаф в Атлантическом океане ищут...* (РИА Новости)

сочетание причастия и опорного существительного в подавляющем большинстве случаев представляет собой преобразование исходной глагольной коллокации:

прошли разбирательства (в суде) – прошедшие разбирательства в суде (Ведомости), *прибывает поезд – прибывающий поезд на первый путь* (объявление на станции метро), *проводить мероприятия – проводимые мероприятия в виварии* (НКРЯ).

Степень закреплённости таких сочетаний в речи может быть разной, начиная от устойчивости только в конкретных профессиональных сферах и заканчивая общеязыковыми клише: *Установленные правила, принятое решение, сложившееся положение; спасибо за предоставленную возможность* и т.п.

Плеонастическое причастие может употребляться и в причастном обороте, построенном с нарушением порядка слов; в этих случаях связь с исходной глагольной коллокацией бывает особенно явной.

Литература

Борисова Е. П. 1995. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М.: Филология.

Козинцева Н. А. 2003. Таксисные функции, передаваемые причастиями и причастными оборотами, в русском языке // А. В. Бондарко (отв. ред.) Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность. СПб.: Наука. С. 175–188.

Кувшинская Ю.М., Зевахина Н.А. 2023. Плеонастические причастия в современной русской речи: функции и тенденции развития // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 19. № 1. С. 138-192.

Петрухина Е. В., Соколова С. В. 2008. Проблемы грамматикализации в современном русском языке // А. В. Бондарко, С. А. Шубик (отв. ред.). Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. СПб.: Наука. С. 115–139.

Цейтлин С. Н. 1982. Речевые ошибки и их предупреждение: Пособие для учителей. М.: Просвещение.

Картотека сокращений в составе картотеки неизданного словаря 20-х годов XX века

Ирина Евгеньевна Кузнецова

Институт лингвистических исследований РАН

kuznetsova4irina@gmail.com

Доклад посвящен описанию и краткой характеристике материалов картотеки сложносокращенных слов 1920-х годов, которая была обнаружена в августе 2023 года в составе картотеки неизданного «Словаря русского литературного языка», хранящейся в архиве Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. Неизданный «Словарь русского литературного языка», так называемый «ленинский» словарь, создавался по инициативе В. И. Ленина коллективом московских и петроградских ученых под руководством Д. Н. Ушакова в 1921–1923 годах. В состав обнаруженной картотеки словаря объемом около 140000 карточек входит картотека сокращенных обозначений, насчитывающая 1270 карточек. Сокращения тематически разнообразны: это названия организаций, военные и сельскохозяйственные термины, наименования лиц, правовые понятия и др. Картотека включает сокращенные слова как минимум пяти словообразовательных типов. При некоторых сокращениях приводятся их варианты, а также указания на устную форму. В контексте характеристики материалов в докладе дается краткий обзор языковой и лексикографической ситуации 1920-х годов. С 1917 по 1923 год процесс образования сокращений в русском языке шел наиболее активно, и именно в это время появляются первые словари сокращений. По сравнению с содержанием изданных в 1920-е годы словарей материалы картотеки включают существенно большее число сложносокращенных слов. Обнаруженная картотека представляет собой бесценный источник по изучению истории русского языка, истории его словарного состава и истории русского словообразования.

Интернет-коммуникация как сфера графической и орфографической трансформации слов

Кузнецова Наталья Владимировна

Тюменский государственный университет

n.v.kuznecova@utmn.ru

Белова Екатерина Сергеевна

независимый исследователь

Графические и орфографические трансформации слов по сравнению с нормативным написанием в современной русской письменной речи подробно классифицированы и проанализированы на материале развлекательных СМИ и рекламных текстов. Что касается русскоязычной интернет-коммуникации, то в 2000-е годы большое внимание исследователей привлекал весьма распространённый тогда «олбанский язык», основной характеристикой которого были антинормативные написания слов. В докладе будут рассмотрены типы и функции графической и орфографической трансформации слов в интернет-коммуникации в ситуации «один к многим» в 2010-х – начале 2020-х годов. Перечислим основные из них.

Запись слов с использованием небуквенных знаков имеет разные функции: во-первых, утилитарную, для обхода автоматических фильтров, запрещающих употребление некоторых слов (*уб*ю*), либо для препятствия нахождения слова (обычно имени и фамилии) через поисковые системы (**ндр*й б*р*н* – *Андрей Бирин*), во-вторых – игровую, для демонстрации речевой маски, выражения иронии, самоиронии и т.д. (*О4еНь пЕльмЕшЕк Хо4еТ\$я* – подобные приемы написания отмечались еще на заре Интернета, но продолжают использоваться по сей день). В первом случае обычно употребляется знак звездочки, реже – «собаки», во втором – цифры на месте букв и чередование прописных и строчных. Буква Ъ на конце слов, как элемент дореформенной орфографии, также выражает иронию и самоиронию (*Кажется, я опять сломалъ систему*). До сих пор в оценочной функции достаточно часто используются некоторые единицы «олбанского языка»: *аффтар* (часто также *афтор*), *опасный* и нек. др.

Выделяется группа написаний, передающих разговорное произношение (*штош*, распространившееся из мема с птицей; *чучуть*), и элементы фонетического письма в сочетании с передачей диалектных речевых особенностей (яркий пример – *деняк* как форма род. п. мн. ч. существительного *деньги*). Другие относительно новые способы орфографической трансформации слов: 1) замена *-ть* на *-ц* в инфинитиве глаголов (*ехац*, *ждац* и под.; «родоначальник» таких написаний – *кушоц* из мема с котом); 2) вставка Ъ в сочетании *чк* (иногда прописной, подчеркивающей нарочитость написания: *очЬки*, *тучЬки*); 3) замена Ъ в смягчающей позиции на Б (*денб* – *день*, *болбшая* – *большая* и т. п. – вероятно, по частотной опечатке, поскольку эти буквы находятся рядом на клавиатуре; заметим, однако, что далеко не любая замена буквы на соседнюю имеет столь массовое распространение); 4) вставка букв, передающих губные согласные, – *м* или, реже, *б* (*даймте*, *ладбно* и мн. др.; «родоначальник» таких написаний – мем «Доге и Чимс», в которых вставка букв *м* и *б* внутрь слов передает неуверенную речь Чимса). Первые два из названных способов орфографической трансформации слов

передают обычно эмоцию умиления, тогда как два других – иронию по отношению к чьему-либо неуверенному поведению.

Интернет-коммуникация представляет собой благодатную среду для графической и орфографической трансформации слов в разных функциях, среди которых явно выделяется функция выражения иронии и самоиронии ее участников. Набор приёмов такой трансформации со временем расширяется.

Лексикографирование названий растений и проблема кодификации

Анна Сергеевна Кулева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

an_kuleva@mail.ru

Лексикографическое описание названий растений (фитонимов) тесно связано с проблемой кодификации этих лексических единиц.

Обращение к существующим авторитетным словарям – толковым [БАС-1; МАС; БАС-3; СШв] и специальным [ЗКН; Крысин 2010] – показывает, что рассматриваемая группа лексики сравнительно невелика (общий словник выбранных словарных статей включает около тысячи единиц), а ее словарное описание во многом неактуально: устаревшим оказывается отбор лексики (в словарях фиксируются многие неупотребительные сейчас единицы, но пополнения этой группы практически не происходит), толкования (преобладает сельскохозяйственный аспект, причем с опорой на во многом устаревшие реалии) и др. Более новые единицы могут быть обнаружены в орфографическом словаре [РОС]. Если обратиться к естественнонаучным источникам, можно обнаружить схожую картину: авторитетные источники чаще всего несовременны [БЭС], а более новые – либо узкоспециальны, либо недостаточно авторитетны.

Неудивительно, что носители русского языка, поскольку словари недостаточно актуальны и в целом малодоступны (и в результате – всё менее известны широкой аудитории), предпочитают обращаться к неструктурированному массиву сведений в интернете. Как представляется, именно этим можно объяснить существенное отставание лингвистической кодификации от узуса или вновь возникающие расхождения с ним.

Так, например, слово *цуккини* (**цукíни**, *нескл., м. и мн.* [РОС]) первоначально фиксировалось в варианте *цуккини* [ЗКН; Крысин 2010]. В НКРЯ *цуккини* обнаруживается с конца 2000-х (единичный пример 1989 г.), *цуккини* – с 2001 г.

Слово *брокколи* (**брóкколи**, *нескл., ж.* [РОС]) из толковых словарей есть только в [АТoS], хотя ранее эта единица включалась в словари иноязычных слов, естественнонаучные и энциклопедические источники ([Академик]; ср.: *брокколь* в [Анненков 1878]). В НКРЯ примеры с 1972 г. (и вариант *броколи* в источнике 1906 г.). Слово *рукола* (в РОС: **ру́кола**, -ы [изменено, ср. РОС 2012: **ру́ккола**]) в лингвистических словарях до сих пор не фиксировалось, что неудивительно, поскольку традиционно (в частности, в энциклопедиях) это растение упоминалось под названием *индау* (**инда́у**, *нескл., ж.* [РОС]) или *эрука*. В НКРЯ *рук(к)ола* встречается с начала 2000-х.

Кажется, что кодификация этих единиц еще не завершена: неясно, вошло ли в язык слово *рукола*, не утвердился ли вариант *броколи*.

Еще больший разнобой существует в сфере названий, не входивших ранее в словари (см. также [Кулева 2021]).

Литература

Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб.: Имп. Академия наук, 1878.

АТoS – Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Вилять; Т. 2: Вина – Гяур / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2016.

БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М., 1948–1965.

БАС-3 – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. СПб., 2004–.

БЭС – *Биологический энциклопедический словарь*. Гиляров М. С. (гл. ред.). М., 1986.

ЗКН – *Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов. Изд. 3-е. М., 2008.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2010.

Кулева А.С. Проблемы лексикографирования названий растений через призму орфографии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 3. С. 141–149.

МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 1-е. М., 1957–1961; Изд. 2-е. М., 1981–1984.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 10.01.2024).

РОС – *Лопатин В. В., Иванова О. Е.* (ред.). Русский орфографический словарь. URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения 10.01.2024).

Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения 10.01.2024).

СШв – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.

Числовые формы местоименных конструкций: грамматика и семантика (*мало [редко, много] какой / какие*)

Галина Ивановна Кустова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

galinak03@gmail.com

В докладе обсуждаются кванторные выражения с адъективными местоимениями *мало какой / чей; редко какой / чей; много какой / чей* (их грамматические, семантические и коммуникативные особенности), которые, в отличие от оборотов с субстантивными и адвербиальными местоимениями типа *мало / много кто (что, где)*, не были предметом специального рассмотрения. Показано, что выражения со значением большого (*много какой*) и малого (*мало / редко какой*) количества несимметричны. Их формальные различия (в частности, выбор форм числа: ***Редко какая книга может вызвать такое стопроцентное отторжение VS. Гагарину доведется оказываться много на каких обложках*** – **много на какой*) объясняются различиями в семантике и коммуникативной организации.

Направления исследований дисциплин «культура речи» и «лингвоэкология»: сходство и различие

Елена Михайловна Лазуткина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

lazutkelena@yandex.ru

Эти научные дисциплины объединяет признание языка в качестве интеллектуального и духовного мира человека и естественной среды обитания человека в обществе. На этом строится признание диалоговой основы языка и неразрывной связи процессов говорения-понимания с мировосприятием, мировоззрением носителей языка. Этот факт обрисовывает общие для этих дисциплин области исследования языка как системы, человека как субъекта речевого поведения и адресата в общении, смысловые сферы и ценностные пространства речевой практики, обрисовывает проблемы речевой культуры и текстовой грамотности каждого человека и общества в целом.

Дисциплина «культура речи» имеет широкую палитру направлений изучения жизни языка в обществе. В современной дисциплине «культура речи» дискурс (текст), как высший уровень организации смысла при устном и письменном общении, является основной площадкой исследований системных свойств языковых средств, и выработка предписаний и советов происходит для функционирования языка на этом уровне. Дискурсный подход существенно уменьшает субъективность нормативной оценки, поскольку вводит в процедуру исследования множество факторов учета лингвистической прагматики, вплоть до учета действительских координат высказываний.

Изначальная прагматическая установка предполагает на оси «адресант – адресат» солидарность в общении, согласие внимать (при существовании разности мнений и оценок) и признание равноправия (паритетности) в общении. Однако в середине XX века из многоаспектной науки «культура речи» выделилась отдельная дисциплина - «речевое воздействие», которая заявила о новом типе коммуникативного взаимодействия, о сложившейся у нее предметной области и о методах исследования. Дисциплина «речевое воздействие» эксплуатирует основной принцип речевого общения - «диалог», ось речевого общения «адресант – адресат», - но уничтожает главную ее составляющую – паритетность участников общения (субъектно-субъектное начало), чтобы во что бы то ни стало обеспечить заданный результат коммуникации. Таким образом, этой дисциплиной провозглашена главная цель использования языка – организация языковых средств для целенаправленного воздействия на адресата, для внедрения в его сознание определенных смысловых потоков и ценностных ориентиров, для управления социумом.

Вся проблематика науки «культура речи» не потеряла свою актуальность в XXI веке, но острота проблемы сохранения языка как жизненной среды для социума, как среды формирования языкового сознания личности, способа идентификации человека и самосохранения общества, - заставила ученых исследовать вопросы лингвистической экологии. Наиболее разработанное научное направление в России — это лингвоэкология, имеющая давние традиции, связанные с языковой культурой и с канонами науки этики. У истоков ее создания на рубеже XX–XXI вв. стоит А. П. Сковородников, который определяет ее как междисциплинарную гуманитарную науку,

«предметом изучения которой является состояние языка как сложной семиотической системы с *экологических позиций* (метафорически «здоровье языка»), обусловленное социальными, историческими, политическими и другими экстралингвистическими факторами, влияющими на языки и языковое сознание его носителей; пути и способы защиты языка от негативных влияний среды его обитания, с одной стороны, и его обогащения и совершенствования, с другой» [Сковородников 2019: 13].

В настоящее время лингвоэкология имеет несколько направлений; например, направление, в котором подчеркивается роль средств эмотивного воздействия на человека, направления, в которых исследуется речевая агрессии, описываются особенности построения патогенных текстов, исследуются методы и приемы агрессивной информационной политики. При этом описываются каналы негативного воздействия на сферу употребления языка, приемы распространения отрицательных черт речевой практики, которая влияет на формирование системных закономерностей.

Опасные связи: о глаголах *якшаться*, *знаться* и *водиться*

Ирина Борисовна Левонтина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

irina.levontina@mail.ru

Доклад посвящен одной из групп русских глаголов с богатой неассертивной частью – глаголам, указывающим на наличие у человека контактов с какими-то другими людьми. Все перечисленные глаголы не имеют актуально-длительного значения НЕСОВ: **Смотри, вот он сейчас якшается <знается, водится> с подозрительным человеком.* Этим они отличаются, например, от глагола *общаться*. При этом в неассертивной части значений у этих глаголов есть существенные различия. Так, *якшаться* – не просто неодобр., как пишут словари. Это слово практически всегда предполагает общение с социально чуждыми и притом более низкими слоями: *Тетушка несколько дней назад выставила из дому Баграта за то, что тот продолжает якшаться с уголовниками* [Фазиль Искандер. Чик и белая курица // «Знамя», 2000]. Иногда со слоями не то что более низкими, но социально не одобряемыми (жандармы и т. п.): *Конечно, гениям свойственны причуды: вот и Маяковский оскоромился — якшался с чекистами* [М. К. Кантор. Медленные челюсти демократии (2008)]. *Знаться* же допускает гораздо более широкий круг ситуаций: человек контактирует с теми, кто выше или ниже его, негативная оценка этого контакта может иметь социальный или моральный характер, ее может и совсем не быть, особенно в старых примерах: *Я ведь люблю знаться с людьми ратными, вы народ веселый: и сами любите выпить, и другим поднести* [М. Н. Загоскин. Аскольдова могила (1833)]; *Да и с какими людьми знался, хлеб-соль водил!* [П. И. Якушкин. Из Орловской губернии (1861)]. *Водиться* интересно тем, что в нем произошел наиболее заметный сдвиг значения. Сейчас это слово в основном детское или инфантильное, причем эта черта у него стала появляться еще в XIX в., хотя и постепенно: *Бедный ворюшка, укравший 25 рублей, иногда от нужды, наказывается, как преступник; а эти дневные воры гордо разъезжают в богатых экипажах, водятся с вельможами, смотрят с презрением на бедного, но честного человека, от которого поживиться нечем, и даже обсуживают слабости других людей* [Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)].

Приписные буквы в эго-документах начала XIX века (на материале рукописи «Дневника уфимского анонима»)

Леонтьева Анна Леонидовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

aleonteva@hse.ru

К концу XVIII в. орфографическая норма (см., напр., (Ломоносов 1755), (Курганов 1769), (Светов 1873)) отражала обе известные сегодня функции прописных букв – позиционную и выделительную (см. (Шмелев 2020)). Прописной буквой предписывалось маркировать начало предложения и стихотворной строки. Также с прописной буквы нужно было писать личные имена, географические названия, а также сакральные слова (Бог, Творец), титулы высокопоставленных особ (Царь, Патриарх). Кроме того, прописную букву в начале XIX в. следовало употреблять в названиях наук (Грамматика, Философия) и частей речи (Имя, Глагол), а также в заимствованных словах (КаѠедра). Автор «Дневника уфимского анонима» 1 знаком со всеми перечисленными нормами. Отступления от них происходят лишь в ситуации ослабления контроля – когда, увлекшись содержанием, автор забывает о форме. Расхождения с нормами при этом носят системный характер. Прописные буквы, по-видимому, не воспринимаются автором как маркер границы предложения. Это скорее украшение текста. Так, прописная буква часто используется в абсолютном начале страницы – независимо от синтаксической структуры предложения (см. (1)). После знаков препинания, маркирующих конец предложения, напротив, нередко используется строчная буква (ср. (2)). (1) ...онъ зналъ [разрыв страницы – А. Л.] Что почтѣннымъ устами его въ этотъ вѣчеръ перепадутъ несколько сладкихъ по целуя... (2) ... князь ... знаетъ. – нечего быллодѣлать – раскрыл ся мой гардеробъ. – чисто начисто выбривъ бороду... Правила, опирающиеся на отнесение слова к тому или иному классу, оказываются наиболее уязвимыми. Так, в личных именах, названиях титулов, географических названиях и заимствованных словах в «Дневнике» по умолчанию используется не прописная, а строчная буква, как и в других словах. Эти правила, однако, могут «запустить» слова-классификаторы. Так, в сочетании с лексемой город именная группа с названием города маркируется прописной буквой (Город стерлитамак), то же происходит с личными именами в сочетании со словом господин или иными обозначениями социальной роли (Господин тарарыкин, Губернатор веригин). При 1 Дневник до сих пор не издан и в настоящее время готовится к публикации Е. Э. Ляминой (ИМЛИ РАН). Рукопись хранится в Отделе рукописей РГБ (Ф. 178. Музейное собр. № 7046.9). этом с прописной буквы пишется лишь одно слово в именной группе, и это не обязательно имя собственное (ср. генерал Дядьков и Генерал дядьков). Наиболее регулярно прописные буквы употребляются при эмоциональном или стилистическом выделении слов. Так, с прописной буквы последовательно пишутся обозначения родителей (Батюшка, Матушка), названия групп людей, работающих под началом уважаемого человека (Команда начальника артиллерии, Свита губернатора), а также названия официальных учреждений (Кантора, большой Совѣтъ). Прописная буква маркирует торжественные и эмоционально заряженные контексты, противопоставляя их нейтральным (бог Марс, изображенный на щите, vs. прелѣсти венеры, объятия марфея, купидоновы шалости; наименования малолетнего сына автора железный лоб, несносной малчишка vs.

Маленький Любимец (князя); обозначения дам и их атрибутов: Прелестная, Злодейка рода человеческого, Свою Даму, прекраснейшие Глаза). С прописной буквы пишутся личные имена в случае, когда оказывается новым для автора и адресата и находится в фокусе внимания говорящего (Мария Ивановна Коренева – при первом упоминании персоны, а также при втором упоминании – когда дама выполняет функцию протагониста повествования). В словах, которые автор, скорее всего, часто видел написанными, прописные буквы последовательно употребляются в соответствии с нормой (ср. марки вин: Мадера, Цымлянское, Шампанское; названия месяцев: Январь; слова, связанные с императорским домом: Государя Императора, Императорской Фамилии, Императорскаго Дома и др.). Во трех последних случаях не проявляется тенденция «одна прописная буква на именную группу. Описанные тенденции употребления прописных букв экономны и более просты в употреблении, чем зафиксированные в грамматиках нормы. Эти тенденции актуальны и для современной нередактируемой письменной коммуникации. Литература Ломоносов М. В. Российская грамматика / [соч.] Михайла Ломоносова. - СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1755. Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей. СПб., 1769. Светов В. П. Опыт нового русского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. СПб., 1773. Шмелев А. Д. Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы — есть ли проблема? // Русская речь. 2020. № 4. С. 42–53. DOI: 10.31857/S013161170010734-6.

Русская субстантивация: классы и ограничения

Летучий Александр Борисович,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
alexander.letuchiy@gmail.com

Субстантивация - это широко известный в русской грамматике процесс. Многие сочетания прилагательного и существительного допускают опущение существительного, и в результате существительным становится само прилагательное: ср. такие примеры, как *пьяный, больной, заливное, столовая*.

Однако общеизвестной сменой части речи дело не ограничивается. Оказывается, что часть свойств субстантиватов явно наследуются от прилагательных, а часть отличаются от них.

К последним относится невозможность или ограниченная возможность принимать зависимые. Например, слово *пьяный* в функции субстантивированного прилагательного не может принимать модификаторы со значением степени.

На улице я увидел пьяного.

**На улице я увидел абсолютно пьяного.*

Казалось бы, можно предположить, что это связано с жёстким правилом на субстантивацию, говорящим, что лексикализуется в качестве существительного только одиночное прилагательное. Тем не менее, такое правило не соответствовало бы данным. Например, возможны комбинации смертельно *больной* или *больной гриппом* - в том числе в случае, когда *больной* является уже субстантивом.

<...> *что касается чувств, то они если и отпусkaliсь, то по какому-то специальному рецепту и предназначены были разве что для смертельно больных.* [О. А. Славникова. 2017 (2017)]

Чем же объясняется контраст, например, между невозможным *абсолютно пьяный* (как субстантив) и возможным *смертельно больной*? По-видимому, решить эту проблему можно двумя способами:

1. Решить, что лексикализуется всегда одиночное прилагательное (*пьяный, больной*), однако по какой-то причине одни из субстантиватов имеют больший потенциал присоединения зависимых, чем другие.
2. Решить, что одни прилагательные могут субстантивироваться только как одиночные словоформы (*пьяный*), а для других субстантивация доступна в виде различных комбинаций (*больной*).

В докладе мы рассмотрим преимущества и недостатки каждого из способов объяснения. При этом будет приниматься во внимание и тот факт, что даже у слов типа *больной* присоединение зависимых не является абсолютно свободным. Например, модификаторы степени (*совершенно больной*), судя по всему, сомнительны:

Володя лежал лицом к стене, совершенно больной и очень подавленный. [Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)]

У стены лежал совершенно больной юноша.

**У стены лежал совершенно больной.*

Дополнительную проблему составляют контексты типа *У нас мало знающих английский*, которые содержат не прилагательное, а причастие. Хотя они меньше похожи на субстантивацию, считать их случаями эллипсиса нельзя тоже: в контексте часто нет слова, которое можно было бы подставить в качестве вершины прилагательного (никакого гиперонима типа *студент* или *человек* предыдущий текст может не содержать). Однако вряд ли нужно считать, что *знающий английский* – это лексема, претерпевшая субстантивацию. Контексты типа *По городу слонялись знающие английский* запрещены. Это как бы синтаксическая, а не лексическая субстантивация, которая хотя и не сводится к эллипсису, но сильно зависит от контекста. Семантически это обычно контекст существования или квантификации, а с коммуникативной точки зрения эти составляющие, как правило, несут на себе контраст – являются либо контрастной темой, либо контрастной ремой:

Хорошо знающих английский не было, но кое-как могли говорить все (контрастная тема).

Там каждый обладал неплохим уровнем знаний, но вот в первой группе были ещё и хорошо знающие английский (контрастная рема).

При этом в данном, синтаксическом типе субстантивации ограничения на присоединение актантов и модификаторов снимаются даже при субстантиватах типа *пьяный*:

На столе была водка, но совсем пьяных не было.

Тем самым, следует говорить о двух типах субстантивации - лексическом и синтаксическом. В докладе я подробнее рассмотрю их свойства, ограничения на их употребление и особенности синтаксического поведения.

Кодификация норм этикета деловой переписки XIX-XXI вв.: от письмовников к справочникам по цифровому этикету

Ольга Владимировна Лукинова

Московская высшая школа социальных и экономических наук /
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
looking.over.smm@gmail.com

Письменные коммуникации всегда занимали значительное место в деловом общении: именно письменный характер общения придавал ему если не юридическую силу, то хотя бы позволял фиксировать намерения и производить коммуникацию в асинхронном формате.

По мере того, как количество письменных коммуникаций увеличивалось, появлялась необходимость унифицировать и кодифицировать принятые стандарты переписки. Это позволяло сторонам тратить меньше усилий на поиск подходящих формулировок и, что не менее важно, формировало ощущение «одного языка».

К первым попыткам унифицировать и зафиксировать нормы деловой переписки можно отнести южнославянский эпистолярный справочник, который датируется первой четвертью XV века (известен как «Неозаглавленный письмовник»). Письмовник содержал образцы вступительных и заключительных фрагментов писем. В XVIII веке письмовники начинают активно распространяться благодаря изданию в печатном виде. Письмовники XVIII и XIX веков содержат как образцы писем, так и рекомендации о том, как разного рода письма необходимо составлять. К XX веку в образованной среде к письмовникам складывается негативное отношение (письмовники высмеиваются в творчестве А.П. Чехова и А.Т. Аверченко). Кроме того, XX век – век информационной революции, обусловленной техническим прогрессом: активно распространяется телефонное общение. Роль письменных коммуникаций в деловом общении изменилась.

Появление и распространение интернета возродило к жизни формат письма (пусть и электронного). Новый тип коммуникации показал, что перенесение стандартных норм официально-деловой переписки в электронный формат не работает линейно, а требует адаптации и осмысления. Так появляются пособия по цифровой коммуникации – справочник «Нетикет» Вирджинии Ши (1994 год), книги по цифровому этикету в России и Великобритании (О.В.Лукинова, В.Турк). Справочники по деловой переписке теперь пишутся с учетом специфики тех платформ, на которых происходит коммуникация («Новые правила деловой переписки» М.Ильяхова и Л. Сарычевой, «Переписка 2.0» Саши Карпиной).

Поскольку нормы цифровой переписки часто зависят от специфики платформ, на которых происходит общение, а платформы меняются стремительно, то и нормы находятся в постоянной трансформации. Традиционное понимание языковой нормы подразумевает, что, с одной стороны, она должна устояться в обществе, а с другой стороны, быть зафиксирована в справочниках и словарях. Но быстрая трансформация платформ и способов коммуникации не всегда позволяет оперативно фиксировать те или иные изменения. Поэтому остро встает вопрос о том, что может быть источником для изучения новых норм. В этой связи особую роль начинают играть справочники по

корпоративной переписке (они оперативно обновляются в зависимости от изменений в деловой среде), интернет-мемы про цифровую коммуникацию (контент, который многократно ретранслируется пользователями и выполняет функцию современного фольклора), а также разного рода языковая рефлексия, которую проявляют активные пользователи цифровых инструментов коммуникации.

В рамках доклада мы постараемся ответить на вопрос: под влиянием каких факторов трансформировались нормы этикета деловой переписки и как эти нормы кодифицировались в XIX-XXI вв.

Мне с вас смешно: просторечные, сленговые и диалектные варианты управления предикатов со значением насмешки

Анна Викторовна Малышева
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

annamalys@mail.ru

В докладе будут рассмотрены модели управления глагола *смеяться* ‘насмехаться’ и других предикатов со значением насмешки в современном русском языке – как в его литературном варианте, так и в социально-территориальных разновидностях, а также в просторечии. Материал для исследования извлечен из Национального корпуса русского языка, словарей современного русского литературного языка и сленга, а также диалектных словарей и баз данных.

Глагол *смеяться* в значении ‘насмехаться’ в СРЛЯ имеет варианты управления: *над* + *ТП*, *за* + *ВП*, *из-за* + *РП*, где форма *над* + *ТП* заполняет валентность объекта насмешки, *из-за* + *РП*, *за* + *ВП* – причины, по которой объект подвергается насмешке. В этом значении возможно альтернативное управление беспредложным *ДП*: ***Чужой беде не смейся, голубок*** (Словарь Ушакова, с пометой *устар.*). Кроме беспредложных и предложно-падежных управляемых форм, рассматриваются также некоторые другие варианты замещения валентностей, в частности *что*-конструкция и прямая речь.

За пределами литературной нормы находится вариант *с* + *РП*. Он может функционировать как элемент просторечия, жаргонизм или регионализм. В литературной речи он используется также как средство художественной выразительности, языковой игры, например при предикате *смешно*: *Тогда чуть слышно реку им я: / «Ошибка вышла. Увы, друзья. / Ваш клич безумен. Мне с вас смешно. / Ведь я же умер. Причем давно».* М. Щербаков.

Управляемая форма *с* + *РП* характерна для сленговых глаголов с семантикой смеха и насмешки, например для глагола *угорать*: *Я с тебя угораю* [Словарь русского арго 2002].

Вариант *с* + *РП* может также рассматриваться как регионализм. Он характерен для украинского и белорусского языков и их диалектов [ССВЯ 1968: 182-184 и др.], а также для некоторых южнорусских говоров (курских, орловских, русских говоров Одесщины). Управление *с* + *РП* при предикатах смеха и насмешки отмечается в речи носителей русского языка в Белоруссии [Горицкая 2021], а также является яркой чертой одесского городского койне (о лингвистическом статусе речи жителей г. Одессы см.: [Степанов 2013; Савченко, Хмелевский 2020] и др.).

Предикаты с семантикой насмешки и прежде всего глагол *смеяться* характеризуются значительным количеством диалектных моделей управления. По данным диалектных словарей и баз данных можно проследить лингвогеографическое распределение вариантов. Наиболее широко вариативность представлена в западно- и южнорусских говорах (*ДП*, *вокруг/около/возле* + *РП*, *для* + *РП*, *от* + *РП*, *на* + *ВП*, *за* + *ВП*, *с* + *РП*, *из-за* + *РП* и др.). В севернорусских говорах (архангельских, вологодских, костромских, вятских, ярославских) *над*-конструкция практически не имеет альтернативных вариантов.

Литература

Горицкая 2021 – О. С. Горицкая. Язык и границы: Лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси. Минск: МГЛУ, 2021.

Савченко, Хмелевский 2020 – А. В. Савченко, М. С. Хмелевский. Язык современной Одессы как феномен городской речи (с культурологическими комментариями). URL: http://splr.psu.ru/?page_id=814

Словарь русского аргю 2002 – Словарь русского аргю [Электронный ресурс] / В. С. Елистратов. ГРАМОТА.РУ. 2002. URL: <https://rus-russian-argo.slovaronline.com>

ССВЯ 1968 – Сравнительный синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения. М.: Наука, 1968.

Степанов 2013 – Е. Н. Степанов. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы: автореф. дисс. на соискание учёной степени доктора филол. наук. Киев: Институт языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины, 2013.

«Отключить голосовой помощник»: грамматическое поведение терминов цифрового общества в аспекте словарного описания

Елена Вячеславовна Маринова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

marinova@list.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

1. Для периода становления терминологии той или иной области знания характерно варьирование терминологической номинации в плане выражения. Это замечание справедливо и по отношению к формирующейся с конца XX в. по сей день терминологии цифрового общества. Наиболее частотные её единицы отражены в «Тематическом словаре терминологии цифрового общества» Е.В. Мариновой и Е.А. Волочек (2023). Сами термины извлекались из официальных и новостных текстов, представленных на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ; корпуса медийных текстов (электронная база «Интегрум», «Национальный корпус русского языка»); научной литературы.

2. В ходе лексикографирования были отмечены варианты следующих типов: фонетические (*биткоин* – *биткойн*; *диджитал* – *дигитал*; *кьюар* – *куар*), словообразовательные (*оцифровка* – *оцифровывание*), графические (*ИИ* – *AI*; *цифра* – «*цифра*»); орфографические (*метавселенная* – *Метавселенная*). Ещё один тип связан с варьированием структуры составного термина (в целом составные номинации составляют св. 60% от общей массы терминов): некоторые составные термины могут употребляться в речи в более компактной форме – в виде однословной номинации: *искусственный интеллект* – *ИИ*, *дистанционное электронное голосование* – *ДЭГ*, *нейронная сеть* – *нейросеть*, *штриховой код* – *штрихкод* и др.

3. Считаю, что на стадии первичной фиксации единиц новой терминологии следует включать в словарные материалы все регулярно встречающиеся в письменных текстах варианты, избирая в качестве заголовочного слова наиболее частотный. Однако в исследуемой терминологии обнаружен особый тип вариантов, требующий, как представляется, решения вопроса о его отражении в словарях (по нашим данным, в терминологических словарях этот тип не представлен). Имеются в виду вариантные формы использования термина, различия которых проявляются в его неодинаковом отношении к **одушевлённости** – **неодушевлённости**.

Прежде всего такой грамматической вариантности подвержены наименования высокотехнологичных программ, устройств, опций, выполняющих функции человека или имитирующих его, – в том случае, когда такие наименования совпадают с личными существительными (агентами). Установлено, что на этапе вхождения новой номинации в узус наблюдается вариантность в выборе говорящим формы винительного падежа: *отключить голосового помощника* – *отключить голосовой помощник*.

В докладе речь пойдёт также о грамматических вариантах терминов *бот*, *чат-бот*, которые проявляют признаки то одушевлённых, то неодушевлённых существительных.

Для подтверждения факта варианности указанного типа, а также установления различий вариантов с точки зрения их частотности планируются опрос респондентов; обследование соцсетей и других новых медиа посредством парсинга.

Окказионализмы детской речи: грамматическое своеобразие и наиболее востребованные кластеры обозначений

Нина Борисовна Мечковская

Белорусский государственный университет

nina.mechkovskaya@gmail.com

1. Лексический материал исследования составили 300 существительных, 300 прилагательных и 350 глаголов, извлеченных из трех словарей окказионализмов в речи детей с родным русским языком (см. «Литература»). Своеобразие окказионализмов обусловлено неполной (невзрослой) языковой компетенцией детей и устным происхождением тех явлений детской речи, которые вошли в словари-источники. Частеречный состав исследованных окказионализмов количественно заметно отличается от лексики взрослой речи. По данным «Обратного словаря русского языка» [Зализняк и др. 1974], три первые части речи по количеству лексем, входящих в каждую из них, образуют следующую последовательность: на 1-ом месте – существительные, на 2-ом – глаголы, на 3-ем – прилагательные. По данным частотных словарей русского языка Л.Н. Засориной (1988) и О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (2009), эта же количественная иерархия прослеживается в совокупных объемах словоупотреблений по трем названным частям речи. Однако неясно, можно ли считать, что данная последовательность релевантна также и для детской речи. Тем более неясно, пропорционально ли количество детских окказионализмов, принадлежащих разным частям речи, по отношению к количеству узуальных лексем (в этих грамматических разрядах). Подсчет окказионализмов в словаре [Цейтлин 2006] в трех сплошных выборках по 100 слов показал, что здесь глаголы составляют примерно 20 % словаря, и это меньше, чем доля существительных (43 %) и прилагательных (32 %).

2. Окказионализмы детской речи различаются степенью новизны по отношению к узуальной лексике. Две контрастные разновидности окказионализмов – это собственно неологизмы и не вполне усвоенные “взрослые” слова. Собственно неологизмы не имеют в узуальном языке однословных соответствий, как, напр., *муравьица* ‘самка муравья’ (ср. в речи ребенка: *Муравьица меньше муравья*), в отличие от окказионализма *гусеница* в значении ‘гусыня’ (что связано с недостаточной усвоенностью ребенком слов *гусеница* и *гусыня*). Ср. аналогичные оппозиции в сфере прилагательных и глаголов: *драчный* ‘относящийся к драке’ (напр., *Давай в драчный бой играть*) vs *взрословский* в значении ‘взрослый’; *баянить* ‘играть на баяне’ vs *бинтить* ‘бинтовать’. В трех сплошных выборках по 100 существительных, прилагательных и глаголов пропорции «нового» vs «невзрослого» оказались различны: у существительных 45/55; у прилагательных 42/48; у глаголов 74/26.

3. В материале окказиональных существительных и прилагательных наиболее заметные (многочисленные) окказионализмы входят в оппозиции, которые в детской речи являются более регулярными, чем в речи взрослых. Это, во-первых, различение одушевленных существительных по полу (*институтница* ‘студентка’, *мама-инженерка*, *композита* ‘жена композитора’, *носорочица*, *поросиха*, *лягух*; иногда окказиональны оба члена пары: *Если он – блох, то она блоха или блохиня?*); во-вторых,

это окказионализмы с показателями невзрослости (*бобрёк, ворончик, квакёныш, обезьяныш, людёныш*, в том числе для растений и неодушевленных предметов: *кактусёнок, кивчик* (уменьш.-ласк. к *киви*), *колесёнок* ('колёсико'), *у дома такие домятки родятся*; [предлагает играть в семью]: *Ты лампиха, а я твой лампёнок*), а также сингулярности (*бигудинка, людинка*). В сфере окказиональных адъективов в большей мере, чем в лексике взрослых, сохраняются модели притяжательных прилагательных: *Это кошкино или людино блюдо?; Это людийский лифт*; [указывая на отпиленные от кресла ножки]: *Креслины ноги; Проигрыватели, конденсаторы – это всё приёмниковые игрушки*. Между названными группами окказионализмов детской речи имеется известная семантическая общность, связанная с особенностями детского мировосприятия.

4. Для окказиональных глаголов детской речи, по сравнению с субстантивно-адъективными окказионализмами, характерен высокий удельный вес собственно неологизмов (*звездячить, капустить, музить, пианинить...*), а также продуктивность возвратных и однократных глаголов: *выждаться* 'устать от ожидания', *мячаться* 'играть в мяч или с мячом', *насмешишься* 'вдоволь насмеяться'; *игрануть, колдануть, читануть* и др. Количество возвратных и однократных глаголов в [Цейтлин 2006] в трех сплошных выборках по 100 глаголов превышает количество глаголов тех же категорий в составе 300 самых частых узуальных глаголов в [Ляшевская & Шаров]: возвратных окказиональных глаголов больше в 1.7 раз, однократных – в 3 раза. Обилие возвратных глаголов-окказионализмов может быть связано с более широкой тенденцией в современных языках к неопределенности в выражении субъектно-объектных и ряда других значений.

Литература

Зализняк А.А., Бахтурина Р.В., Сморгунова Е. М. (научн. консульт.). Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов. М.: Сов. энцикл., 1974. 944 с.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. URL: // <http://dict.ruslang.ru/freq.php/>. М.: Азбуковник, 2009. [Дата обращения: декабрь 2023]

Харченко В.К. Словарь современного детского языка: около 10 тыс. слов : свыше 15 тыс. высказываний. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 637, [3]

Цейтлин С.Н. (автор-составитель). Словарь детских словообразовательных инноваций. СПб.: Златоуст, 2006. 2002 с.

Цейтлин С.Н., Елисеева М.Б. (сост.). Говорят дети: Словарь-справочник. СПб.: Нива, 1996. 155

Устная деловая речь: динамика обновления и тенденции развития (деловое совещание в 2012 и 2023 году)

Татьяна Алексеевна Милёхина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

tmilehina@yandex.ru

Совещание – один из центральных жанров устной деловой речи. Большой массив корпоративных совещаний, записанных в период 2004-2014 годов и проанализированных в монографии «Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ», позволил выявить присущие им сущностные речевые особенности.

Задачей данной работы является сопоставление исследованной деловой речи на совещаниях начала двухтысячных с современным устным деловым дискурсом. Материалом послужили расшифровки записей двух совещаний в российских компаниях электронной торговли 2012 года и 2023 года общим объёмом 40 000 словоупотреблений.

При сопоставлении устных массивов совещаний обнаруживаются общие черты, к которым относятся: сохранение самой структуры жанра совещания, стремление к неформальному характеру общения, использование большого массива англоязычных заимствований, присутствие профессиональной, жаргонной, разговорной лексики. Однако выявляется целый ряд новых тенденций, которые определённым образом корректируют устную корпоративную реальность.

Прежде всего приходится констатировать всё большее усиление неформального стиля делового общения. Общая жанровая рамка общения сохраняется, но наполнение речевых формул-клише начала, конца, контактных и дискуссионных реплик имеет намеренно сниженный (с использованием жаргона) характер. Деловой этикет заменён неофициальным дружеским типом общения. Практически отсутствует вы-общение, обращения только по имени, причём допустимы и неполные формы. Используется разговорный, небрежный стиль произношения, господствует разговорный синтаксис, практически не фиксируются хотя бы элементы письменного текста – заготовки выступления. Книжная лексика заменена профессиональной, разговорной, жаргонной. Источником используемой прецедентности выступает бытовое общение, анекдоты.

Англоязычных заимствований по-прежнему много, однако они представлены в русифицированном произносительном варианте, не выделяются на фоне речевого потока, активно склоняются и спрягаются, образуют формы множественного числа, создают новообразования по русским словообразовательным моделям: *тикет, трекер, кейс, бача (батчирование, батчировать), пойнт, флоу, дэиборт; бэдпик, чек-пойнт, уитка, патисипек*.

Важнейшим новым фактором устного делового общения стала интернет-коммуникация. В материале 2012 - 2014 годов совещания-видеоконференции также присутствовали, но не получали широкого распространения. В настоящее время дифференциация на работу

в интернете (электронная система, чаты, сайты) и работу в реальном физическом пространстве получает специальное речевое оформление: *Эти все манипуляции на физике кажутся нормой/ но по системам мы получим такой ахтунг/ что потом не разберёмся никогда//.*

Аббревиация, как яркая особенность делового языка, отмечалась и в деловом дискурсе начала двухтысячных. Однако в современной речи количество аббревиатур и отаббревиатурных образований как русского, так и иноязычного происхождения, кратно увеличивается: *ПВЗ – пункт выдачи заказа (пэвээшка, пэвээшник, пэвээшный), СЦ – сортировочный центр; ФОС – форма обратной связи внутри компании (фоска), FFC – центральный склад товаров.*

Таким образом, динамика речевого поведения и лексического наполнения жанра корпоративных совещаний наблюдается в фактическом устранении традиционного официально-делового стиля общения из дискурсивного пространства внутрикорпоративной коммуникации, в то время как во внешней коммуникации, в работе с клиентами, сотрудники компании строго придерживаются его норм. Межличностное общение руководителя и подчинённых максимально неофициально. Онлайн-коммуникация, разделение рабочего процесса на реальный и виртуальный формирует специальный речевой код. Заимствования и аббревиатуры подчинены произносительной и грамматической разговорной стихии. В целом деловая речь среднего корпоративного менеджмента демонстрирует тенденции к опрощению и примитивизации.

Литература

Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / Ответ. редакторы Т.А. Милёхина, Р. Ратмайр. - М. : Издательский Дом ЯСК, 2017. - 632 с.

Официальное, разговорное и виртуальное в современной устной деловой коммуникации // Тезисы докладов Четырнадцатых Шмелёвских чтений «Русская разговорная речь начала XXI века» - Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН Москва, 23-25 февраля 2023. ruslang.ru

Грамматические аномалии в современной речи

Зоя Ивановна Минеева

Петрозаводский государственный университет

zmineeva@rambler.ru

Конкуренция нормативных и аномальных вариантов свойственна всем уровням языковой системы. Грамматические изменения, способствующие возникновению вариантности, менее заметны, чем лексические или акцентологические. Наряду с кодифицированным нормативным *украИнский* в речи журналистов нередко звучит устаревший вариант, который в орфоэпическом словаре М. Зарвы сопровождается запретительной пометой: *украИнский* [не *укрАинский*]. Толерантность нормы (термин Л.П. Крысина), обусловленная естественными процессами фонетической адаптации заимствованной лексики, способствует изменению статуса ударения, когда оба варианта становятся равноправными и аномалия получает статус младшей нормы: *маркЕтинг* и *мАркетинг* (Большой толковый словарь). Вариантность связана с влиянием профессиональной сферы (*осУжденный* - *осуждЁнный*). Факты, демонстрирующие проявление динамики языковой системы, многочисленны и разнообразны.

Динамические явления в грамматике свойственны языковой системе и наблюдаются в течение длительного времени. Исследователи обращают внимание на динамику окончаний имен существительных и конкуренцию флексий *-ы/-и* и *-а* (профессиональные *вызова, кабеля, корпуса* наряду с нормативными *вызовы, кабели, корпуса*).

О конкуренции некоторых предложных и беспредложных глагольно-именных словосочетаний писал К.С. Горбачевич. В настоящее время замена беспредложных сочетаний с переходными глаголами типа *понимать* (что?) *мысль, идею* и т.п. предложными с включением активно распространяющего свое влияние предлога «о» можно характеризовать как заметное проявление грамматической аномалии в современной речи. Частотность конструкций с данным предлогом в медийных текстах можно объяснить проявлением контаминации, наложением двух синтагматических образцов с близкими по семантике лексемами. Глаголы ментальной деятельности в норме употребляются в конструкциях с субстантивами и в сочетании с предлогом «о»: *помнить о ..., вспоминать о..., думать, размышлять о...,* что создает определенные предпосылки к замене словосочетаний типа *предположить* (что?) *возможность, вероятность, исход, понимать что* и т.п. аномальными конструкциями с избыточным предлогом: *предположить о том, что..., понимать о чем, показывать о чем-либо, показывающие о...: Вынуждены констатировать о поражении войск* (Вести FM 12.01.2024).

Профессиональный жаргон выступает источником распространения именных предложных словосочетаний вместо нормативных беспредложных: *брюки в черном, синем цвете* вместо *брюки черного, синего цвета; блузка в 44 размере* вместо *блузка 44 размера*. Из сферы моды, торговли данные конструкции проникают в разговорную речь носителей языка в определенных коммуникативных ситуациях.

Противоположный процесс замены предложных конструкций беспредложными наблюдается в профессиональной речи, оказывающей влияние на изменения в нормативной синтагматике. Так, при освещении результатов голосования, принятия решений депутатами Госдумы используется конструкция с глаголами *голосовать*, *проголосовать* в сочетании с субстантивами в Винительном падеже без предлога, при этом непереходные глаголы переходят в разряд переходных. Частотными в современной разговорной речи за пределами профессиональной сферы становятся беспредложные конструкции *голосовать принятие закона, закон, голосовать постановление* вместо *голосовать за принятие закона, за закон, за постановление*.

В целом профессиональный жаргон оказывает значительное влияние на изменение грамматической нормы. Попадая в ту или иную сферу, оказываясь в определенной коммуникативной ситуации носители языка «приноравливаются» к принятым в профессиональной речи собеседников вариантам, оцениваемым как наиболее подходящие, «правильные» в данном случае, обеспечивающие успешную коммуникацию; в результате аномальный профессиональный вариант становится актуальным ресурсом грамматической вариантности.

Коммуникативная стилистика в русле современной стилистической проблематики

Светлана Викторовна Мкртычян

Тверской государственный университет

mkrtytchian@mail.ru

Функциональная стилистика, сформировавшаяся к середине XX в., существенно углубила идеи функционализма в лингвистике, сфокусировавшись на употреблении языка. Векторность стилистических изысканий, как кажется, должна свидетельствовать о «большом научном будущем» и перспективности функциональной стилистики, однако на сегодняшний день недостаточная разработанность стилистической теории, которая стала общим местом русистики, привела скорее к стагнации традиционной функционально-стилистической концепции. В числе методологических инверсий, вокруг которых разворачиваются острые дискуссии, могут быть названы, например, следующие оппозиции: *стиль VS дискурс*; *стилистика VS прагматика*, *стиль VS функционально-речевая разновидность языка*. Совместные усилия различных стилистических школ и направлений выявили объективную невозможность свести воедино все ракурсы стилистического анализа.

Выход из сложившейся ситуации видится прежде всего в прояснении вопроса об аспектизации лингвистической категории *стиля* в соотношении с базовыми единицами «язык-речь». Предварительно обозначим в самом общем виде исходное положение: стиль – это *свойство* языка / речи, которое эксплицируется за счет *манеры (способа)* употребления единиц языка / речи. Данного рода единицы могут выступать в качестве основных стилистических ориентиров, что позволит наметить предметное поле современной лингвостилистики и соотнести современные стилистические концепции на единой терминологической основе.

Остановимся на концепции *коммуникативной стилистики*, в основу которой положено понимание стиля как свойства речи, трактуемой посредством её сближения с понятием *речевой деятельностью* (по А.А. Леонтьеву). Такой подход к исследованию категории стиля направлен на объяснение вербальной манифестации стиля через выявление взаимной связанности функционирования языка с когнитивными структурами (когнитивный аспект), «запускаемыми» в действие механизмами индивидуального сознания, а также с коммуникативно-прагматическим контекстом (прагматический аспект) и с особенностями языка как системы (аналитический или системно-структурный аспект). Коммуникативный стиль (объект коммуникативной стилистики) трактуется как типичная/типовая манера коммуникативной деятельности в коммуникативно-прагматическом пространстве, маркированная системой определённых потенциально динамических единиц, в качестве которых выдвигаются речевые стратегии. Точкой приложения коммуникативного стиля является дискурс. Мы примиряем эти понятия и рассматриваем их как взаимодополняющие, перефразируя уже процитированный стилистический афоризм Г.О. Винокура: нет стиля без дискурса и дискурса без стиля. Дискурс – сущность, отвечающая на вопрос ЧТО. Коммуникативный стиль центрирован вокруг вопроса КАК, представляя собой более высокий уровень лингвистической абстракции. Речевая стратегия сближается с

макроинтенцией и выполняет генеративную стилистическую функцию. Это центральная ось, вокруг которой вращаются остальные элементы всего стилистического комплекса, формируя коммуникативный стиль. Речевая стратегия является *не языковой единицей, а речевой*, но при этом соотносимой с вертикалью уровней языка в рамках аналитического аспекта. Предлагаемая теоретическая концепция описана в докторской и кандидатских диссертациях на материале управленческих коммуникативных стилей, коммуникативных стилей экскурсовода и манипулятивных коммуникативных стилей.

Проиллюстрируем изложенные теоретические положения с опорой на модель манипулятивных коммуникативных стилей. В основе гипотезы лежит предположение о том, что манипулятивный коммуникативный стиль находится в зависимости от когнитивного параметра ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ, который отражает скорость и качество принятия решений в условиях неопределенности. В соотношении с когнитивными параметрами ИМПУЛЬСИВНОСТЬ и РЕФЛЕКТИВНОСТЬ было выделено два манипулятивных коммуникативных стиля – эксплицитно-доминантный, характеризующийся выраженной эмоциональностью, оценочностью, агрессивностью воздействия, и латентный, связанный с эмоциональной сдержанностью и рациональным искажением фактов. На дискурсивном материале было установлено соотношение между когнитивным стилем и манипулятивным коммуникативным стилем, который был реализован в типовых вербальных манифестациях носителей русского языка.

Современные графико-орфографические тенденции оформления товарных знаков

Ия Вениаминовна Нечаева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

inechaeva@mail.ru

1. Сфера товарного нейминга – полигон новых явлений в письменной коммуникации. Связь с рекламой и маркетингом, стремление к воплощению в названии привлекательных свойств товара (прямо или с помощью метафоры), для технических изделий – к визуализации их технических свойств ведет к применению разнообразных графических средств: употреблению, наряду с кириллической графикой, латиницы, цифровых обозначений, иногда параграфемных элементов. Полизнаковость в сочетании с увеличением протяженности названий усложняет их орфографическое оформление и нормирование.

2. Заметной чертой современных товарных номинаций является их чрезвычайное структурное многообразие с тенденцией на многочленность номинации, которое, по понятным причинам, не учтено в действующих нормативных орфографических источниках. У пишущих отсутствуют критерии, по которым они могли бы определить, какие написания следует признавать правильными (или хотя бы желательными), а какие нет.

Выявляются следующие структурные типы номинаций:

– однословные и словосочетания, напр. сыр *пармезан* / «*Пармезан*», батончик «*Сникерс*» / *сникерс*, арбуз «*Черный принц*», торт «*Прага*», крем «*Бархатные ручки*», автомобиль «*Ягуар*», самолет «*Русский витязь*», ЗРК «*Оса*»;

– дескрипции, напр. *жидкое мыло антибактериальное с экстрактом ромашки, масло оливковое универсальное, помидоры черри медовые, огурцы короткоплодные*;

– номинации с цифровыми или буквенно-цифровыми индексами, напр. соковыжималка «*Журавинка СВСП-303*», смартфон «*Айфон 11*», самолет *Су-25*, подводная лодка *К-19*, автобус «*Луидор-2234*»;

– нетранслитерированные иноязычные номинации, а также русские, написанные латиницей, напр. шоколад *Ritter Sport*, туалетная вода *L'Ange Noir*, пылесос *Karcher VC 3*, смартфон *Samsung Galaxy A34*, самолет *Sukhoi Superjet 100*, автомобили *Renault Sandero*, *Lada Granta* / *LADA Granta*, БМП *Stryker*;

– сочетающие кириллицу и латиницу в одном названии, напр. стиральный порошок *Ariel* «*Горный родник*», гель для душа *Palmolive* «*Витамин С и апельсин*», автомобиль *ГАЗель Next* и др.

Некоторые из таких номинаций сочетают названия бренда и модели (разновидности изделия). Индивидуальное название может преобразовываться в название сорта, в связи с чем возникает необходимость в дополнении номинации (напр., *колбаса докторская* «*Папа может*») и т.п. Дескрипции как наименее экономные

и плохо запоминающиеся вытесняются или дополняются условными и символическими названиями (напр., *масло подсолнечное рафинированное «Золотая семечка»*) и т.д.

Очевидно, что при нормировании написаний товарных знаков кодификатору следует в большей степени идти от структуры номинации, сочетая семантический и структурные подходы при нормировании.

3. Латинский шрифт, наряду с прописной буквой и кавычками, сам по себе обладает функцией выделения номинации в кириллическом тексте. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что при использовании нетранслитерированных иноязычных названий в области товарного нейминга кавычки достаточно часто не применяются. Для кодифицированной русской орфографии использование инографических написаний нетрадиционно и в нормативных источниках не рассматривается. Однако язык меняется, что дает нам повод задуматься о том, должны ли подобные частотные письменные явления оставаться за пределами кодифицированной нормы? При этом нетрудно заметить, что процесс внедрения латиницы охватывает не только заимствования, но и единицы русского языка.

4. Все более распространяется вариативность письменного оформления товарных знаков, связанная с характером текста, в котором они употребляются, т.е. действует дискурсивный критерий правописания. Замечено, например, что в специализированных журналах марки автомобилей пишутся в кавычках с прописной, в рекламе обычно без кавычек, на интернет-форумах без кавычек и со строчной. В бытовом употреблении понижают буквенный регистр названия продуктов питания, предметов домашнего обихода, технических изделий и т.п. (напр., *яблоки гольден, печенье хворост, стирать тайдом, пылесосить самсунгом, закупить байрактары* и др.). Разговорное освоение товарных номинаций (*пятисотый, копейка, пыжик* и др.) лишает их проприального статуса.

Теоретические аспекты изучения фонетических клитик

Никита Владимирович Никитин

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

kindnick1999@gmail.com

В современной лингвистике по-разному понимают содержание и объем понятия *клитика*. Так, А. В. Циммерлинг указывает на две различных традиции определения клитик:

- 1) осмысление клитик как единиц, неспособных формировать фонетическое слово вне комбинации с другими словами (фонетические клитики);
- 2) осмысление клитик как единиц, обладающих в первую очередь синтаксическими особенностями и вычленяемых на основе дистрибуции клитик в предложении (синтаксические клитики).

Существенно, что фонетическая клитика, интерпретированная таким образом, может быть и ударной, что явным образом противоречит мнению многих фонетистов, исходящих из *обязательной* безударности клитики. Поэтому точнее было бы представить обсуждаемые две традиции так:

1) фонетическая традиция, где ключевым оказывается просодический критерий; в зависимости от его выбора выделяются два подхода:

- а) клитики – безударные слова (или словоформы, что правильнее),
- б) клитики – словоформы, лишенные способности образовывать самостоятельно фонетическое слово;

2) грамматическая традиция, где в фокусе внимания оказываются синтаксические свойства клитик.

Обозначенное теоретическое расхождение влияет на оценку конкретных случаев; так, при первом подходе в сочетании *на́ голову* (*надеть что-л.*) клитикой является существительное в силу своей атонированности, а предлог, наоборот, описывается уже как опорное слово, в то время как при втором подходе статус *на* не меняется: предлог остается клитикой, так как именно существительное создает фонетическое слово, сам же предлог ударен лишь в силу акцентных свойств знаменательного слова.

Целесообразнее исходить из того, что **клитика – словоформа, неспособная самостоятельно формировать фонетическое слово**. В пользу такого решения говорят следующие аргументы.

Во-первых, серьезная теоретическая проблема, возникающая в связи с определением *безударный*: словесным ударением называется выделение **одного из слогов** односложного слова, но тогда, видимо, надо признать клитиками односложные самостоятельные слова типа *рот* и т. д., потому что в них по определению нет ударения. Можно попробовать снять противоречие, сказав, что нельзя считать безударной односложную словоформу, – слог здесь ни ударный, ни безударный. Однако это тоже

неудачное решение: не только сегменты *бы, от, по, сквозь*, но и слова вроде *б* (вариант *бы*) *к, с* и т. д. нельзя будет называть клитиками, поскольку в них меньше двух слогов.

Второй аргумент выводится из акцентологических исследований. Например, П. Гард утверждает, что если в случаях вроде рус. *но́ столу* или чеш. *na mostě* 'на мосту' (ударение на предлоге) рассматривать существительные как клитики, то «правила ударения невозможно будет четко сформулировать».

Возможно возражение: не опровергается ли предложенное определение высказываниями типа *Мне надоели твои «но»!*, где *но* формирует отдельное фонетическое слово? Нет, не опровергается – по двум причинам. Прежде всего, здесь указанная единица употреблена автонимно, а так можно употреблять какое угодно слово и даже морфему. То есть вполне реально *Недоделал, недослушал, недописал – я устал от твоих «недо»!*, хотя едва ли стоит говорить при этом, что приставка *недо-* является словоформой. Далее, в обсуждаемом предложении союз ведет себя не как союз – в нем нет никаких черт служебной лексемы.

Та же самая логика применима и к фонетическим словам, которые образованы с помощью акцентного выделения, как в высказывании *Книга не нǎ столе, а нǒд столом* (с фонетическими словами *не нǎ* и *а нǒд*). Тем не менее выделяться так может в принципе любая словоформа или морфема, что объединяет акцентное выделение и автонимное употребление и позволяет не учитывать факты подобного рода при принятии решения о том, является ли какая-либо единица клитикой.

Следовательно, более обоснованно рассматривать клитики как словоформы, неспособные формировать фонетические слова сами по себе. В таком случае в классификации клитик должен использоваться критерий ударности/безударности.

Расширение функций союза также в составе мемов типа «я / также я»

Елена Андреевна Никишина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

helene_nikichina@mail.ru

Союз *также* замечателен тем, что традиционно порождает много вопросов как со стороны, носителей русского языка, так и со стороны исследователей. Носителей беспокоит вопрос о слитном / раздельном написании частицы *же* в составе *также*, а исследователи и блюстители правильности русской речи спорят о том, как влияет *также* на актуальное членение (Падучева 1989) и является ли нарушением нормы использование *также* в начале предложения (Каверина 2015). Темой настоящего доклада является нестандартное использование союза *также* в составе некоторых интернет-мемов (примеры с союзом *тоже* без дополнительных оговорок будут рассматриваться наравне с содержащими *также*).

Под мемами понимается единица информации, состоящая из картинки или короткого видео и сопровождающего его текста. Мемы приобретают широкую известность в результате распространения в социальных сетях, форумах, блогах, мессенджерах и пр. и, как правило, имеют юмористический характер.

В свете филологического осмысления, мем следует считать специфическим речевым жанром, который подразделяется на типы в зависимости от структуры текста, сопровождающего визуальную составляющую. Для этого текста характерно использование речевых клише, назывных предложений, и, как правило, жесткая структура. В данной работе нас будут интересовать мемы типа «я / также я» и подобные им, получившие в последние годы широкую популярность на просторах русскоязычного интернета.

Мемы типа «я / также я» уже становились предметом лингвистического описания (Шуйская, Мурзина, Карпов 2021). Нам про них важно знать следующее: текстовая составляющая данного типа мемов по своей структуре приближается к так называемым «жестким текстам», в которых строго закреплён набор и порядок следования позиций и есть лишь несколько переменных. Мемы данного типа противопоставляют слова или действия одного и того же человека в разные периоды – например, в первой части мема (после элемента «Я:») человек жалуется на нехватку времени, а во второй (после элемента «Также я:») он показан за просмотром развлекательного контента в интернете, см. примеры (1) и (2).

(1)

Я: Мне вообще не хватает времени на всё! Нихрена не успеваю

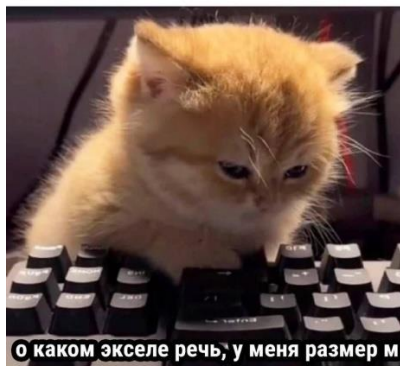
Также я:

(2)

Я: *вру в резюме*

Тоже я, когда настало время работать:

Схематично данную структуру можно изобразить следующим образом:

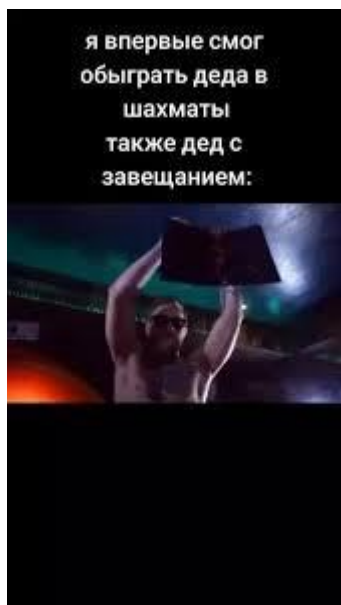
I. Я: ситуация 1.

II. Также я: ситуация 2.

Позиции *Ситуация 1* и *Ситуация 2* могут заполняться либо репликой персонажа, о котором идет речь в меме, либо описанием ситуации, в которой находится персонаж (подобно авторским ремаркам в театральных пьесах), либо и тем и другим сразу. При этом *Ситуация 1* должна быть противопоставлена *Ситуации 2*, что, собственно, и вызывает комический эффект. Коммуникативная структура такого типа текстов абсолютно прозрачна: есть стабильная повторяющаяся тема – Я, и две разные ремы – *Ситуации 1* и *2*. При таком типе структуры союз *также* оказывается в начале предложения, что, как считается, противоречит правилам литературного языка (Каверина 2015; Шуйская, Мурзина, Карпов 2021). Неуклюжесть этой конструкции может объясняться тем, что она является дословным переводом аналогичной английской «*me / also me*». Не вступая в споры о правильности данной конструкции, отметим, что союз *также*, несмотря на его не самую типичную позицию во фразе, тем не менее выполняет свою стандартную функцию – «присоединяет однородные члены предложения или предложения в составе сложного» (БТС), «выражает добавление» (ТСРЯ), то есть с точки зрения семантики он здесь вполне уместен.

Наблюдение за речью подростков и молодежи показывает, что конструкция «я / также я» уже вошла в узус и широко используется ими в повседневной коммуникации, как в письменной, так и в устной. Более того, ее популярность и ставшее модным сейчас сочинение собственных мемов (персонализированных или с использованием типовых картинок) привели к существенному сдвигу в употреблении союза *также*. Рассмотрим примеры (3), (4), (5):

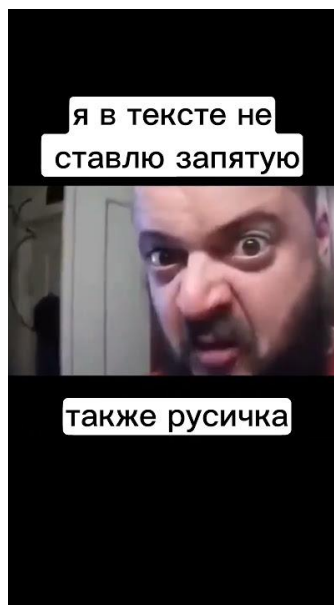
(3)

(4)

(5)

Все три примера отличаются от стандартных мемов типа «я / также я» тем, что в них нет повторяющейся темы: во второй части мема после слова *также* сообщается совершенно неожиданная информация (рема), связь которой с заявленной темой («Я») весьма опосредована. Поскольку тема-рематическая структура в рассматриваемых примерах не выстраивается, предполагается, что человек, читающий данный мем, сам должен догадаться об этой связи, имплицировать ее, найти скрытый смысл. В этом несомненно просматривается сходство подобных мемов с анекдотами, которые тоже требуют от слушающего усилий, «сходных с усилиями по решению математических задач» (Шмелева, Шмелев 2002).

В отличие от (3) и (4), в примере (5) не используются лексические средства зацепления (повторы, местоимения), обеспечивающие связность и целостность текста. Но даже в примерах (3) и (4) повторение слова *дед* в разных падежах и наличие последовательности местоимений *я – мой*, как кажется, не обеспечивают должной связности и не оправдывают использование здесь союза *также*. При отсутствии средств текстовой когезии (в виде, например, однородных членов или параллельных синтаксических структур в двух фразах), союз *также* утрачивает свою анафорическую функцию. Тем более странно смотрится он в данном контексте.

Его появление здесь следует объяснять, с одной стороны, неуклюжим использованием жесткой структуры «я / также я», которое свидетельствует о ее пока еще неокончательной освоенности носителями языка (ср. стремление не склонять новые иноязычные заимствования), а с другой стороны, расширением функций союза *также*, связанным с активным распространением и воспроизводимостью конструкций подобного вида. В примерах (3), (4) и (5) союз *также* по своему значению занимает промежуточное место между союзом *и*-следствия и наречием *тем временем, между тем* с оттенком противопоставления, ср. примеры (6) и (7) соответственно:

(6) Прозвенел звонок, **и** дети побежали на урок. Ср. Я впервые смог обыграть деда в шахматы, **и** дед [от обиды порвал свое завещание, тем самым лишив меня наследства].

(7) *Я не могу уснуть на мягком диване, тем временем мой кот [безобразничает].*

Поскольку интернет-мемы давно стали прецедентными текстами, а их знание и умение воспроизводить узнаваемые структуры – теперь неотъемлемая часть коммуникативной компетенции носителя языка, есть основания предполагать, что мемы так или иначе изменят наш язык. В частности, не исключено, что под влиянием мемов союз *также* в недалеком будущем расширит набор своих функций не только в узусе, но и в литературной норме.

Литература

Каверина В. В. Слово *также* в современном русском языке: употребление и правописание // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. №4(18), 2015.

Падучева Е. В. *Тоже* и *также*: взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей (1989) // Падучева Е. В. Статьи разных лет. – М.: Языки славянских культур, 2009. С. 250–258.

Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. — М.: Языки славянской культуры, 2002.

Шуйская Ю.В., Мурзина О.В., Карпов Э.С. Лингвистические особенности текстовой составляющей креолизованных интернет-мемов // Филология: научные исследования. №12, 2021.

БТС – Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Норинт, 2004.

ТСРЯ – Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Сост. Л. П. Крысин, Л. В. Куркина, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007.

Транслитерация как начальный этап передачи топонимов и антропонимов в истории русского литературного языка: правила и отступления

Наталья Владимировна Николенкова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

natanik2004@mail.ru

Начальным этапом формирования русского литературного языка считается Петровская эпоха. Однако исследования последних лет показывают, что многие языковые процессы имеют начальной точкой середину XVII в. Это в первую очередь формирование научной терминологии, относящейся к области географии и астрономии. В переводных географических сочинениях XVII в. начинается формирование правил передачи иностранных имен собственных – топонимов и антропонимов. В докладе речь будет идти о действительно мало известных именах, которые и сегодня могут оказываться в периферийных зонах для большинства носителей языка (города и вулканы в Исландии, которые попадают на слух только во времена природных катастроф; острова тропических морей, известные только любителям далеких путешествий; имена иноземных правителей прошлого – фараонов, султанов и падишахов, некоторые из которых известны любителям истории). В XVII в. число таких неизвестных имен собственных было значительно больше.

Переводные космографии (а некоторые из них уже могли в полной мере называться географическими атласами), стремясь к передаче мало известных имен собственных, выбирают две возможности: 1) пытаются передать названия как можно ближе к их реальному произношению; такой вариант характерен для переводчиков, связанных с Посольским приказом, где трудятся в том числе носители иностранных языков; 2) транслитерация, используемая «учеными» переводчиками, знатоками классических языков. Именно второй способ используется в переводах сочинений, относящихся к географическим (таким для середины XVII в. является в первую очередь Атлас Блау). Перевод делается с латыни, однако географические названия очень часто даны не только в латинском написании, но и на немецком, французском, итальянском, голландском и т.д. Переводчики выбирают транслитерацию как единый принцип, это позволяет единообразно передавать разные по происхождению топонимы. Скажем, сочетание «ch» имеет разные звуковые соответствия в европейских языках, но при транслитерации передается как «х»; учитывая склонность «ученых» текстов Московской Руси середины XVII в. к грецизации, сочетание «th» передается графемой «θ». Конечно, это искажает фонетический облик топонима, но при транслитерации решается главная задача – название легко найти на картах, которые в это время издаются на латинском и французском языках. Итогом транслитерации стало закрепление единообразного написания целого ряда стандартных повторяющихся частей в иностранных топонимах; сложности связаны лишь с несколькими случаями: это начальный «h» в сочетании с «i» или «u» (и вариативность в передаче первого согласного и его отсутствия); сочетание нескольких согласных подряд, создающее непроносимую в русском (церковнославянском) языке комбинацию звуков, а также случаи зияния (сочетание «i» и «a»). Последняя сложность не была решена в XVII – начале XVIII вв. и оказалась

предметом дискуссий грамматистов (М.В.Ломоносов, А.Х.Востоков и т.д.). Эти примеры будут внимательно рассмотрены в докладе.

Несколько по-иному складывалась история передачи антропонимов – многие имена (точнее, люди – обладатели этих имен) были «на слуху» и в Московской Руси, поэтому для их именованья использовалась транскрипция. Но для неизвестных носителей того же имени в ход опять шла транслитерация. Во многом поэтому один и тот же антропоним сегодня в русском языке имеет разные варианты произношения и написания.

История имен собственных является лишь частью общей истории русского литературного языка, но ее важной и существенностью частью, что требует обязательного изучения общих принципов формирования норм в этой подсистеме языка.

Научные термины в составе компаративных тропов современной русской прозы

Наталья Анатольевна Николина

Московский педагогический государственный университет

na.nikolina@mpgu.su

Зоя Юрьевна Петрова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

zoyap@mail.ru

Наталья Александровна Фатеева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

nafata@rambler.ru

В языке современной русской прозы широко используются лексические средства разных функциональных разновидностей русского литературного языка: разговорной речи, официально-делового, публицистического и научного стилей. В последние десятилетия заметно активизировалось употребление в художественных текстах научных терминов. Как отмечает Е.Е. Барина, «процесс заимствования научных элементов в поэтическую словесность вряд ли нуждается в оправдании – по своей природе художественный дискурс полистилистичен, и в нем могут быть синтезированы самые различные языковые средства». Использование научных терминов и их функции в художественной речи неоднократно рассматривались в работах лингвистов (Е.Е. Барина, Ю.Б. Жидкова, Е.В. Панаева и др.), однако не исследовано функционирование этих терминов в составе метафор и сравнений. Изучение их позволяет выявить образный потенциал научной лексики, показать обновление репертуара тропов, рассмотреть семантические преобразования терминов в художественном тексте.

Цель нашей работы – проанализировать использование научных терминов в качестве образов сравнения компаративных конструкций и определить их функции в текстах современной русской прозы. Материалом для исследования служат произведения Е.Водолазкина, А.Иванова, А.Иличевского, А.Матвеевой, В.Пелевина, Д.Рубиной, А.Сальникова, О.Славниковой, М.Степновой, Л.Улицкой, О.Васякиной и др., а также контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

В текстах современной русской прозы в составе компаративных тропов регулярно используются термины, представляющие разные области науки:

- физика: «мысль похожа на *электрон*, который измеряют Шредингер, Бор и Хайзенберг. Значит, мысль и мозг суть подобные *электрону* сущности» (А. Иличевский. Перс), «Сказанное слово может размножаться в человеческой среде как живое, по сути дела слово — это как *квант* света, имеет сразу несколько сущностей, только свет может иметь *корпускулярную и волновую сущность* одновременно» (А. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него);

- химия: «Там, где она только что была, на тонкой облачной *амальгаме* образовалось спящее пятно» (О. Славникова. 2017), «И к востоку концентрация этой синевы возрастала до глубокой черноты, в которой загорелись звезды, словно от невероятного давления в ней начался процесс *кристаллизации*» (А. Иванов. Географ глобус пропил);

- математика: «Мать и в сорок девять умудрялась быть поджарой, Ба уютно растекалась *по оси абсцисс*» (С. Павлова. Голод), «Я спала на *гипотенузе* девятиметровой комнаты, а на *катетах* спали тетя и ее домработница» (Г. Щербакова. Митина любовь), «Послушает Анюту и опять возвращается, играет с Катькой — шея прогибается *интегралом*. Кожа тугая, молодая» (Т. Набатникова. День рождения кошки);

- медицина: «У дяди Миши в *анамнезе* были красный диплом политехнического института, кандидатская степень и кой-какие научные разработки» (Наринэ Абгарян. Всё о Манюне), «— Что там у нас на десерт... *Анемия* совести. Инспектор Глушенкова постучала в кабинет капитана Панфилова, уже числясь отпускницей» (М. Милованов. Рынок тщеславия);

- биология, физиология: «Представим себе давным-давно впавший в *анабиоз*, принципиально безбурный, занудный, большей частью дождливый кальвинистский городок» (М. Палей. Хор), «Она как уязвимый *сегмент трофической цепи* была призвана участвовать в чужих отношениях <...> Но, глядя в ее огромные коричневые глаза, я вижу в них что-то, что не вписывается в семейный *метаболизм*» (О. Васякина. Роза);

- лингвистика и литературоведение: «Глубоко, как *гекзаметр* Гомера, дышала арфа» (И. Полянская. Жизель);

- искусствоведение: «— Правильно, — мягко проговорил Кордовин, положив ладонь на руку старика на столе: сухую и теплую, как сосновая кора на закате солнца, как ломкий *кракелюр* на старом холсте» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы), «Разглядывая *диез* решеток, <...> я размышляю о собственной судьбе» (С. Филипенко. Креммулятор).

Наиболее активны в компаративных тропах современной прозы биологические, медицинские, физические и компьютерные термины. Продуктивность этих терминов связана с бурным развитием этих областей знания и их ролью в современном обществе. В текстах современной прозы используются как общеязыковые тропы, включающие научные термины, так и индивидуально-авторские метафоры и сравнения. Научные термины в составе метафор и сравнений пополняют и обновляют состав тропов художественной речи. Такие термины утрачивают характеристики, присущие им в научном стиле: теряют однозначность, выполняют эстетическую функцию, служа для создания образной характеристики изображаемых лиц, предметов, явлений, ситуаций. Во многих произведениях они создают речевой портрет персонажа или повествователя. Кроме того, они нередко выполняют текстообразующую и концептуализирующую функцию (см., например, роман Л.Улицкой «Зеленый шатер», в котором энтомологические термины связаны с развитием сюжета).

Вводные слова с эмотивной семантикой и категория лица

Надежда Константиновна Онипенко

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
onipenko_n@mail.ru

Елена Николаевна Никитина

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН
yelenon@mail.ru

1. Доклад посвящен семантике и прагматике вводных слов *к сожалению, к счастью, к радости, к огорчению, к удивлению, к прискорбию*, которые являются средствами вербализации эмотивного модуса и выражают эмоциональное состояние говорящего, каузированное знанием факта, составляющего содержание высказывания.
2. Будучи производными от модусных предикатов (или мотивированными этими предикатами), вводно-эмотивные слова, должны наследовать субъектные валентности, т.е. допускать личную парадигму (*к моему изумлению, в вашей радости, к нашему счастью, на наше счастье; на радость вам и мне; к счастью фанатов*). Однако материал показывает, что не все личные показатели являются вполне корректными (*к моему/ к сожалению фанатов, но: ?к вашему сожалению*) с точки зрения речевого этикета.
3. Сравнение «синонимических» *к сожалению* и *к несчастью* показывает разную текстовый потенциал этих вводных слов: *к несчастью* функционирует в текстах третьеличного нарратива прош.вр. и имеет способность, в отсутствие показателей лица, взаимодействовать с третьеличным субъектом модуса во времени нарратива, *к сожалению* – связано с Я говорящего и моментом речи (равносильно глаголу *сожалею*, сближающемуся с перформативами).
4. Хотя *к сожалению* при нулевом показателе субъекта должно соотноситься с субъектом речи (сожалеет сам говорящий), в реальных диалогических условиях возможны более сложные ситуации. В докладе будет показано, как из средства обнаружения эмпатии вводно-эмотивный показатель превращается в демагогическое и риторическое средство. Если диктальная часть соединяет говорящего и адресата в качестве участников некоторого «положения дел» и при этом говорящий выступает контролером ситуации, а адресат речи в роли зависимого лица, то *к сожалению* приобретает характер неискренности или прочитывается скорее в связи с экспериенцером-адресатом, чем говорящим: ***К сожалению***, *в настоящее время наш редакционный портфель переполнен, поэтому мы вынуждены ограничивать себя тематически* (отказ журнала автору статьи; кто должен испытывать сожаление и по какой причине – говорящий из-за отказа или адресат из-за того, что много рукописей?).
5. Особым случаем в семантическом развитии вводной конструкции является приведение ее к однозначности и вербализация экспериенцера 2-го лица: Вопрос. *Могли ли вы играть у вас без театрального образования? Я очень много играл в школе, но мне 14.* – Ответ. *Спасибо за вопрос. К сожалению для вас, в профессиональном театре играют артисты, имеющие профессиональное актерское образование.* Подобное развитие диалога характерно для ситуации общения частного лица с властными

инстанциями: говорящий, относящийся к органам власти, не только дает отказ, но и подчеркивает свою эмоциональную невовлеченность; к *сожалению* теряет черты модусного предиката.

6. Приписывание эмоции 2-му лицу может сопровождаться употреблением вводных слов с семантикой предположения, домысливания: ***К сожалению (для вас, вероятно)***, в современном мире платежная документация устроена таким образом, что платежи документально подтверждены.

7. Вербализация третьеличного субъекта (часто неконкретно-референтного) в конструкции *к сожалению* обнаруживается в условиях полемики, интерпретации чужой точки зрения и т.п.; такой прием частотен для публицистики, критики, аналитических жанров конца 19 – начала 20 вв.: *Честность и искренность Базарова стоит вне всякого сомнения, только не Кирсановым было понять их. <...> К сожалению для нового типа, на сторону стихийной силы Кирсановых встали гг. Тургеневы, Писемские, Гончаровы, Стебницкие, Ключниковы, Авенариусы* (Н.В. Шелгунов).

Микродиахроническое корпусное исследование функциональной вариативности наречий (*наверно, наверняка*)

Александр Александрович Олонцев
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

alexanderoloncev@hotmail.com

В интервале с XVIII до начала XXI века в разных группах лексики происходили микродиахронические изменения, которые затрагивали не только семантику, но и синтаксические функции. Национальный корпус русского языка позволяет не только зафиксировать эти изменения, но и выявить их характер на разных этапах развития русского языка. Доклад посвящен семантике и типам употребления одной из интересных в микродиахроническом плане групп наречий – модальным наречиям *наверно, наверняка* (в функции глагольного определителя и вводно-модального слова).

Так, материал НКРЯ показывает, что если в функции вводно-модального слова *наверно* употребляется на всем протяжении XVIII-XXI вв.

*Я уверен, что он сам своему нравоучению не последует, и ежели будет иметь от жены своей одного или двух любезных сынков, то, **наверно**, тем не будет доволен* [Н. И. Новиков [О характере сатиры в журналах «Всякая всячина» и «И то и сё»] (1769)]

*Вот сестрица-то, **наверно**, не откажется; невзрачен, да зато очень богат* [А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)]

то в значении ‘точно, наверняка’ *наверно* употреблялось :

*Я не могу **наверно** сказать, до какой степени она успела в высших науках* [И. И. Панаев. Барышня (1844)]

*Я **наверно** знала, что будет со мной что-нибудь очень неприятное* [А. Е. Лабзина. Воспоминания (1810)]

При этом в текстах XVIII-XIX вв. обнаруживаются как контексты, где *наверно* имеет значение ‘наверняка’ (*знать наверно; сказать наверно*):

*Никто **наверно** не знал ни его звания, ни его отчизны* [А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году (1830)]

так и контексты, в которых *наверно* не имеет однозначной интерпретации и которые показывают, как на базе значения ‘верно, точно’ могло сформироваться значение ‘возможно, вероятно’:

*Откуда произошла такая перемена и неслыханное богатство жениха, этого не мог, **наверно**, изъяснить никто; но поговаривали стороною, что он вошел в какие-то условия с непостижимым ростовщиком и сделал у него заем* [Н. В. Гоголь. Портрет (1835)]

*Он возвратился (как ты уж **наверно** знаешь) два месяца тому назад* [П. В. Киреевский. Письма Н. М. Языкову (1833)]

*Так ты **наверно** проиграешь* [Л. Н. Толстой. Два гусара (1856)]

*Она ахнула, пошатнулась и **наверно** бы упала, если бы Базаров не поддержал ее* [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)]

Значение 'наверняка' встречается еще в первые десятилетия XX века, и лишь затем сходит на нет.

Факторы, влияющие на ошибки в правописании глаголов на *-тся* и *-ться*

Ирина Альбертовна Орлова

iaorlova_5@edu.hse.ru

Анна Леонидовна Леонтьева

aleonteva@hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Правила правописания глаголов на *-тся* и *-ться* входят в программу начальной школы, не имеют исключений и достаточно просты в применении. Тем не менее ошибки в этой орфограмме считаются одними из самых распространенных в письменной речи взрослых людей, причем, как утверждается в (Богданов 2008: 56), с развитием Интернета «доля ошибок на *-ться* начинает возрастать гораздо более резко, чем доля других ошибок».

Работ, в которых изучались бы причины высокой частотности ошибок в написании глаголов на *-тся* и *-ться*, сравнительно немного (см. (Зайцева 2012), (Колесова 2018), (Вихрева 2019)). Наиболее содержательным представляется исследование (Куропаткина 2004), где выдвигаются два тематических кластера языковых факторов, способствующих ошибкам в написании глаголов на *-ться/-тся*: фонетический (совпадение в произношении форм глаголов третьего лица и глаголов неопределённой формы) и синтаксический (удалённость глагола от слова, к которому он относится; препозиция глагола по отношению к слову, к которому он относится; трудности в постановке проверочного вопроса к глаголу). К сожалению, автор лишь перечисляет возможные факторы, провоцирующие ошибки в написании глаголов на *-тся* и *-ться*, не соотнося их с какими-либо обширными языковыми данными. Наша задача – проверить влияние факторов, выделенных в (Куропаткина 2004), на материале корпуса учебных текстов КРУТ.

Были проверены гипотезы о том, что вероятность ошибок в написании глаголов на *-тся* и *-ться* будет выше:

- в омонимичных формах, причем в омофоничных (*заботится / заботиться*) выше, чем в омографичных (*держатся / держаться*);
- в контекстах, где глагол находится в препозиции к слову, от которого задается вопрос, или где это слово отсутствует вовсе;
- на большом расстоянии между глаголом и словом, от которого задается к нему вопрос (чем больше такое расстояние, тем более вероятны ошибки).⁴

⁴ В данной гипотезе мы опираемся на понятие Constituent Recognition Domain (Hawkins 1990)

Корпусные данные показали, что факторы морфологической и фонетической природы влияют на число ошибок в правописании, в то время как синтаксические факторы не дают статистически значимого эффекта. Так, в **омофоничных** и **омографичных** формах ошибок на -тся / -ться значимо больше, чем в формах без омонимии, при этом разница между частотностью ошибок в омофоничных и омографичных формах не существенна. **Отсутствие главного слова** при глаголе, **позиция глагола** относительно него, **расстояние** между глаголом и главным словом и синтаксическая роль последнего **не влияют** на увеличение количества ошибок.

Также было установлено, что на количество ошибок **влияет финитность** глагольной формы: носители существенно чаще ошибаются в формах третьего лица, чем в инфинитивах. Иными словами, **Ь** в глаголах на -тся и -ться пишется по умолчанию – даже там, где он не нужен. Возможно, так происходит из-за того, что инфинитивная (словарная) форма для нас является базовым представителем слова.

Полученные результаты показывают, что, принимая орфографическое решение, мы склонны опираться на хранящийся в памяти облик словоформы и игнорировать синтаксический контекст. Иными словами, даже если принятие орфографического решения предполагает опору на синтаксический контекст (как в случае с распознаванием инфинитива vs. финитных форм), наш орфографический анализатор работает прежде всего с отдельными словоформами – со связью звукового и зрительного облика слова, игнорируя синтаксические связи.

Литература

Богданов 2008 — А. В. Богданов. Орфография в Интернете: анализ одной орфографической ошибки // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной международной конференции «Диалог»* 7 (14), 2008. С. 50–56.

Вихрева 2019 — М. А. Вихрева. Конспект урока по русскому языку в 5 классе по теме: Правописание –тся и –ться на конце глаголов // *Научные труды молодых учёных-филологов*, 2019. С. 179–182.

Зайцева 2012 — О. В. Зайцева. Деятельностный подход в формировании осознанного способа решения орфографических задач в окончаниях глаголов // *Научно-методический журнал Педагогический поиск* 9, 2012. С. 14–18.

Колесова 2018 — А. Н. Колесова. Методика изучения рефлексивных глаголов в начальной школе // *Инновации и традиции в современном гуманитарном образовании*, 2018. С. 57–67.

Куропаткина 2004 — Изучение правописания глаголов на –ться/–тся с учётом фонетических и синтаксических вариантов данной орфограммы и смешиваемых написаний // *Категории в исследовании, описании и преподавании языка*, 2004. С. 242–244.

Hawkins 1990 — John A. Hawkins. A Parsing Theory of Word Order Universals // *Linguistics Inquiry*, 21(2), 1990. P. 223–261.

Спойлер в речевой практике и в жанровой системе

Елена Валерьевна Осетрова,

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
osetrova@yandex.ru

Динамично меняющаяся социальная действительность заставляет носителей языка постоянно актуализировать устоявшуюся систему целеполаганий и реагировать на открывающиеся обстоятельства речевых ситуаций. Изучение их необходимо для понимания социально-коммуникативной опыта молодежи, во многом отличающегося от традиционной практики.

Интернет в этом отношении – обширное поле для эвристического поиска, в границах которого трансформируются существующие, возникают и распространяются новые способы, виды и жанры языкового взаимодействия.

Одним из таких феноменов, первоначально оформленным в медийном пространстве, интенсивно обращающимся в интернет-среде, набравшим в ней «коммуникативную силу» и давно вышедшим за ее пределы, является спойлер: – *В следующем эпизоде Маша найдет отца мёртвым. – Зачем ты спойлернул сейчас? И что ты предлагаешь не играть теперь?*

Цель предпринятого анализа – определение статуса спойлера в системе речевых жанров, а также характеристика его содержания, обусловленного целеполаганием автора и ожиданиями адресата. В качестве материала для наблюдения использованы записи повседневной речи, а также интернет-тексты, по большей части извлеченные из современного контекста социальных сетей.

Определим спойлер как речевой жанр информативного типа, представляющий сообщение о ключевом фрагменте / важной детали сюжета, извлеченных а) из того или иного произведения творческого характера (кинофильма, сериала, произведения художественной литературы, спектакля, видеоигры и т.п.) либо б) из события, принадлежащего реальной действительности, – которые раскрыты субъекту преждевременно и которые в норме заранее не публикуются.

Реализация спойлера, таким образом, разрушает интригу, предвкушаемую в связи с ожидаемым личным знакомством с сюжетом / событием, не давая субъекту пережить эмоциональное впечатление от их наиболее острых моментов в полной мере и в запланированное время: – *Я посмотрю с тобой [фильм]... Но если ты не будешь спойлерить под ухом!*

Содержание спойлера находится во взаимосвязи с факторам автора и адресата и зависит от целого набора парных характеристик: «более осведомленный» / «менее осведомленный», «заинтересованный» / «незаинтересованный», «сопричастный» / «равнодушный».

Анализ факторов автора и адресата с учетом временной характеристики позволяет утверждать, что о возникновении и реализации жанра спойлера можно говорить

а) когда автор прямо маркирует жанровую принадлежность высказывания – «на входе в тему»: *Спойлерить не хочу, но говорю сразу, что будешь рыдать в самом конце, потому что он умрет; Сейчас скажу спойлер. Он предаст Чебурашку, а тот его простит и они помирятся;* если же этого не происходит, –

б) когда соответствующая жанровая маркировка производится уже адресатом – «в развитие темы»: – *Вот-вот, смотри! Сейчас такой экин начнется! –...Ну прекрати, плиз, спойлерить!*

В иных случаях мы имеем дело с традиционным пересказом сюжета / его частного фрагмента.

Обычно данный речевой жанр стартует как инициативный акт и требует авторской активности, однако, может оформляться и в границах реактивного высказывания, когда заинтересованный адресат делает запрос на специфическую информацию подобного рода. Восприятие спойлера, соответственно, бывает разным: негативным, вплоть до агрессии; нейтральным вплоть до равнодушия; положительным, даже доброжелательным, демонстрируя множество разнообразных вариантов эмоционального отклика.

Что касается среды обращения спойлера, он массово используется в Интернете, пространстве социальных сетей, устной коммуникации, а кроме того, как выделенный элемент включается в статьи и рецензии на фильмы, сериалы, спектакли, книги и др.

В итоге, жанр спойлера входит в речевую практику, разнообразит межличностное общение молодежи, а соответствующая лексема является одной из единиц ее активного словаря.

Формирование традиций высокого слога в жанре панегирика: «Епиникион», или «Песнь победная» Феофана Прокоповича в аспекте диахронической риторики русской поэзии

Наталья Викторовна Патроева

Петрозаводский государственный университет

nvpatr@list.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

Роль риторической традиции в формировании русского литературного языка и языка художественной литературы еще не получила адекватной оценки. Использование риторических приемов эпохи языковых споров и реформ требует специального комплексного анализа, в том числе в рамках активно развивающегося в трудах представителей Петрозаводской филологической школы направления исследований, названного «диахронической риторикой». Важнейшая цель *диахронической риторики русской поэзии* – создание максимально полного представления о тенденциях взаимовлияния и взаимодействия риторической теории, изложенной в созданных в России XVIII – начала XIX в. трактатах по искусству красноречия, – с одной стороны, и живой поэтической практике – с другой, типологизация и интерпретация спектра тропов и фигур речи, применяемых в русской лирике периода становления национальных норм русского литературного языка – от поэтической и ораторской школы Симеона Полоцкого до романтической «школы гармонической точности».

На рубеже XVII и XVIII столетий формируется потребность в усовершенствовании литературного языка, который бы отвечал новым коммуникативным потребностям уже в условиях начавшегося активного формирования светских жанров словесности. Одним из основателей русской школы стихотворства и реформаторов литературного языка по праву считают Феофана Прокоповича, великого церковного и политического деятеля России.

Феофан в своих сочинениях по ораторскому искусству предложил стилистические рекомендации-предписания для многих художественных жанров, популярных в европейской литературе современной ему эпохи, возражая любителям излишних «словесных прикрас» и «неумеренной вычурности» фраз: по его убеждению, стиль большей частью должен быть «средним» между «возвышенным» и «низким»; метафоры должны быть естественными, мысли не должны быть «раздуты многословием», но точны и ясны.

«Песнь победная» Феофана Прокоповича демонстрирует начавшееся формирование жанра торжественной оды в русской литературе, являясь замечательным образцом реализации высказанных в трактатах «Об искусстве риторическом» и «О поэтическом искусстве» требований к украшенному («цветистому») стилю, высказанных проповедником Петровской эпохи. «Епиникион» позволяет также сделать ряд заключений, касающихся роли традиций барокко в русской поэзии и начавшегося закрепления жанровых норм классицистической поэтики.

Метафоры, сравнения, метонимии, синекдохи, аллегории, олицетворения, парафразы, антономасии, гиперболы применяются в одическом по своей жанровой устремленности «Епиникионе...», в торжественном цикле стихотворений, посвященных Анне Иоанновне, и, напротив, гораздо более редки у Феофана в шуточных стихотворениях, жалобных элегиях и эпитафиях. Среди метафор преобладают именные с учетом активности эпитетов, основанных на переносе по сходству признаков, однако глагольные и субстантивные метафоры используются Феофаном примерно в равном соотношении (*отре ад, разрушит... живот и пойдешь в ров земный*).

На порядок расположения слов, использование бессоюзия или (чаще) полисиндетона и синтаксическую переусложненность фразы влияет, несомненно, и схема длинного силлабического астрофического стиха (обычно 13-сложника).

Применение Феофаном риторических приемов свидетельствует об «умеренном» характере его барочных устремлений, на что указывал в своих работах еще А. М. Панченко. Отсутствие напыщенности и декоративных излишеств для «средних» жанров и еще более умеренное употребление фигур в «низком» стиле речи как требования Феофановых сочинений по искусству поэтическому и ораторскому соблюдаются достаточно строго в силлабических творениях самого ритора. Феофан Прокопович стремился продемонстрировать новую же для российской словесности стилистику, риторiku и поэтику, проложившую дорогу русскому классицизму, творчеству новейших поэтов России в лице А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова.

Патлатый асоциал и заскорузлый мозгоправ: о лакунах в «Толковом словаре русской разговорной речи»

Анна Разифовна Пестова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

pestova2012@gmail.com

В 2022 году вышел 5-й выпуск «Толкового словаря русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина (далее — ТСРР), описывающий алфавитный фрагмент У–Я. Работу над словарём можно было бы считать завершённой. Однако после издания каждого выпуска ТСРР авторы обнаруживали лакуны — разговорные единицы, которые не вошли в словарь.

Лакуны эти возникали в связи со следующими обстоятельствами:

1) появление новых слов и значений слов в РР уже после выхода выпуска в свет: например, *дистанционка* в 1-м выпуске ТСРР, изданном в 2014 г., толкуется как ‘пульта дистанционного управления какими-либо устройствами’. Значение ‘дистанционная форма обучения’, которое актуализировалось в РР в связи с пандемией коронавируса, отсутствует;

2) пропуск на этапе составления словника ТСРР либо на этапе издания соответствующего выпуска по различным причинам технического характера (так называемый «человеческий фактор»). В качестве примера можно привести такие устоявшиеся разговорные слова, как *больничный* ‘больничный лист’, *загорать* ‘отдыхать, бездельничать’, *боров* ‘о толстом человеке’ и др.

Поэтому авторский коллектив словаря решил подготовить дополнительный выпуск, который призван покрыть такие очевидные лакуны.

В докладе будут затронуты вопросы, связанные с работой над словником этого выпуска. Предполагается обсудить критерии, на которые опираются составители словаря при отборе слов, а также источники, позволяющие верифицировать их стилистическую окраску и актуальность в современной разговорной речи, в частности цифровые инструменты, имеющиеся в распоряжении лексикографов.

Будут проанализированы две основные группы лакун: 1) новые слова, среди которых можно выделить такие активные подгруппы, как: а) связанные со сферой ИТ (*ава*, *банить*, *виртуал*, *нейронка*, *скринить*, *спамить* и мн. др.); б) феминитивы (*барменша*, *бизнесменка/бизнесменша*, *пиарищица*, *шефша* и мн. др.); в) «психологизмы» (*мозгоправ*, *асоциал*, *абьюзить*, *неадекват*, *депрессивный* и мн. др.); г) «ковидная» лексика (*дистант*, *масочник*, *намордник* ‘о медицинской маске’ и нек. др.); д) «военная» лексика (*мобик*, *прилёт* и мн. др.); 2) «старые» слова (*огрузнеть*, *заскорузлый*, *застить*, *спозаранок*, *патлатый*, *восвояси* и мн. др.).

В рамках доклада будут обсуждаться следующие проблемы:

1) относительно каждого слова из первой группы (новые слова): не является ли оно словом-однодневкой и каковы его шансы закрепиться в языке?;

2) относительно слов из второй группы («старые» слова): являются ли они по-прежнему разговорными, если их употребительность в устной речи носителей русского языка значительно снизилась (а именно широкая употребительность в устной речи и СМИ считается авторами ТСРР одним из критериев включения лексической единицы в словник). Кроме того, опросы образованных носителей русского языка показывают, что они нередко не расценивают подобные слова как разговорные;

3) невозможность достичь исчерпанности словника ТСРР. Это связано с непрерывностью процесса пополнения разговорной речи новыми лексическими единицами, с одной стороны, и утраты слов — с другой. Сколько ни биться над заполнением лакун, они будут всегда — так же, как всегда в разговорной речи будут появляться всё новые и новые лексические единицы, достойные словарного описания.

Фонетические особенности московского просторечия XVIII в. и старомосковское произношение

Александра Андреевна Плетнева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

apletneva@list.ru

1. В работах, посвященных старомосковскому произношению, вопрос о его социальных истоках остается открытым. Являлись ли те фонетические особенности речи образованных москвичей конца XIX – начала XX вв., которые описываются как «старомосковский говор», «старомосковское произношение», общемосковским явлением или же они были характерны лишь для определенной социальной группы? Изучение этого вопроса представляет большие трудности, ведь записи звучащей речи появляются лишь в конце XIX века, причем в записях фиксируется, как правило, речь образованных людей, в то время как речь представителей других социальных групп начинает фиксироваться значительно позже. В этой связи большой интерес представляют лубочные тексты, точнее, та их часть, авторы которой пользуются орфографией, близкой к фонетической. Этот источник является чрезвычайно важным для данной темы: известно, что лубки с фонетической орфографией печатались именно в московском регионе.

2. В лубочных текстах мы находим такие написания, как: хкоту, кохтями, денех, хто, хкоторому; шлеса /шлесса, шлюса (ссылашься, ссылаюсь), влеплюс; горемышный, фабришного, лишного (личного), молошна, кумашной (кумачевый); цаловал, танцовал, шебаш и др. Эти написания говорят о фонетических особенностях речи московских мещан и купцов XVIII - первой трети XIX в. (именно на эту социальную группу была ориентирована лубочная продукция). Имеющийся материал показывает, что произносительные нормы, характерные для старомосковского произношения, были присущи и московскому просторечию (койне).

3. Старомосковское произношение исследователи связывают со сценическим произношением, характерным прежде всего для Малого театра. В последней трети XIX в. основным автором пьес Малого театра был А. Н. Островский. Герои Островского не принадлежат к социальной элите, и можно предположить, что до революции актеры действительно говорили так, как говорят московские купцы и мещане. После революции именно эта норма стала восприниматься как высокая.

Вопросительная энклитика ЛИ: не совсем энклитика и не совсем вопросительная

Владимир Александрович Плунгян

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

plungian@gmail.com

В докладе рассматриваются некоторые морфосинтаксические и семантические свойства частицы ЛИ, которая обычно считается основным сегментным средством выражения общего вопроса в русском языке. Приводятся аргументы в пользу того, что описывать эту единицу как энклитику в современном русском языке уже некорректно, ее поведение больше соответствует статусу транскатегориального форманта. Что касается семантики этой единицы, то, как ни странно, ее основным смысловым компонентом оказывается, по-видимому, не общий вопрос (т.е. намерение говорящего получить у адресата подтверждение или опровержение сказанного), а совсем другие элементы значения (возникающие и в невопросительных употреблениях ЛИ): в частности, представление говорящего об отсутствии у адресата правильного ответа на вопрос или о неготовности его дать.

Грамматическая рамка орфографических правил

Анна Константиновна Поливанова

Российский государственный гуманитарный университет
akpolivanova@yandex.ru

1. Правила русской орфографии заданы значительным числом источников. Для разбираемых в докладе вопросов незначительные вариации формулировок, наблюдаемые в разных источниках, не имеют значения: все источники задают одно и то же содержание. В этом смысле можно говорить об орфографическом *Кодексе*, принятом научной общественностью. Следует отметить, что Кодекс не имеет единого автора, а по своей архитектуре не сильно отошел от первоисточника — сочинения Я. Грота «Русское правописание», 1885 г.

Кодекс этот мыслится как список отдельных статей, каждой из которых отвечает определенное правило-предписание.

2. Вспомогательные понятия.

1) *Горячие точки* подчеркнуты: жук, вода, ботва, вор; ср.: ж(у/ю)(к/г), в(о/а)да, б(о/а)тва, вор.

2) Горячие точки *разрешимые* (+) и *неразрешимые* (–) Кодексом:

в <u>о</u> д <u>а</u>	бо <u>т</u> в <u>а</u>	жу <u>к</u>	во <u>р</u>
+	–	++	

В форме *жук* все горячие точки разрешимы Кодексом, то есть, можно указать статью Кодекса, применение которой предписывает букву У и запрещает букву Ю, и статью, которая предписывает букву К и запрещает букву Г. В форме *вор* — нет горячих точек.

3) Применение той или иной статьи Кодекса, в общем случае требует обращения к определенным фактам русской грамматики (например, к квалификации согласных «шипящие», «глухие/звонкие» и под.). Грамматические сведения, обслуживающие применение всех статей Кодекса, назовем *грамматической рамкой*.

3. В источниках Кодекса грамматическая рамка считается общеизвестной и не заслуживающей даже специальной оговорки. К сожалению, эта «общеизвестная грамматика» с должной полнотой и однозначностью нигде не зафиксирована. При публикации сводов орфографических правил не зафиксирован даже объем грамматических данных, необходимых для применения правил Кодекса⁵. А значит, вообще говоря, рассматриваемый Кодекс можно применять в сочетании с разными грамматическими рамками.

⁵ Иначе в упомянутом сочинении Я. Грота: там грамматическая рамка задана явно.

4. Применить Кодекс к данной словоформе — значит выделить в ней все горячие точки, и каждую оценить как разрешимую или неразрешимую, и разрешить все разрешимые.

Очевидно, что *эффективность* орфографических правил тем больше, чем большее число горячих точек оказываются в этих правилах разрешимыми.

5. **Наша цель** — показать, что выбор той или иной грамматической рамки для рассматриваемого Кодекса может существенно влиять на его эффективность⁶.

6. **Утверждение 1.** Как бы ни формулировались статьи Кодекса, грамматическая рамка должна содержать сведения о морфочленении изучаемых словоформ. Общеизвестно, что по вопросу о том, как именно должно производиться морфочленение того или иного конкретного русского слова, между исследователями нет единства (ср. *превосход.ств=о* или *пре.вос.ход.ств=о*).

7. **Утверждение 2.** Необходимо признать, что, каков бы ни был выбор «правильного» морфочленения, в общем случае оно не может быть задано алгоритмически, но должно быть задаваемо словарем — единственной формой, в которой то или иное конкретное членение может стать однозначным и осязаемым.

8. **Утверждение 3.** Необходимо принять, что в различных лингвистических изысканиях под одним и тем же названием фигурируют две принципиально различные системы морфочленения; одну из них назовем условно *морфемным*, а другую *формальным* членением. Приведем несколько примеров.

Морфемное членение	Формальное членение
превосход.ств=о	пре.вос.ход.ств=о
опроверж.ениj=e	о.про.верж.ен.иj=e
дев.очк=a	дев.оч.к=a
исчез.н.ов.ениj=e	ис.чез.н.ов.ен.иj=e

9. **Утверждение 4.** Грамматическая рамка Кодекса, по умолчанию подразумеваемая публикациями последних десятилетий, предполагает морфемное членение (*традиционная конструкция*). В качестве альтернативы автор доклада предлагает в грамматической рамке Кодекса рассматривать формальное членение (*альтернативная конструкция*).

6 В настоящем сообщении не учтены правила: (1) «вместе-раздельно-через дефис», (2) о заглавных буквах, (3) написания топонимов, антропонимов, сложносокращенных слов, композитов и новых заимствований (ср. *челлендж*); (4) правописание основ, построенных на базе греко-латинских элементов, а также: (5) выбор одиночной или двойной согласной и (6) правописание окончаний.

10. Основное утверждение. При том же Кодексе в альтернативной конструкции орфографические правила оказываются значительно более эффективными, чем в традиционной (\approx на 25%).

Традиционная конструкция	Альтернативная конструкция
<u>о</u> п <u>р</u> о <u>в</u> е <u>р</u> ж. <u>е</u> н <u>и</u> џ=	<u>о</u> .п <u>р</u> о.в <u>е</u> рж. <u>е</u> н. <u>и</u> џ=
- - - +	+ + + +
ис <u>ч</u> ез. <u>н</u> . <u>о</u> в. <u>е</u> н <u>и</u> џ=	ис <u>ч</u> .ез. <u>н</u> . <u>о</u> в. <u>е</u> н. <u>и</u> џ=
- + + +	+ + + +
ис п <u>о</u> д <u>в</u> о <u>л</u> ь=	ис .п <u>о</u> д.в <u>о</u> л=
- - -	+ + -
уд <u>о</u> вл <u>е</u> т <u>в</u> ор. и .т <u>е</u> л <u>ь</u> н=	у.д <u>о</u> .вл. <u>е</u> .т <u>в</u> ор. и .т. <u>е</u> л. <u>ь</u> н=
- - - +	+ + + +

Выявление оценочного потенциала местоимений по корпусным данным: слово «некто» в медиадискурсе интернета

Тимур Беньюминович Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского/ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
timur@radbil.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

Разрабатываемая нами исследовательская процедура по выявлению так называемой «наведенной» оценочности слов и выражений русского языка, имплицитруемой ближайшим и дальнейшим контекстным окружением, по данным референциальных корпусов обнаруживает свою валидность и при изучении слов не номинативного характера, в частности, местоимений.

Наши предыдущие исследования показали, что, неявная, не отраженная в словарях оценочность может «вылавливаться» посредством анализа «больших данных» в массиве корпусных контекстов для такого, например, местоимения, как *некий*: при полном отсутствии указания на какую-либо оценочность в словарных толкованиях этой лексемы, анализ ее реальных употреблений при определяемом одушевленном существительном в медийном дискурсе дает нам большое количество случаев его негативно-окрашенной актуализации с семантикой: «Не заслуживающий внимания, уважения», т.е. оцениваемый говорящим как имеющий статус ниже говорящего, например: *В самом видео один из бойцов утверждает, что некие «подонки» сочиняют ложь против полка, чтобы получить политическое убежище* [NEWSru.com, 2021.05]. Количественный анализ первых 100 вхождений в газетные корпуса для этого прилагательного дал следующие результаты: негативно-оценочная тональность — 58 %, нейтральная тональность — 39 %, позитивно-оценочная тональность — 3 %. Таким образом, для местоимения *некий* мы получили показатель наведенной в контексте оценочности, превышающий эмпирически установленную «пороговую» величину в 60 % (= / – 5 %): т.е. наличие имплицитной негативной оценки для этого слова можно считать доказанным.

В настоящей работе в центре нашего исследовательского внимания находится местоимение *некто*, которое предположительно в реальном употреблении также может приобретать имплицитную негативную оценочность, т.е. ведет себя схожим образом с проанализированным выше местоименным прилагательным *некий*. Специфика этого местоимения заключается в наличии разорванной парадигмы: местоимение *некто* относится в разряду неопределенных местоимений только в именительном падеже: в косвенных падежах оно переходит в лексико-грамматический разряд отрицательных местоимений. Как и для проанализированного выше местоимения *некий*, для местоимения *некто* русские словари не указывают на наличие хоть какой-либо оценочности: ‘Некий человек, кто-то || О малоизвестном человеке. Употребляется в сочетании с фамилией, именем, кличкой’ [БАС-VII 1958; МАС-II 1986].

Однако анализ реального функционирования этого слова на материале газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка позволил установить наличие негативной оценочности для данного местоимения, особенно в случае реализации второго значения 'О малоизвестном человеке. Употребляется в сочетании с фамилией, именем, кличкой', толкование которого, таким образом следует уточнить 'о малоизвестном **в каком-то негативном плане** человеке': *Любопытно, что за неделю до этих сделок в компанию «ГКС» пришел новый гендиректор — **некто** Алексей Пошкус, алкоголик и наркоман, идеально подходящий на роль **зипредседателя*** [lenta.ru, 01.06.2019]; **Некто** дурак, мерзавец, хам и провокатор Габуня (телеведущий "Рустави 2") никак не выражает мнение грузинского народа и получает сейчас гневные отповеди в грузинских соцсетях [lenta.ru, 09.07.2019].

Примечательны и результаты количественного анализа первых 100 вхождений по контекстам, излеченным их корпуса методом сплошной выборки: контекст с положительной тональностью всего 1., а на 57 контекстов с негативной тональностью приходится 42 контекста с нейтральной, внеоценочной тональностью. Таким образом, и для местоимения *некто* мы можем верифицировать существенный дрейф в сторону имплицитной негативной оценочности, учитывая соответствие 57 % случаев негативной оценочности установленной ранее эмпирической «пороговой» величине в 60 % (= / – 5 %).

Совсем со всем

Екатерина Владимировна Рахилина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН/ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Rakhilina@gmail.com

Доклад посвящен грамматикализации русского *совсем*, ее источникам, этапам и общим закономерностям. Исследование строится на анализе словарных и корпусных данных – синхронных и диахронических. Стимулом для него послужил комментарий к повести М.Ю. Лермонтова «Фаталист», а также база данных «Диахроникон».

Негативная оценочность в словообразовательных процессах

Лариса Викторовна Рацибурская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.
Н.И. Лобачевского

racib@yandex.ru

Современные медиатексты отличаются повышенной экспрессией, оценочностью, речевой раскрепощенностью, языкотворческими экспериментами. Раскрепощенность как один из ярких показателей современного речевого поведения коммуникантов способствует активизации процессов словотворчества в медийной речи, приводит к появлению большого количества новообразований, которые являются средством экспрессивизации и оценочности в текстах СМИ.

Положительный эффект, связанный с усилением экспрессивности и воздействующего потенциала медиатекстов, с одной стороны, может, с другой стороны, обернуться негативным влиянием на адресата. Расширяется зона рискогенности в медийных текстах, когда нарушаются не только нормы речевой культуры, но и этические нормы. Рискогенность возрастает в случаях негативной оценочности, которая может граничить с речевой агрессией.

Негативная оценочность новообразований в медиатекстах формируется различными средствами. В сложных дериватах, а также контаминированных новообразованиях негативная оценочность связана с семантико-стилистическими характеристиками исходных слов (*телеграм-помойки, инфопомойки, хохлопропаганда, хохлозомби, скрепоносцы*). В новообразованиях на базе топонимов и антропонимов, а также в контекстах с онимами ирония и негативная оценка могут граничить с речевой агрессией (*укробомонд, укрошاپито, многостульчатый Эрдоган*). Речевая агрессия особенно заметна в тех случаях, когда в словообразовательные процессы включается грубая, инвективная лексика (*быдловодитель, либеротвари, либероподонки, статосрат, дирижопль*).

Наряду с мотивирующими словами (основами) в формировании негативной оценки новообразований могут участвовать негативно-оценочные аффиксы. Например, суффикс *-щин(а)* с оттенком неодобрения (*училковищина, додинищина, малаховищина*); суффиксоид *-гейт* со значением 'политический скандал' (*Трам-гейт, улюкаевгейт, Слуцкийгейт, Скрипальгейт*); префикс *недо-*, в сочетании с именными основами имеющий значение 'не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом' (*недодипломат, недописатель, недоэлита, недогосударство, недонаполеончик*); префикс *псевдо-* со значением неистинности, ложности (*псевдожурналист, псевдодепутаты, псевдовыборы, псевдореферендум*).

В выражении негативной оценки могут участвовать и изначально безоценочные аффиксы, в частности суффикс *-ш(а)* со значением женскости в сочетании с основами существительных, называющих статусных лиц (*сенаторша, депутатша, академикша, президентша, еврокомиссарша, Байденша*). Новообразования с суффиксами *-изм, -(из)аци(я)*, называющие общественно-политические направления, течения, могут выражать негативную оценку при исходных антропонимах и топонимах (*обамизм и его*

последствия, трампизм, обыкновенный шольцизм, бандеризация Украины, тотальная латвизация школ).

Негативная оценочность может создаваться и амбивалентными аффиксами, к которым относятся, в частности, размерно-оценочные суффиксы и префиксы. Диминутивы не только выражают положительную оценку, но и способны к передаче отрицательных эмоций и негативных оценок, выполняя при этом инвективную функцию (*мировая элитка, вульгарный интересик, толерантненький мир, он авторитарненький, циничненько*). Аугментативы выражают в основном положительную оценку (*сигналище, Это не знак, а значище! Какой моменттище!*). К размерно-оценочным префиксам относятся, в частности, префиксы *супер-, мега-*, которые, указывая на высокую степень, на размер больше обычного, могут участвовать и в выражении оценки, не только положительной, но и отрицательной (*супергеймер не в состоянии разглядеть, суперсоветы дня от нескончаемых коучей, супер-кладбища, мега-свалки, мегапровокации*).

Оценочность в новообразованиях с амбивалентными аффиксами формируется под влиянием семантико-стилистических характеристик исходных слов и контекста.

Негативная оценочность новообразований, граничащая с нарушением норм культуры речи, этических норм, создается, таким образом, с помощью как негативно оценочных, так и амбивалентных аффиксов. В последнем случае в формировании оценочности участвуют исходные слова и контекст. В сложных новообразованиях негативная оценочность обусловлена также семантико-стилистическими характеристиками исходных слов и контекстом.

Смена орфоэпических норм в театре 40-х – 50-х гг. XX в.

(На материале записей Г.О. Винокура о произношении актеров МХАТ)

Нина Николаевна Розанова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

ninarozanova13@yandex.ru

Вопросы орфоэпии занимали важное место в научном творчестве Г.О. Винокура. Его деятельность в этом направлении особенно активизируется в 40-е годы. 12 августа 1942 года во Всероссийском театральном обществе (ВТО) он прочел доклад «Принципы и задачи орфоэпии (К вопросу о русском национальном произношении)». Цель доклада он формулирует так: «Отдать себе отчет в содержании той работы, которую мы предполагаем осуществить здесь совместными силами ВТО и АН. Это задача практическая – собрать и прояснить материал для установления общерусской произносительной нормы» [РГАЛИ, ф. 2164]. По мнению Винокура, важная роль в упорядочении орфоэпических правил принадлежит театру. В феврале – марте 1944 г. он посещает спектакли МХАТ, записывая и анализируя актерское произношение. Собранные ученым материалы в настоящее время хранятся в его архиве в РГАЛИ [ф. 2164]. В докладе будут рассмотрены некоторые явления, позволяющие проследить реальную «жизнь» литературной нормы в 40-е гг. XX века, «борьбу» старых и новых вариантов на сцене: варианты произношения согласных *z* – *ʒ* в словах с корнями *бог-*, *благ-*, *господ-* (*ради бо[ʒ]а* – *ради бо[г]а*, *бла[ʒ]одарю* – *бла[г]одарю*); наличие / отсутствие замены мягкого свистящего [с'] твердым [с] в возвратных глаголах на *-ся*, *-сь* (*бою[с]* – *бою[с']*, *боял[сь]* – *боял[с'ь]*); варианты произношения гласных в 1 предударном слоге после непарных шипящих [ш], [ж] (*ж[ы³]ндарму* – *ж[а]ндармы*). Материалы винокуровской картотеки будут сопоставлены с сохранившимися архивными аудиозаписями спектаклей МХАТ, сделанными в конце 40-х гг. XX в.

Икс-игрек-точка-ру и зет-лексика. О новых пейоративных нотках в словообразовании

Ройтер Тильманн (Tilmann Reuther)

Венский университет, Австрия

tilmann.reuther@aau.at

За последние сорок лет русский язык прошел путь от новаторско-перестроечного периода восьмидесятых и девяностых прошлого века до эзопово-реваншистского десятых и двадцатых нашей современности (ср. горбаевские *новое мышление* и *общий европейский дом* vs. порошенковское *АТО = антитеррористическая операция* и нынешнее *СВО = специальная военная операция*). Как показывают примеры, данное наблюдение касается словосочетаний фразеологического типа без словообразовательного новаторства.

В своем выступлении я обращаю внимание на новаторские словообразовательные процессы с использованием необычных до сих пор элементами. При этом исхожу из известного факта, что в периоды противопоставлений первым активизируется потенциал пейоративных средств в лексике (ср. *денацификация*) и словообразования. На последние обращаю особое внимание в своем докладе.

Речь пойдет о новообразованиях со структурным элементом *.ру*, точнее структурного типа иск-игрек-точка-ру (*ху.ру*), и о так. наз. зет-образованиях со структурным элементом *Z*, точнее структурного типа (*ху*)*Z*(*Z*)*ху*, где иск-игрек либо словоформы, либо части словоформ русского языка, ср. *хорошие.ру*, *хороших.ру* и *РоZZия*, *руzzский мир*, *Зорок зороков*.

Отметим, что указанные выше примеры принадлежать русскому языку за пределами его кин-стейта (*kin state*), т.е. русскому языку интернета. Примеры предполагают по своей природе письменную форму и место их физического расположения. Идеальным слабо контролируемым и сравнительно легко доступным местом является то, которое в свое время называлось "Седьмым континентом".

Русский литературный язык и теория речевой культуры

Андрей Петрович Романенко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

a.p.romanenko93@mail.ru

Традиционное понимание русского национального литературного языка сводится к системе норм, обязательных для употребления в публичной сфере речевой практики. Все, что не соответствует этой системе, – ошибки, нарушения норм культуры речи.

Однако состояние современного русского литературного языка требует уточнения этого понимания. В результате новой языковой ситуации, определяемой системой массовой коммуникации, границы литературного языка «размываются»: жаргоны и просторечие начинают приобретать статус источников литературного языка (об этом свидетельствуют, например, исследования общего жаргона О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Р.И. Розиной, просторечия – В.В. Химика).

Современный состав носителей, литературного языка неоднороден. Разные социокультурные и профессиональные группы владеют разными «режимами» литературной публичной речи. Отношения между ними определяются функционально, а не степенью правильности речи

Такая языковая ситуация в публичной речевой сфере требует новой формы нормализации языка и речи. Именно этому требованию отвечает теория речевой культуры, предложенная и разработанная в 1993 году В.Е. Гольдиным и О.Б. Сиротининой.

Эта теория основана на лингвокультурологической концепции Н.И. Толстого, согласно которой типы культуры (народный, элитарный, массовый) скоррелированы с идиомами общенародного языка (диалекты, литературный язык, просторечие), присущими разным группам носителей. Авторы теории речевой культуры выделяют несколько ее типов (первоначально четыре: элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный; впоследствии предлагалась БОльшая дифференциация).

Группы носителей разграничиваются лингвокультурологически: владение всеми или частью функциональных стилей литературного языка; степень рефлексивности над речью (своей и чужой, обращение или необращение к словарям и грамматикам; знание и обращение к художественной литературе (элитарной или массовой), к текстам СМИ; владение фактурами речи (всеми или частью) и т.п. Это функциональное разграничение.

Культура речи как применение языка, детерминированное категорией правильности (и соответствующая дисциплина) входит в речевую культуру (теорию не нормативную, а объективистскую) наряду с широким кругом лингвистических и филологических знаний. Но культура речи в отношении к речевой культуре не едина, а дифференцирована по типам речевой культуры. То есть для каждого типа – своя культура речи.

Таким образом, речевая культура – это теория языка, отражающая речевую картину современного общества и состояние современного литературного языка. Теория речевой

культуры продолжает и развивает виноградовскую концепцию, рассматривающую русский язык не только как знаковую систему, но и как культурный феномен.

Проблемы и перспективы учебной лексикографии: современные школьные орфоэпические словари

Дмитрий Михайлович Савинов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
crillon@yandex.ru

Значение учебной справочной литературы трудно переоценить. Работа со словарями, постоянное обращение к энциклопедиям и справочникам повышает культуру умственного труда школьников и улучшает их речь, способствует формированию коммуникативной и лингвистической компетенций, расширяет и углубляет объем фоновых знаний. Особенно важное место в процессе обучения занимают нормативные словари, фиксирующие в той или иной форме правильную литературную речь, прежде всего орфографические, орфоэпические словари, а также словари грамматических трудностей. На современном этапе модернизации российской школы, предполагающей реализацию личностно-ориентированной развивающей модели, приоритетом общего образования должно стать формирование у учащихся умений продуктивно пользоваться нормативными словарями и справочниками для решения различных учебно-познавательных и учебно-практических задач.

Орфоэпические словари – один из типов словарей, в которых фиксируются произносительные – сегментные и суперсегментные – нормы языка. Сегодня выпущено и продолжает выпускаться довольно большое количество разных орфоэпических словарей, ориентированных на использование в системе общего образования. Однако анализ этих лексикографических источников свидетельствует о том, что большинство существующих школьных орфоэпических словарей не соответствует современному уровню развития лингвистики и дидактики по целому ряду критериев.

Основные проблемные зоны современных школьных орфоэпических словарей:

- нарушение правил транскрибирования;
- наличие фонетических и орфоэпических ошибок;
- смешение орфоэпической информации с другими языковыми явлениями;
- несистемная подача языкового материала;
- проблема возрастной адаптации школьных словарей;
- проблема актуальности произносительных предписаний;
- проблемы составления словника.

Проведенный анализ определяет необходимость создания нового учебного словаря орфоэпического типа.

Устная речь в письменной форме: отражение или имитация?

Светлана Олеговна Савчук

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
savsvetlana@mail.ru

С началом массового распространения Интернета сфера электронной коммуникации (или компьютерно-опосредованное общение, виртуальная коммуникация, язык Интернета) стала предметом лингвистического внимания. В исследованиях начала XXI века поднимались вопросы о специфике этого модуса существования языка: гипертекстовой природе текста в среде Интернет, его гибридном характере, о тенденциях в орфографии, языковой игре и др. (Бергельсон 2002, Иванов 2000, Капанадзе 2001, Трофимова 2004 и др.). Не ослабевает этот интерес и в настоящее время, когда общение в социальных сетях стало неотъемлемой частью повседневного общения. Однако до сих пор нет единства мнений относительно природы этого вида коммуникации. В особенности это касается неофициального, неподготовленного общения, которое проявляет себя в чатах, форумах, обмене сообщениями в мессенджерах и др. Согласно одной точке зрения, интернет-общение рассматривается как гибрид устной и письменной речи; представители другой точки зрения не видят в текстах электронной коммуникации гибридных устно-письменных черт, а считают их репрезентацией письменной разговорной речи; согласно третьей точке зрения, электронная коммуникация представляет собой особую форму существования языка, наряду с устной и письменной.

Мы рассмотрим особенности непосредственной электронной коммуникации в ряду различных способов передачи устной речи средствами письма. Известно несколько способов представления устной речи в письменной форме с целью ее воспроизведения: транскрипт в фонетической записи, транскрипт в орфографической записи, транскрипт, отредактированный для публикации, стенограмма, пересказ. Эти формы письменной передачи устной речи можно рассматривать как фиксацию естественной речи. Наряду с этим буквальным отражением звучащей речи устная речь представлена в диалогах и монологах героев в драме, прозе, киносценариях. В театральных постановках, кинофильмах, чтении по ролям речь звучит, а транскрипты видео- или аудиозаписей спектаклей и фильмов передают ее в письменной форме. Эти способы представления устной речи относятся к художественным формам, при которых устная речь не воспроизводится, а имитируется, что достигается использованием специальных маркеров устности.

Какое место среди этих диалогов – реальных разговоров, диалогов персонажей в драме, актеров в кино – занимают разговоры (или переписка) в чате? Относятся ли они к естественной речи или к ее имитации, можно ли говорить о гибриде устной и письменной речи в отношении электронной переписки и других жанров электронной коммуникации?

Все перечисленные виды текстов представлены в различных корпусах в составе НКРЯ – устной речи, письменных текстов, включая драму, социальных сетей. Поэтому корпусное исследование маркеров устной речи на материале текстов социальных сетей в сравнении с драматическими произведениями и транскриптами естественной устной

речи может дать ответ на поставленные вопросы, выявить особенности текстов электронной коммуникации. Результаты проведенного анализа будут приведены в докладе.

Литература

Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет). Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002, 1: 55-67.

Иванов Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста. Словарь и культура русской речи. М.: Азбуковник, 2000, 131–147. [Электронный ресурс] URL: <http://faq-www.ru/lingv.htm>

Капанадзе Л. А. На границе письменного и устного текста: структура и тенденции развития электронных жанров. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. / Л. А. Капанадзе. – М.: Инт рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2005, 305–320.

Трофимова Г. Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.

Специфика научно-популярного стиля в системе функциональных стилей современного русского языка

Саида Казбековна Сапиева

Адыгейский государственный университет

atika16@yandex.ru

Современная эпоха отличается радикальными трансформациями в сфере самого существования и развития человеческого социума. В различных областях науки особое место отводится антропоцентрическому подходу как основополагающему методу исследования различных процессов развитого индустриального общества и «становления нового общества, основанного на знаниях» [2, с. 5]. В связи с этим, особое место в эволюции образования и науки занимают научно-популярные тексты, направленные на популяризацию знаний как в сфере специалистов, так и непрофессионалов. Ключевой задачей научно-популярной литературы является донесение в доступной и понятной форме научной информации и научных достижений до широкой аудитории, не имеющей специального образования.

Несмотря на то, что тексты, написанные в научно-популярном стиле, явление далеко не новое, вопрос об их специфических признаках и месте в системе функциональных стилей современного русского языка до сих пор остается дискуссионным. На сегодняшний день в науке сложилось три точки зрения по данному вопросу: 1) научно-популярный стиль представляет собой подстиль научного стиля (В.В. Виноградов, М.Н. Кожина, В.А. Салимовский, Д.Э. Розенталь и др.); 2) научно-популярный стиль является самостоятельным функциональным стилем (Н.И. Дорцуева, А.Н. Васильева, Г.Ю. Гришечкина и др.); 3) научно-популярный стиль это «своеобразный речевой жанр», интегрирующий в себе другие функциональные стили (Л.Г. Хакимова). В данном исследовании мы будем придерживаться первой точки зрения, аргументируя ее гипогиперонимическими отношениями научного и научно-популярного стиля, основанных на определенном отражении научного знания. Научный стиль как базис научно-популярного стиля ориентирован на *отражение теоретического мышления* в строгой, узкоспециальной, понятийно-логической форме («тексты для своих»). Научно-популярный стиль выполняет ту же функцию, однако более прост в изложении и предназначен для непрофессионалов, проявляющих интерес к науке («тексты для других»).

И.В. Богословская справедливо отмечает, что «несмотря на достаточно простую, в некоторых случаях облегченную внешнюю форму презентации материала, научно-популярный текст характеризуется определенной степенью сложности. Сложность научно-популярного текста может быть связана как с сочетанием разных жанров, так и с особенностями авторского текстопостроения» [1, с. 4]. Кроме того научно-популярный стиль таких текстов реализует одновременно две функции: информирующую и перлокутивную, что сближает его не только с научным стилем, но и с другими стилями речи: публицистическим, разговорным, художественным. В связи с этим определяются следующие специфические признаки научно-популярного стиля, среди которых встречаются и бинарные оппозиции: *точность; логичность; объективность;*

субъективность; эмоциональность; образность; оценочность; модальность; диалогичность; общедоступность; развлекательность.

В плане морфолого-синтаксических особенностей научно-популярного стиля можно отметить превалирование глаголов и глагольных конструкций, отражающих динамичность содержания и авторской позиции, что является также одним из факторов привлечения внимания читателя. В текстах научно-популярного стиля используется общеупотребительная, общенаучная и специальная лексика. При этом частотный характер носят эксперссивно и эмоционально окрашенные лексемы.

Важно отметить, что автор научно-популярного текста должен владеть такими навыками использования языковых средств, которые верно бы интерпретировали научную информацию для широкой аудитории. Безусловно, такие выразительные языковые средства, как метафоры, сравнения, аллегории, иноязычные вкрапления и т.п. не могут заменить строгое научное изложение, однако такой стиль репрезентации научного знания вполне может пробудить в читателе подлинный интерес к науке и явиться своего рода «рычагом» его перехода к научной профессиональной деятельности.

Литература

1. Богословская И.В. Научно-популярный текст: сложность понимания: дис...канд.филол.наук.М.,2001. 19 с.
2. Федоров М.В., Пешина Э.В., Гредина О.В. Эволюция науки и образования //Известия УрГЭУ 6 (38) 2011.С. 5-13.

Языковые вкусы советского общества 20-30-х годов XX в. Оценки словаря С. Г. Займовского «Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма» (М.; Л., 1930)

Юлия Александровна Сафонова

независимый исследователь

nsafo@mail.ru

Языковой вкус как меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи — объект истории лингвистических вкусов (Г. О. Винокур, В. Г. Костомаров). В советском обществе 20-30-х годов XX в. происходит трансформация т. н. лингвистического капитала, что представляет несомненный интерес для социокультурной истории русского языка эпохи революции (см. В. М. Живов).

Материал для исследования указанной трансформации – оценки Справочника «Крылатое слово», отраженные: а) в предисловии Л. Б. Каменева к Справочнику; б) в рецензиях на Справочник, в том числе неопубликованной; в) в личной переписке А.Г. Горнфельда с А. Б. Дерманом и С. Г. Займовским (РГБ, РНБ, РГАЛИ). При этом несомненно, что и сам словник Справочника в полной мере отражает языковой стандарт и языковой вкус его автора (Займовского) в двадцатилетней динамике.

Адресат Справочника – новый советский читатель: *«Цитате, “крылатому слову” пора перестать быть выдержкой из “книги за семью печатями”. Сборник “крылатых слов” нужен не одним “старикам”: он во много раз нужнее многочисленным кадрам селькоров и всяческих иных “кóров”, начинающим критикам, беллетристам, журналистам, агитаторам, пропагандистам»,* — указывает 52-летний «старик» Займовский.

К «старикам» (= носителям дореволюционного языкового стандарта и вкуса с их неизбежной послеоктябрьской трансформацией) относятся: Л. Б. Каменев (автор Предисловия к Справочнику) и рецензенты — А. В. Ефремин (Лиха беда начало, в: Книга и революция. 1930. №16); М. Я. Презент (Беспомощный труд, в: Журналист. 1930. № 11-12); Н. Уральский (О «Крылатом слове», в: Новый мир, 1930, № 8-9); А. Б. Дерман («Крылья» нуждаются в ремонте, в: Литературная газета. № 46 от 09.10.1930); Б. Огрон (псевдоним А. Г. Горнфельда; Рецензия, в: Звезда. 1931. № 2). Оценки «стариков» даны ими по большей части с позиций «практически-педагогического применения», говоря словами Г. О. Винокура. Рецензии Ефремина, Презента интересны также как примеры нетактичных приемов критики.

Другие рецензенты – представители нового поколения, тот самый *новый советский читатель*, названный как адресат Справочника. Это: И. Ипполит (псевдоним Иоэльсона И. И.), выпускник Института красной профессуры (Рецензия, в: Литература и искусство. 1930. № 1), и Б. Ц. Урланис, выпускник факультета общественных наук МГУ 1926 г. (Ум на прокат – рецензия не опубликована, хранится в РГАЛИ). Сюда же следует, видимо, отнести и оценки В. Н. Овсянникова в словаре «Литературная речь» (1933 г.). Оценки «молодых» касаются возможности использования словника в языковой практике адресатов и необходимость его пополнения (*Меньше литературицины, больше политики, ближе к современности!* – И. Ипполит).

Личная переписка Горнфельда и Дермана содержит нелестные оценки языкового вкуса и языкового стиля Займовского. Письма Займовского Горнфельду содержат обоснования отбора словника, описание адресата Справочника и оценки вышедших рецензий (*легкомысленная рецензия Михаила Презента; грубо-невежественный отзыв Ефремина; серьезный отзыв Уральского*) и разъяснения автора Справочника

Рассмотрена также статья А. Г. Горнфельда «Беспризорные цитаты» (Звезда, 1929, № 5), предшествовавшая выходу Справочника. В статье (под тщательно скрываемым псевдонимом Борис Огрон) приведены многочисленные примеры ошибочной авторизации *ходовых газетных цитат* в средствах массовой информации и книгах 1927-1928 гг. Проницательно замечая грядущую подмену образованности *политической образованщиной*, Горнфельд определяет важность и значимость *капитала, накопленного культурой*.

Некоторые оценки «стариков» и нового поколения — примеры такой *политической образованщины*, в какой-то мере формировавшей языковой вкус советского общества 20-30-х годов XX в.: для нового поколения овладение языковым стандартом было неотъемлемо от овладения нормами пролетарской идеологии.

Эпистемическая модальность в естественнонаучных текстах на русском языке

Анна Владимировна Сахарова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
hanna.lazareva@gmail.com

Эпистемическая модальность – это категория, особым образом проявляющая себя в текстах научных статей в связи с ценностными установками и особенностями реализации научного процесса. Под эпистемической модальностью в этом контексте мы понимаем «семантику и средства языкового выражения уверенности/неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого, в другой терминологии – достоверности/недостоверности (предположительности), персуазивности» [Проблемы функциональной грамматики 2020: 246].

В лингвистике широко распространено разделение эпистемических модальных значений (и показателей) на категорические (*несомненно, разумеется, бесспорно* и пр.), простые (индикатив, не осложненный модальными показателями) и проблематические (*видимо, вероятно, наверное* и пр.).

Анализ проводился на материале текстов научных статей на русском языке по физике, механике, материаловедению и металлургии, написанных с 1999 по 2020 гг. Рассмотренная выборка состояла из 472 современных научных статей общим объемом 3 118 995 словоформ.

В рамках настоящего исследования были выявлены корреляции между лингвистическим показателем – частотой маркеров языковой эпистемической модальности со значениями проблематической и категорической достоверности – и субъектной структурой научного текста. В качестве показателя, отражающего субъектную структуру, были выбраны данные о количестве соавторов научного текста.

Рассматриваемые статьи были разбиты на три группы по количеству соавторов: 1 автор, 2–3 соавтора и более 4 соавторов. Такое разделение позволяет отразить некоторые содержательные особенности научных статей: обычно статьи с более чем 4мя соавторами отражают результаты экспериментальных исследований, а статьи с меньшим количеством соавторов – теоретических и обзорных. Также в отдельную группу были выделены «индивидуальные» статьи – с 1 автором.

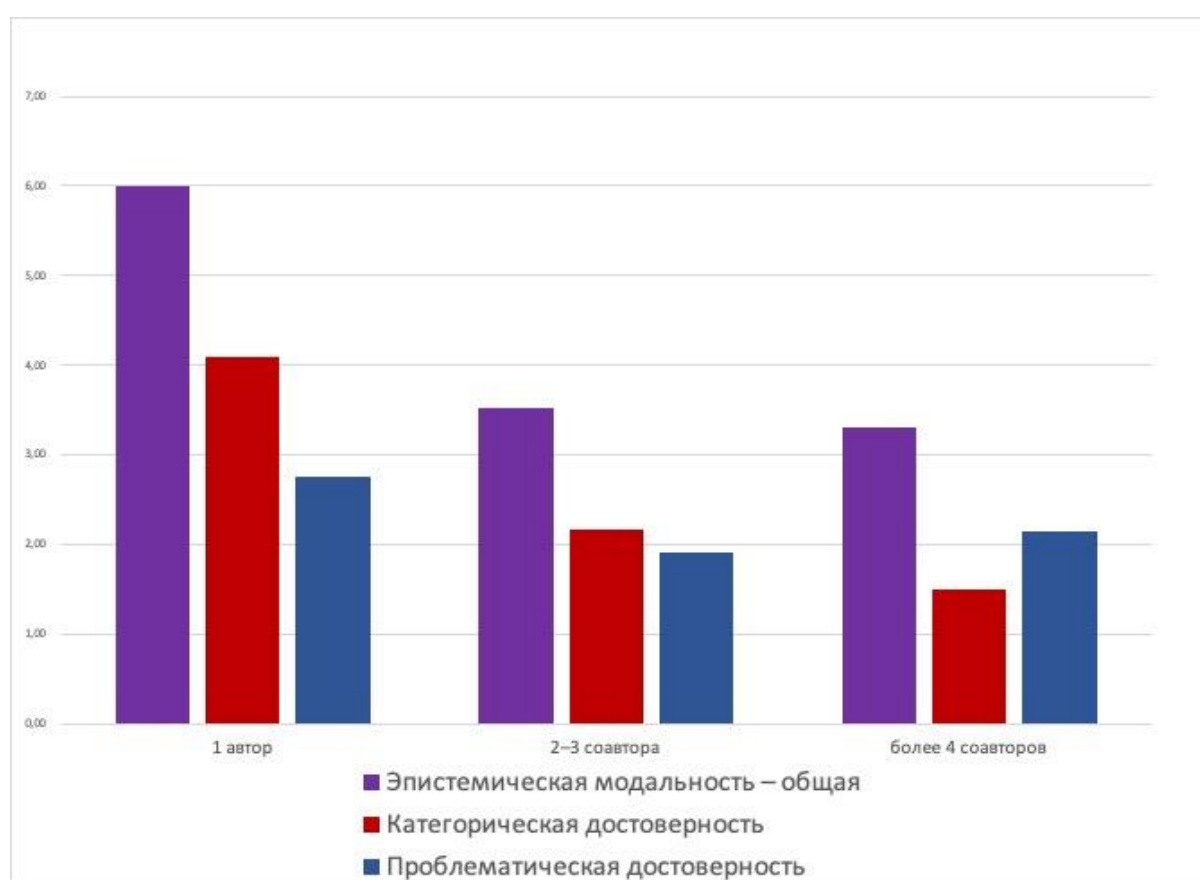
В рамках статистического исследования было подсчитано общее количество показателей эпистемической модальности (в целом, а также значений категорической и проблематической достоверности по-отдельности) в каждой статье. Данные о среднем количестве модальных показателей с различной семантикой были сопоставлены с данными о количестве соавторов.

Статьи с одним автором демонстрируют высокую степень субъективности – в них встречается больше всего эпистемических модальных показателей – в среднем, 5,99 на статью. С ростом количества соавторов общее среднее количество маркеров эпистемической модальности снижается: в статьях с 2–3 соавторами встречается уже в

среднем 3,53 показателя эпистемической модальности на статью, а в статьях с более, чем четырьмя соавторами – 3,31 на статью.

Среднее количество маркеров категорической достоверности также снижается с увеличением количества соавторов (от 4,1 показателей в статьях с одним автором до 1,49 в статьях с более, чем четырьмя соавторами), что, в целом, соответствует общей тенденции, выявленной на всех показателях эпистемической модальности независимо от значения.

При этом количество маркеров проблематической достоверности на выборке статей с более, чем 4мя соавторами (2,14), вопреки общей тенденции, оказывается выше, чем в статьях с 2-3 соавторами (1,91). Более наглядно распределение показано на диаграмме:

Объяснение такого эффекта, на наш взгляд, носит экстралингвистический характер. Рост количества показателей проблематической достоверности в статьях с большим числом соавторов может быть вызван особенностями реализации научных практик большими научными группами, в частности, трудностями в коммуникации между участниками исследования или общим ощущением «отстраненности» пишущего соавтора от общего результата работы. Также можно предположить, что эти данные говорят о том, что указанные показатели проблематической достоверности не столько выражают своё языковое значение неуверенности, сколько выполняют прагматическую функцию «слов-загородок» – слов, задача которых состоит в том, чтобы сделать понятия более размытыми [Lakoff 1972, p. 195]).

Литература

1. Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020.
2. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 1973. №2. Pp. 458–508.

Функциональная стилистика русского языка в корпусном аспекте: узуальная норма и ее лексикографическая фиксация

Ольга Игоревна Северская
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

oseverskaya@mail.ru

Отмечая, что интенсификация информационных процессов и интернет-коммуникации приводит к дестабилизации нормы, многие исследователи – и, в частности, В.И. Беликов [Беликов, 2007, с. 48], приходят к выводу о необходимости приведения в соответствие фактически сложившейся регистровой структуры словоупотребления в его нормативной и субнормативной части и ее лексикографической фиксации, и это касается прежде всего системы стилистических помет. Сегодня, по наблюдениям А.Р. Пестовой в актуальном узусе заметны две разнонаправленные тенденции: повышение стилистического статуса сниженной лексики при одновременном снижении регистра нейтральной и разговорной [Пестова, 2022, с. 5], и корпусные исследования, отслеживающие динамику словоупотребления в разных функциональных сферах, становятся в этой связи важным инструментом, диагностирующим смену стилистической нормы.

На примере маркеров относительности *касаемо*, *касательно* и *что касается X* можно проследить один из динамических процессов изменения стилистической окраски лексических единиц.

Статистический сервис Национального корпуса русского языка позволяет зафиксировать резкий рост в 2010-х годах употребления маркирующего относительность предлога *касаемо*, имеющего в толковых словарях пометы *прост.* и *нар.-разг.*, вместо *касательно*, маркированного пометой *книжн.* и *офиц.-дел.*

Предлог *касаемо* действительно встречается со второй половины XIX века примерно до середины XX века практически исключительно в просторечном употреблении, вплоть до начала 2000-х используясь в художественной литературе и публицистике как средство характеристики. Пики собственно просторечного употребления *касаемо* совпадают с событиями, обусловившими демократизацию речи: с отменой крепостного права в 1861 году, революцией 1917 года, перестройкой и началом цифровизации в 1990-х. С конца 1990-х этот предлог встречается, не являясь просторечным, в официальном политическом дискурсе, в научной публицистике, в деловой речи, нередко сочетаясь с книжной лексикой и архаизмами, придающими ему оттенок «винтажности» и повышающими его стилистический регистр до разговорности, приближающейся к нейтральному употреблению.

Касательно оправдывает свой статус книжного слова с XVIII века и до 1990-х годов. В Основном корпусе к официально-деловой сфере в этот период относится 110 примеров употребления этого предлога, к учебно-научной сфере – 208; однако не меньше употреблений (355) этого предлога в сфере обиходно-бытовой, в неформальной переписке и разговорных контекстах.

В 2000-х в Основном корпусе мы видим совершенно иную картину: в официально-деловом употреблении *касательно* встречается 1 раз, в учебно-научном – 14, в

художественной литературе появляется впервые в неподобающем книжной лексике контекстном окружении. Корпус Социальные сети регистрирует 854 случая использования предлога в речевой ситуации непринужденного общения: налицо снижение регистра книжного слова до стилового нуля нейтрального употребления, с понижением в сетевом употреблении до разговорности.

Конкурируют *касаемо* и *касательно* во влияющих на стандартный языковой узус сферах – прежде всего, в СМИ и социальных сетях, в публицистике и неформальном общении.

Наиболее же употребительными маркерами относительности, по данным НКРЯ, были и остаются нейтральный предлог-синоним *относительно* и оборот *что касается X*, интуитивно относимый многими к канцелярско-бюрократическому стилю речи, а на деле приобретающий те или иные стилистические коннотации в зависимости от контекста.

Таким образом, кодифицированная стилистическая норма далека от актуального стандартного узуса, в котором она сохраняется только в определенных контекстах, а значит, рассмотренные маркеры относительности как минимум должны либо квалифицироваться как нейтральные, либо получить дополнительную стилистическую помету «*оказионально разг.*»

В целом же можно констатировать: сетевое использование языка вносит свои коррективы, и сегодня уже можно говорить не только о корпусной грамматике, но и о корпусной стилистике, фиксирующей новые речевые нормы.

Литература

Беликов В.И. Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве. *Acta philologica: Филологические записки.* 2007. Вып. 1. С. 36-52.

Пестова А.Р. Стилистические пометы в толковых словарях как отражение лексико-стилистических процессов в русском языке второй половины XX – начала XXI в. Автореф. ... канд. дисс. М., 2022.

Влияние дискурсивных практик медиа на деловую коммуникацию

Лариса Васильевна Селезнева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
loramuz@yandex.ru

Статья посвящена особенностям современных дискурсивных практик в медиатекстах. Исследуются структурные паттерны дискурсивной практики представления деловой информации на корпоративных сайтах и в госпабликах. Постулируемая связь языковых явлений с социально значимыми процессами позволяет нам рассматривать речевую деятельность в той или иной социальной сфере как дискурсивную практику.

В современных условиях общепризнанную форму человеческого социальному опыту, разделяемую всеми членами языкового сообщества на уровне представлений «об этом так говорят/пишут», всё чаще придают дискурсивные практики медиа, без которых не обходится практически ни одна сфера жизни. Вследствие своей особой роли в современной коммуникации медиадискурс не только впитывает черты речевого поведения разных областей социального взаимодействия, но и оказывает, в свою очередь, заметное влияние на выбор единиц и конструкций в дискурсивных практиках, традиционно почти не соотносимых с медиа.

Материалом для анализа послужили примеры, отобранные методом целенаправленной выборки из текстов разных жанров, представляющих публицистические и корпоративные дискурсивные практики. Целью исследования является выявление и описание грамматических структур, предпочтительных или типичных для данного вида дискурсивной практики. В задачи исследования входило установление статистически предпочитаемых формы залога в информационных деловых сообщениях, определение статистически предпочитаемого порядка следования главных членов предложения в информационных деловых сообщениях и интерпретация полученных результатов. Использован лексико-грамматический поиск по материалам газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка, результаты выдачи были подвергнуты количественному и качественному анализу. Гипотеза, заключающаяся в том, что в дискурсивной практике делового информирования в медиа предпочтительным является употребление страдательного залога и обратного порядка главных членов предложения, получила своё подтверждение. Это позволило выявить основной дискурсивный паттерн деловых новостных сообщений. Описанный в статье случай изменения прямого порядка слов конструкций страдательного залога в деловых дискурсивных практиках представляется достаточно показательным. Для более глубокого изучения этого явления, которое наблюдается в дискурсивных практиках делового информирования в медиа, кажется важным дальнейшее исследование причин изменения порядка слов и пунктуационных норм в таких динамичных сферах, как современный деловой дискурс, причём наибольший интерес здесь могут представлять такие дискурсивные практики, как деловое письмо, корпоративная коммуникация на сайтах компаний и в госпаблике.

Трудности кодификации грамматической нормы (на примере координации главных членов предложения)

Елена Геннадьевна Сидорова

Волгоградский государственный университет

elenasi@mail.ru

Значительная вариативность в выборе словоформ при построении высказываний свидетельствует об актуальности проблемы кодифицированности грамматических норм. При этом степень жесткости синтаксических норм, как правило, значительно ниже, чем морфологических. Однако даже среди них есть нормативы, не только содержание которых, но и сам факт их наличия неизвестен большинству носителей языка. Это прежде всего касается особенностей координации главных членов предложения, в которых позицию подлежащего занимает количественно-именное сочетание.

В «Русской грамматике» констатируется колебание в формах числа при координации главных членов, если подлежащее представлено либо количественным сочетанием с зависимым род. падежом, либо словами *большинство*, *множество*, *часть* (при их абсолютном употреблении или в составе количественного сочетания). Конкретные рекомендации по выбору формы числа сказуемого в подобных предложениях строятся на основе семантики, структуры предложения, а также морфологических характеристик компонентов подлежащего.

На основании семантического критерия предписывается выбирать форму ед. ч. сказуемого, если подлежащее: 1) не имеет конкретно-предметного значения, 2) содержит информацию об истечении периода времени, 3) обозначает приблизительное количество, и форму мн. ч. сказуемого, если подлежащее называет известный, определенный субъект.

Морфологический критерий лежит в основе рекомендации использовать форму ед. ч. сказуемого, если количественно-именное сочетание, выполняющее функцию подлежащего, осложнено вторым род. падежом, причем этим сочетанием называется неодушевленный предмет.

На основании структурного критерия предписывается избирать форму ед. ч. сказуемого в случаях его препозиции по отношению к подлежащему, нераспространенности предложения, разделения компонентов количественно-именного сочетания, а форму мн.ч. при дистантном расположении главных членов и при наличии у компонента с количественным значением согласуемого определяющего слова типа *все*, *эти*, *остальные* [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 242-243].

Основной трудностью для носителей языка при усвоении этого норматива, по нашему мнению, является отсутствие иерархии признаков, положенных в основу грамматических рекомендаций, вследствие чего значительная часть примеров, иллюстрирующих данную норму, попадает в «зону действия» другого критерия либо признака. Так, мотивация для использования формы ед. ч. сказуемого в предложениях *Состоялось девять встреч* (правило о подлежащем, не имеющем конкретно-предметного значения), *Пройдет два года* (правило о подлежащем, называющем

истечение периода времени), *Откроется более сорока школ* (правило о подлежащем, имеющем значение приблизительного количества), *Накопилось сто рублей долгу* (правило о подлежащем, осложненным вторым род. падежом и называющем неодушевленный предмет) может быть иной: выбор этой формы сказуемого обуславливается препозицией сказуемого и нераспространенностью предложения. Выбор формы мн. ч. сказуемого в предложениях *Наконец-то ожидаемые семнадцать всадников прискакали; В дилижанс сели те самые несколько человек, которых мы видели утром*, иллюстрирующих правило о подлежащем, обозначающем известный, определенный субъект, может быть мотивирован наличием у подлежащего согласуемого определяющего слова во мн. ч.

Еще более неочевидная ситуация с выбором формы числа сказуемого в предложении *Сорок минут, о которых вы просили, истекли*, иллюстрирующем правило о необходимости использования мн. ч., когда в предложении речь идет об известном, определенном субъекте. Однако форма мн. ч. может быть обусловлена и дистантным расположением главных членов, а если отдать приоритет семантическому критерию, то необходимо выбирать форму ед.ч., поскольку в предложении сообщается об истечении периода времени.

Наконец, один и тот же дифференциальный признак предлагается использовать для мотивации выбора различных форм числа сказуемых. В анализируемой кодификации исследуемой грамматической нормы признак известности, определенности субъекта в предложениях, где подлежащее выражается количественно-именным сочетанием с род. п., предусматривает форму мн. ч. сказуемого (*Наконец-то ожидаемые семнадцать всадников прискакали; Последние четыреста листов рукописи сохранились*), а в предложениях, где подлежащее выражено словом *часть* (в абсолютном употреблении или в составе количественного сочетания), - форму ед. ч. (*Эта часть спортсменов находилась на трибунах*).

Итак, грамматическая норма, регулирующая координацию главных членов при подлежащем – количественно-именном сочетании, нуждается в корректировке, отвечающей требованиям языковой системы, с одной стороны, и речевому опыту носителей языка – с другой.

Обновление норм современного русского литературного языка: аксиологический аспект

Людмила Георгиевна Смирнова

Смоленский государственный университет
naksemit@gmail.com

Актуальным вопросом лингвистики является обновление норм литературного языка, опосредованное практикой его употребления (узусом). Современное состояние русского языка в условиях длительной социальной нестабильности определяется многими экстралингвистическими факторами: ослаблением требований нормативности в публичной речи, идеологическим плюрализмом социума, многообразием дискурсивных практик, влиянием Интернета, неконтролируемым потоком заимствований и т.д.

Отметим принципиальное изменение источника обновления норм кодифицированного языка. По многим причинам эту функцию утратила художественная литература. Среди главных можно назвать коммерциализацию этого вида искусства, сужение круга читателей, отсутствие в текстах общественно значимых идей, снижающее их общенациональную авторитетность, и др. По мнению многих исследователей [1, 2], источником обновления литературного языка стали широко понимаемые средства массовой информации (периодические издания, в частности, интернет-источники, многочисленные блоги, публицистика). Важное место в современном обществе занял человек говорящий (пишущий, транслирующий, интерпретирующий информацию). В сфере публичной коммуникации представлены чрезвычайно разнородные тексты с точки зрения их жанра, тематики, идейного содержания, формы, языкового оформления и т.д.

Актуализация СМИ как источника обновления литературной формы языка ставит вопрос об аксиологическом аспекте регулирования норм словоупотребления. Говоря об изменениях в речевой практике последних десятилетий, А.Д. Шмелев в качестве действительно значимых трансформаций в языке назвал изменение ценностных ориентаций, отраженное в лексике [4]. Отметим, что ценностное наполнение лексем, их коннотативный ореол, ассоциативный потенциал, с одной стороны, обуславливаются этнокультурными традициями, с другой стороны, могут конструироваться в результате пропагандистской деятельности. Отметим также принципиальную сложность «кодификации» аксиологических и идеологических норм, поскольку «Лексика представляет собой такой уровень языка, в котором нормы наименее точны и наиболее подвижны...» [2: 71].

«Аксиологический слом» в новейшей истории России начался еще в конце 80-х г.г., когда произошел официальный отказ от «советских» ценностей и переход к аксиологическим ориентирам «рыночного общества». Характерно, например, название знакового интервью с В. Распутиным 2009 г. «Нравственность или успешность?» (<https://msk.kprf.ru/2022/09/01/223465/>).

В последние годы государственной пропагандой декларируется возвращение к «традиционным ценностям» в противовес приходящим извне ценностям «коллективного

Запада». В рамках конфликта ценностей, в частности, можно интерпретировать такие неоднозначно оцениваемые социолингвистические явления, как широкое узуальное использование англицизмов (значительно превышающее реальную потребность в номинации новых явлений); обретение статуса «модных слов» такими лексемами, как *актор, нарратив, тренд, рандомный, контент, дедлайн, пруфы*, и т.д.); «технологизацию» публичной коммуникации и др. С другой стороны, столь же неоднозначно воспринимаются в обществе попытки законодательно ограничить использование заимствований [3]. Противоречивость современной языковой ситуации наглядно демонстрирует политика эклектичного сочетания традиционного нравственного и «рыночного» технологического образования в современной школе.

Аксиологический аспект в вопросе обновления норм современного русского литературного языка требует рассмотрения в комплексе лингвистических тенденций и экстралингвистических, социокультурных проблем.

Литература

1. Валгина Н.С.. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
2. Современный русский язык: Система – норма – узус / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. 480 с.
3. Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"» <https://rg.ru/documents/2023/03/01/fz52-site-dok.html> (дата обращения 10.01.2024 г.).
4. Шмелев А.Д. Русский язык начала XXI века: действительные и мнимые изменения // Русский язык за рубежом, 2011. № 4. С. 117-124.

Понятие нормы применительно к русским народным говорам и изменение диалектов

Александра Валерьевна Тер-Аванесова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

teravan@mail.ru

Вопрос о применимости понятия нормы к говорам спорен. В том смысле, в котором говорится о норме применительно к стандартным формам языка, в говорах нормы нет, хотя бы потому, что не существует зафиксированных «правил диалектного употребления» и отсутствует обучение, направленное на формирование навыков такого употребления. Существующие диалектные словари, как правило, малотиражны и не доходят до деревень. В недавнем прошлом единственный, а сейчас один из немногих словарей одного русского говора – деревни Деулино Рязанского р-на Рязанской области – в этой деревне отсутствует даже в библиотеке, хотя жители Деулина помнят об экспедициях Института русского языка под руководством И.А. Оссовецкого. Несколько лучше положение с «Устьянским словарем», изданным Устьянским краеведческим музеем (пос. Октябрьский, Архангельская обл.) около 10 лет назад: этот словарь изредка можно встретить в деревенских домах; он составлен местными жителями, пассивными носителями говоров или билингвами, не профессионалами, но вполне профессионально.

Применительно к говорам можно говорить о «стихийной» норме, которая складывается на основе языкового употребления большинства и осознается говорящими как «свой» язык, отличающийся от других говоров и от стандартного языка. Разумеется, никто из носителей не может описать всю совокупность отличительных признаков «своего» языка, но произнесенный или написанный текст они безошибочно оценивают как «свой» или «не свой», и каждый из признаков «своего» языка по отдельности, как правило, с удовольствием комментируют. Так, у носителей говора села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. любимой темой метаязыковых рассуждений является состав и проблемы буквенной передачи гласных фонем их говора (в говоре семь гласных, в отличие от пяти литературного языка). Ср. также известные «дразнилки», обыгрывающие отдельные фонетические особенности говоров (разное произношение /ц/ и феномен цоканья «высмеивают» следующие: *Псковичане те же англичане, только нарецьа другая; Бежала овця мимо нашего крыльця* и т. д., *Куриса на улисы яйсо снесла* и многие др.). Интересно, что первую дразнилку часто цитируют жители Псковской обл. как отражающую особенности местного языка, хотя цоканье (неразличение /ц/ и /ч/) псковскими говорами уже утрачено; его следы сохраняются лишь в устаревшей лексике (напр., *цалонак* ‘ткацкий челнок’, *(а)би́ц* ‘орудие ручной молотбы, цеп’). Далее, «языковая норма» в говорах характеризуется высокой степенью вариативности отдельных элементов системы, даже в рамках традиционного говора (базилекта). Обычно жители деревень осознают и этот тип различий, ср. пинежскую поговорку *Онодысь на переды́зье было порато студено́* ‘некоторое время назад в снях было очень холодно’, в которой собраны местные слова, употребляемые только глубокими стариками. Ср. также в Роговатом варьирование *што ~ шо ~ щё* ‘что’ (последний и исконный для говора вариант считают *выпавшим из моды*), [д’е]лѣко ~ [дѣ]лѣко (первый вариант употребляет только носительница говора 1919 г. р., второй - остальные информанты, 1923 г. р. и младше).

В настоящее время местные говоры приходят в упадок, а их специфические черты вытесняются стандартными соответствиями. В первую очередь утрачиваются формальные особенности говоров, т. е. черты фонетики и словоизменения (а также лексика, связанная с традиционным ведением хозяйства и ремеслами, по мере их утраты). Обычно изменения под влиянием лит. языка связывают с распространением радио и телевидения, повышением уровня обязательного образования, повышением мобильности сельского населения, вследствие чего деревенские жители сталкиваются с образцовыми текстами совсем другого рода, чем раньше; к этому нужно добавить отрицательное отношение в России к местным говорам как к проявлению необразованности, невежества на протяжении уже не менее чем трехсот лет. Отмечается, что утрата говором разных его особенностей под влиянием лит. языка начинается не одновременно и происходит с разной скоростью (выводы об изучении 15 языковых особенностей у 34 жителей д. Михалевская Устьянского р-на Архангельской обл. 1922-1995 гг. р., исследование опубликовано в 2018 г.), и полной утраты диалектных явлений не происходит. Так, стабильными являются фонетические черты, связанные с особенностями ритмической организации слова (диссимилятивное аканье в смоленских говорах; специфические безударные аллофоны /o/ и /a/, возникающие при утрате оканья в севернорусских говорах). Грамматические особенности: употребительность перфекта и плюсквамперфекта, особенности управления и нек. др. более устойчивы к вытеснению стандартными соответствиями. Отмечается также, что речь мужчин конца 1930-х-1960-х гг. р. более архаична и насыщена особенностями традиционного говора, чем речь женщин того же возраста (иначе дело обстояло раньше, ср. выводы и диалектологическую практику Н.Н. Дурново и других диалектологов его времени). Наконец, в разных говорах утрата одной и той же фонетической особенности может происходить в разное время; как правило, этому можно найти объяснения социального характера.

Предикатив как *je ne sais quoi* русской грамматики: проблемы нормативного статуса

Пётр Евгеньевич Топорков

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

ptoporkovnewnew@yandex.ru

В нашей работе рассмотрен предикатив как гибридный языковой класс и особенности его грамматического статуса. Предикатив выделяется как явление, отражающее общеязыковую тенденцию к аналитизму, особенно проявляющуюся при освоении новой заимствованной лексики (значительная часть современной иноязычной лексики, в особенности субстандартной, осваивается в качестве предикативов: *кринжово*, *крипово*, *не варик*, *не в ресурсе* и мн. др.). Предикатив не может быть выделен только как лексический класс. Но идея лексико-грамматического класса не сводится к идее части речи как интуитивного, фундаментального и во многом коммуникативно не значимого языкового феномена; речь идёт о грамматикализации как процессе, направленном (с точки зрения логики частей речи) «в бесконечность».

Осмысление части речи через денотативную характеристику служит основой выделения частей речи как «интуитивно-грамматических» классов слов – и это же послужило основой выделения т.н. категории состояния в силу того, что состояние как тип денотата как будто бы не имело до того момента однозначного грамматического выражения. Таким образом, идея «категории состояния» имеет отвлечённо-семантическую основу, но реализуется как представление об отдельном грамматическом классе, что и вызывает полемику со времён известной дискуссии Н.С. Поспелова и А.Б. Шапиро. Современные же представления о предикативе исходят зачастую из синтаксического критерия и не предполагают общего денотата: так, в этот класс объединяются состояния и оценки как разные типы денотатов, находящиеся при этом в разноплановом взаимодействии в реальных синтаксических контекстах. В работе [1] имеется раздел «Релятивы. Коммуникативы», в рамках которого авторы описывают и предикативы, определяя их как слова, выполняющие «...функцию личных сказуемых», при этом «в КЛЯ имеются лишь предикативы, выполняющие функции сказуемых безличных предложений», и далее: «Личные предикативы как особый неизменяемый класс слов представлены в РР двумя подклассами – глагольные междометия и предикативы-оценки» [1: 93-94]. Таким образом, в случае с предикативами речь идёт о классе слов, который объединяется на семантической основе, но определяется синтаксически, при этом минуя морфологию – по крайней мере, не имеет позитивных морфологических характеристик.

Являются ли предикативы, понимаемые в широком смысле, грамматическим классом? «Неканонические» предикативы рассматривались в ряде работ по теме в качестве грамматического класса. В частности, в рамках грамматикализации анализ предикативов – предложно-падежных форм представлен в работах А.А. Калинина и др. исследователей.

Грамматикализация и последующее грамматическое нормирование сопряжена с развитием формальной адаптации к грамматической системе, ср. англ. *creative* – креатив-ный – креатив-о/ креатив-и-ть...; ср. также *cringe* – кринж – кринж-ово; *creepy* – крип-ово, крип-ов-ый и мн. др. новые заимствования.

В качестве варианта лексической модификации может выступать утрата или перестройка актантной структуры предикативов, мотивированных глаголом или его особыми формами, ср. стивы типа: *накурено *кем?*; отглагольные формы типа *в ходу*, предикативы народных говоров типа *волнушка* ‘о сильно и беспричинно волнующемся человеке’, *мельница* ‘о человеке, говорящем пустяки’ (~*молоть* чепуху) и т.д.

По сути в этом случае речь идёт скорее о семантической типологии, обладающей при этом таким параметром грамматического значения, как обязательность – категория состояния маркирует все попадающие в состав класса лексемы как выражающие состояния, ср. наиболее характерные примеры типа *Мне хорошо*.

Литература

1. Разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест / Н.Н. Розанова и др.; отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983.

Союз ИЛИ – простой или составной?

Елена Владимировна Урысон

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

uryson@gmail.com

Союз ИЛИ традиционно относится к простым союзам (ср. И, А, НО, ЧТО и т.п.). Однако в составе союза ИЛИ отчетливо выделяются две единицы: И и ЛИ. В работе демонстрируется, что в значении ИЛИ тоже содержатся два компонента, один из которых соответствует семантике И, а другой – семантике ЛИ. Последний компонент входит также в значение союза ЕСЛИ, признаваемого семантическим примитивом. Обсуждаются проблемы семантической декомпозиции таких единиц.

Давным-давно темным-темно: о возможностях модели экспрессивной интенсификации

Людмила Львовна Федорова

Российский государственный гуманитарный университет

lfvoux@yandex.ru

В современном языке присутствует ограниченный ряд сложных слов с дивергентной редупликацией (по определению О.Ю. Крючковой) типа *давным-давно*, *темным-темно*. Как и другие модели редупликации, они характерны для разговорной речи; их можно отнести к модели экспрессивной интенсификации признака. Примеров в толковых словарях немного: *полным-полно*, *давным-давно*, *белым-бело* (БТС), в словаре Шведовой с пометой «разговорное» еще *темным-темно*, *светлым-светло*, *черным-черно*, *красным-красно*, в орфографических словарях еще *теплым-тепло*. Одни кажутся вполне нормативными, часто встречаются в текстах, другие звучат непривычно; проверка по НКРЯ дает очень разные результаты: *давным-давно* – 3 149 примеров, *темным-темно* – 16, *красным-красно* – 4. Т.е. одни формы полностью лексикализованы, в то время как некоторые другие кажутся скорее окказиональными.

Возможно, ограниченность этой словообразовательной модели отчасти объясняется непрозрачной морфологической структурой и особой ритмической организацией таких форм.

Для проверки гипотезы о влиянии этих факторов был проведен пилотный эксперимент среди студентов с оценкой степени нормативности различных композитов этой модели. Он показал возможность окказионального употребления подобных образований в контекстах усиленной экспрессивности, особенно при условии ритмического соответствия модели.

Соответствие текущим коммуникативным потребностям языкового коллектива как один из признаков литературной нормы

Михаил Юрьевич Федосюк

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

m.fedosyuk@yandex.ru

По наблюдениям большинства исследователей, норме литературного языка принадлежат те варианты языковых единиц, которые отвечают критериям (1) исторической обусловленности, (2) системности и (3) языковой практики. Иными словами, нормативными могут быть признаны такие единицы, которые (1) соответствуют историческим традициям их употребления, (2) не противоречат устройству языковой системы и (3) активно используются значительным числом носителей языка. Однако какой из этих признаков является ведущим, а какие – второстепенными, неясно. Трудно, например, однозначно решить вопрос о нормативности или ненормативности таких единиц, которые, хотя и активно употребляются современными носителями языка, но не полностью отвечают историческим традициям или устройству языковой системы. Аналогичная сложность может возникнуть и если некая инновация, не противоречит устройству языковой системы, однако не подкреплена исторической традицией.

Представляется, что к трем перечисленным выше признакам нормы целесообразно добавить еще и четвертый – соответствие данной единицы текущим коммуникативным потребностям языкового коллектива.

Проиллюстрируем сказанное на примере развивающейся в русском языке на протяжении нескольких последних десятилетий тенденции к несклоняемости географических названий на *-ин(о)*, *-ов(о)*. Вместо *Я живу в Останкине* многие носители русского языка не только предпочитают говорить *Я живу в Останкино*, но еще и настаивают на неправильности тех вариантов высказываний, в которых географические названия рассматриваемого типа склоняются. Если при определении того, какой из приведенных выше вариантов принадлежит норме, руководствоваться критериями исторической чистоты и системности, то придется признать нормативными варианты типа *Я живу в Останкине*. Если же руководствоваться критерием языковой практики, то похоже, что близок к победе вариант *Я живу в Останкино*.

Представляется, что ясность в этот вопрос может внести только что упомянутый нами критерий коммуникативных потребностей. Дело в том, что в наши дни традиционные варианты типа *Я живу в Останкине* не полностью соответствуют установке носителей языка на достижение однозначного понимания. Эти варианты не дают получателям возможности определить, какова начальная форма топонима: называется ли населенный пункт, который упоминает говорящий, *Останкин* или *Останкино*? Такой неоднозначности не было до конца XIX в., когда в коммуникации участвовали главным образом жители одного региона, фоновые знания которых в основном совпадали. Коммуникативные потребности, а следовательно, и литературные нормы стали меняться в связи с переменой характера русского языкового коллектива, а именно вследствие роста его неоднородности, который был обусловлен усилением внутренней миграции населения. Данный процесс начался на рубеже XIX и XX вв., когда многие крестьяне стали переезжать в города и становиться промышленными рабочими, усилился после

революции 1917 г. и в особенности во второй половине XX в., когда получили широкое распространение средства массовой информации, охватывающие всю территорию страны. В этот период говорящие и пишущие стали осознавать, что знания адресатов могут не полностью совпадать с их собственными знаниями.

Если исходить из этого тезиса, то логично утверждать, что до начала XX в., когда русскому языковому коллективу была свойственна однородность, норме соответствовали склоняемые формы топонимов на *-ино*, *-ово*. В то время москвич-адресат, слыша фразу *Я живу в Останкине*, хорошо знал, что начальная форма топонима – *Останкино*. Однако позднее в связи с повышением степени неоднородности языкового коллектива, достаточно типичными стали ситуации, когда коммуниканты, выходцы из разных регионов страны, слыша, например, фразу *Я родом из Рязанской области: родился в Захарове, а детство провел в Михайлове*, едва ли могли понять, что речь идет о расположенных в Рязанской области селе Захарово (ср. р.) и городе Михайлов (м. р.).

В докладе будет показано, что текущими коммуникативными потребностями языкового коллектива был обусловлен и целый ряд других изменений, связанных с развитием в русском языке аналитизма. Кроме того, будет продемонстрировано, что некоторые из инноваций современной русской речи (например, поток неологизмов-феминативов) едва ли соответствуют коммуникативным потребностям носителей русского языка и не могут претендовать на статус нормативных.

«Новые идеологические феминитивы». Грань между групповым узусом и вариантом нормы

Фуфаева Ирина Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет

iriel@inbox.ru

Рассматриваются вопросы включения и лексикографического описания единиц в новом словаре феминитивов, подготовленном группой сотрудников ВШЭ и РГГУ. Актуальность издания связана как с возросшей ролью феминитивов в речи носителей современного русского языка, так и отсутствием современных научных словарей феминитивов в условиях, когда в речи появились новые единицы этого рода.

Принцип составления словаря заключается в отборе феминитивов – нетипичных представителей этой группы слов с учетом их реальной употребительности.

Типичными феминитивами, которые нами не рассматриваются, мы считаем номинации женщин, производные от номинаций лица грамматического мужского рода, образованные с помощью феминитивного суффикса, выбор которого полностью и однозначно определен производящим словом (напр. *-ка* в слове *операционистка* и *-щица* в слове *барабанищица* полностью определены структурой слов *операционист* и *барабанищик*), и значение которых равно значению производящего слова с добавлением семы ‘женщина’.

Нетипичные феминитивы, которые мы исследуем, отвечают одному из следующих критериев:

1. Значение их не равно значению производящего слова с добавлением семы ‘женщина’. Оно может быть уже, например, *математичка*, отличаться от него: *декабристка*, могло претерпеть сдвиг: *чиновница*.
2. Это единицы непроизводные или образованные не от наименования лица грамматического мужского рода: *няня*, *сиделка*, *институтка*, *техничка*.
3. Выбор их феминитивного суффикса не полностью определяется производящим словом, т. к. оно не имеет в структуре суффикса, жестко связанного с одним соответствующим феминитивным суффиксом (*-ист*, *-тель*, *-ник*, *-щик* и пр.).

Такое слово может быть заимствованием на *-лог*, *-ном*, *-соф*, *-ик* и др., не иметь в составе морфем, похожих на суффикс деятеля (*терапевт*), быть исконным бессуффиксным образованием (*языковед*), иметь русские или иноязычные суффиксы, у которых нет связи ни с одним суффиксом деятеля (*конюх*, *знаток*, *потомок*, *нотариус*). В результате феминитив или вообще не образуется, или образуется его с редким суффиксом, например, *-иха*, *-есса* и др., не «прикрепленным» к основам определенного типа, или его образование и использование затруднено, что может проявляться в образовании вариантов, конкурирующих в некоторых случаях больше столетия: *адвокатка* – *адвокатесса* – *адвокатша*, *президентка* – *президентиша*.

Сейчас таких рядов стало больше за счет «новых идеологических феминитивов», характерных для феминистического дискурса (например, *авторка*, *редакторка*) и их

конкуренции с давно существующими феминитивами, в том числе разговорными (*авторша, редакторша*).

После отбора единиц по критерию частотности на материале корпусов НКРЯ и ГИКРЯ оказалось, что некоторые «новые идеологические феминитивы» прошли этот отбор, и встала проблема их кодификации, в частности, отражения их стилистической принадлежности и прагматической маркированности в целом.

Еще более сложной эта проблема является в случае феминитивов, которые впервые появились в XVIII–XIX вв., затем были забыты, не прижились или получили негативные коннотации (*адвокатка, поэтка, партнерка, философка* и т. д.), а в современном феминистическом дискурсе были сконструированы заново как политкорректные единицы и теперь по-новому, более сложно противопоставлены остальным членам синонимических рядов, включающих как редкие единицы (*адвокатесса*), так и широко распространенные и употребительные (*поэтесса, партнерша*). Идеологическая окраска сейчас иногда появляется и у некоторых шуточных разговорных образований второй половины XX века *филологиня, геологиня, философиня*.

Идеологическая окраска, дискурсивная ограниченность употребления единицы передается в словаре с помощью выражений «употребляется в феминистическом дискурсе», «в феминистическом дискурсе рассматривается как политкорректное», а также с помощью более развернутых описаний нюансов употребления и восприятия слова. Кроме того, нюансы употребления таких слов передаются примерами.

Идиомы и синтаксис предложения: диагностика подъема в русском языке

Антон Владимирович Циммерлинг

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина/ Институт языкознания РАН)

fagraey64@hotmail.com

В докладе обсуждается релевантность идиом для диагностики конструкций подъема в русском языке. Синтаксические идиомы изучаются как представителями словарно-ориентированных [Mel'čuk 2023], так и представителями грамматически-ориентированных концепций. В работе [Postal 1974] сохранение идиоматических прочтений в верхней клаузе было впервые интерпретировано как диагностика подъема аргумента зависимой клаузы, ср. контраст между конструкцией контроля *Mary persuaded the cat to be out of the bag* (√ — буквальное прочтение, * — идиоматическое прочтение) и конструкцией подъема *Mary expected the cat to be out of the bag* (√ — буквальное прочтение, √ — идиоматическое прочтение). Это объяснение хорошо согласуется с теорией, согласно которой предложение порождается снизу вверх: если вставленный оборот порожден вначале, операция подъема уже не влияет на его семантическую интерпретацию. Для русского языка существует несколько описаний, использующих параметр подъема. Согласно одному подходу, признаки контроля и подъема образуют континуум, бинарное разбиение русских инфинитивных конструкций на зону подъема и зону контроля невозможно [Летучий, Виклова 2020]. Согласно другому подходу, имеется структурная асимметрия между модальными и фазовыми глаголами, которые удовлетворяют большинству тестов подъема, включая тест на сохранение идиом, и глаголами контроля, но клаузы с модальными и фазовыми глаголами реструктурируются, т.е. граница между главной и инфинитивной клаузой снимается [Лютикова 2022]. Я принимаю второй подход, но утверждаю, что диагностика, основанная на свойствах идиом, имеет ограниченную применимость. Список русских конструкций с подъемом необходимо пополнить еще двумя — дативно-инфинитивными структурами (ДИС), ср. *Быть бычку на веревочке!* и модально-экзистенциальными предложениями типа *Есть, кому исполнять музыку. Есть, кого обвинить в провале. Некому писать музыку. Некого обвинить в провале.*

Я предлагаю поделить идиомы на три группы в зависимости от их внутренней структуры. Идиомы структуры NP/DP (*хромая утка*) для диагностики подъема нерелевантны: если предложение собирается снизу вверх, после сборки именной группы ее интерпретация уже не пересматривается. Идиомы структуры V — O^P (*дурака валять, бить баклуши*) нерелевантны по другой причине: они имеют свойства сложных глаголов с инкорпорированным пациентивным участником *дурака^P валять, баклуши^P бить*. В русском языке регулярно инкорпорируются только неагентивные участники, ср. *вода^S падает* ⇒ *вода^S пад*, *дурак^A проводит время^P* ⇒ *время^P провождение дурака, *дурака^Aпровождение времени*. Остаются идиомы с внутренней структурой финитного предложения S^A — V (O^{ANIM}), но запрет на их употребление в структурах синтаксического контроля и невысокая приемлемость предложений типа *??Я запрещаю жабе душить тебя, слышишь? ??Руководитель фирмы запретил горе приходить к*

Магомету удовлетворительно объясняется семантически. Говорящий не уполномочен запрещать или разрешать причине неконтролируемого события или процесса проявлять себя. Таким образом, запрет на употребление идиом $S^A - V$ (O^{ANIM}) в структурах контроля объясняется семантически, а возможность их употребления в структурах подъема может объясняться двояко — синтаксически (порождено в зависимой клаузе) и/или семантически (не нарушается запрет на семантический контроль со стороны матричного предиката).

Литература

Burukina I. 2019. Raising and control in non-finite clausal complementation. Doctoral dissertation, University of Budapest.

Postal, Paul. 1974. On Raising. Cambridge, MA: MIT Press.

Летучий А.Б., Виклова А.В. 2020. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений) // Вопросы языкознания. 2020. № 2. С. 31–60.

Лютикова Е.А. 2022. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1. Инфинитивные клаузы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 5. С. 27–45

Mel'cuk, Igor. 2023. General Phraseology. Theory and Practice. John Benjamins.

Аксиологический аспект исследования культуры речи (на материале современных СМИ России)

Людмила Олеговна Чернейко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

avollis@maik.ru

Современная русская речь последних двух десятилетий отличается от предшествующих эпох размытостью своей нормы, а также характеризуется малыми возможностями сегодняшней лингвистики влиять на норму. Важнейший орфоэпический словарь (БОСРЯ 2012 г.) представляет собой «фундаментальный свод русского литературного произношения» (с. 3) в его норме и вариантах (как значится в подназвании), но запреты на произношение имеют скромную помету *«не реком.»*, вследствие чего орфоэпическая норма теряет свою главную, охранную функцию языка, в которой сохраняется преемственность традиции, и растворяется в вариантах. При отсутствии строгой нормы в современном коммуникативном пространстве возрастает роль личной ответственности говорящего. Это касается в первую очередь публичной сферы речевого поведения.

Если говорить о молодом поколении, то в его характеризует демонстративное речевое поведение, обусловленное такой социальной причиной, как стремление к речевой независимости от взрослых (родителей, учителей), дистанцировался от них. В гипертрофированном виде социальное отстранение выглядит как эпатаж. Такие единицы лексикона, как *падра, вислово, ничоси, движ, имот, агриться, всратый, фудпорн, чилить* и др. Не могут не вызывать лингвистический интерес, поскольку отражают и возможности системы, и «языковой вкус» новых поколений (X, Y, Z, бэби-бумеров, альфа), хотя он противоречит эстетическому вкусу и традиции, как, впрочем, противоречат им чиновничьи неологизмы-аббревиатуры типа *педобр* и *МУДО*. Широкие границы вариативности нормы, свидетельствуют, с одной стороны, о социальном раскрепощении молодежи, с другой, - об отсутствии авторитетов среди взрослых, с речевого поведения которых она хотела бы взять пример. Да и пример этот далеко не всегда достоин подражания, поскольку «хорошим тонном» современной российской элиты считается употребление обценной лексики не только внутри своей тусовки. Но культура речи как лингвистическая дисциплина эту щекотливую проблему предпочитает обходить стороной. Между тем анализ текстов современных СМИ (печатных и устных) показывает, что аксиологический аспект изучения речи представителей публичной сферы коммуникации требует пристального внимания, поскольку именно в этой общедоступной сфере нарушаются все нормативные табу (*заталибать, ЕДРОС, креакл, мутота, охренеть, херня* – все примеры имеют паспортизацию), а речетворчество часто имеет признаки девиантного речевого поведения.

Лингвистический интерес вызывает не только сниженная лексика, вкрапленная в публичный текст, но и нейтральная, имеющая отрицательные коннотации и выполняющая роль метафоризатора в сравнительном обороте (*как черви*) и в когнитивной метафоре (*поголовье олигархов, блюют пропагандой, стебать стереотипы*). Выбор метафоризатора в названных языковых конструкциях определяется мировоззренческой позицией субъекта речи, которая в пространстве политически

ориентированных СМИ не может быть нейтральной. Выбор метафоризаторов говорит и о языковом вкусе современных СМИ.

Размытость нормы приводит к перераспределению пластов стилистической системы лексикона, главным следствием которого является перемещение планки нейтрального стиля в сторону сниженного и изменения роли высокого стиля.

Нарушения речевой нормы в методическом дискурсе

Вера Яковлевна Шабалина

Институт развития образования Республики Татарстан
sh_ver@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы соблюдения языковой нормы в письменном методическом дискурсе педагогов, приводятся статистические данные о состоянии речевой грамотности населения России в целом и уровне профессиональных компетенций учителей русского языка и литературы Республики Татарстан. На примерах материалов по обобщению педагогического опыта показаны наиболее частотные случаи нарушения языковых норм в методическом дискурсе.

Ключевые слова: языковая норма, методический дискурс, письменная речь, речевая грамотность

Понятие языковой нормы до сих пор является дискуссионным.

В узком понимании, с лингвистической точки зрения, понятие нормы трактуется как «результат традиции, как многолетний обычай использовать языковые единицы и их сочетания», а также «как результат кодификации, как совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц» [Крысин 2017, с.23].

Внимание к проблемам кодификации речи в последние годы усилилось, в том числе в связи с принятием на федеральном уровне ряда нормативных правовых документов, регулирующих деятельность различных структур при использовании государственного языка Российской Федерации.

Изучение аспектов языковой политики находит отражение в различных дисциплинах: вопросы языковой нормы отражены в социологических исследованиях [Соколова 2022], где прежде всего рассматриваются результаты социологических опросов и дается их интерпретация; в работах по правоведению акцент делается на необходимости правового регулирования механизмов защиты и поддержки русского языка, в частности предусматривающих ответственность издателей за соблюдение норм русского языка [Алексеев 2017]. Но основное внимание этой теме, несомненно, уделяется в области языкознания.

Повсеместно замечаемые нарушения лексических и грамматических норм в письменной речи специалистов, чья профессия подразумевает как минимум заботу о сохранности языка – журналистов, учителей, воспитателей, руководителей в различных сферах, – не могут не вызывать тревоги. Письменная речь в силу ряда причин: отсутствие корректоров в образовательных учреждениях и небольших издательствах, снижение уровня грамотности населения в целом, влияние «демократизации» языка и засилье англицизмов, проникающих в язык вместе с дигитализацией общества, и др. – утрачивает позицию образцовой речи. И хотя многие компьютерные программы (текстовые редакторы) оснащены функцией проверки правильности написания слов и построения предложений, ошибки, как справедливо отмечено Е.И. Литневской, не исправляются автоматически, а требуют когнитивных усилий от адресанта письменного дискурса [Литневская 2018].

Такая тенденция отмечается и в методическом дискурсе – разновидности профессионального (педагогического) дискурса [Шабалина 2023]. Продуцентами в данном дискурсе выступают ученые методисты и педагоги-практики. Последние для подтверждения профессиональной квалификации должны делиться своим опытом в различных формах: через проведение открытых уроков и мастер-классов, ведение собственных блогов, сайтов, выступления на научно-практических конференциях, участие в конкурсах профессионального мастерства, публикацию методических материалов в научно-методических изданиях. Это требует навыков публичной коммуникации и языковой (речевой) компетенции учителя, которой обладает далеко не каждый.

В 2023 году Институтом развития образования Республики Татарстан проведен социологический опрос «Современный учитель русского языка и литературы: профессионализм и компетентность» среди учителей русского языка и литературы региона. Всего было опрошено 872 учителя. 38 % опрошенных педагогов отметили, что нуждаются в методических рекомендациях по культуре речи, стилистике и риторике, а 26 % – по орфографии и пунктуации.

Поскольку Институт развития образования Республики Татарстан аккумулирует методические материалы педагогов и публикует некоторые из них, в процессе редакторско-корректорской правки в рамках письменного методического дискурса можно встретить практически весь спектр нарушений речевой нормы.

Если орфографические ошибки типа *кто-то стремиться, не хочет мирится, тренинговый, дессименация, к кому ни будь, в этом случаи, 3-х бальная шкала, всё-равно* и т.п. встречаются редко, то нарушения языковой нормы, связанные с построением предложений, согласованием и управлением слов, встречаются довольно часто. Так, на 1000 ошибок из случайной выборки около 100 приходится на долю нарушений в предложениях с причастными (*Проведенный опрос методом обратной связи педагогов показал позитивную динамику; Учащиеся могут создать карту о посещенных местах в Лондоне с использованием карт Google; Одной из основных задач воспитания дошкольников, стоящих на современном этапе перед воспитателем, является воспитание у дошкольников любви к Родине*) и деепричастными оборотами (*Обучаясь в системе СПО, у студентов имеется уникальная возможность участвовать во внедрении новых современных технологий, инновационных идей; Используя спецэффекты видеоредактора Movavi, видеоурок превращается в захватывающий внимание обучающий фильм; Работа учителем начальных классов, меня заинтересовала технология развития критического мышления*).

Немалую долю составляют и разнообразные ошибки в построении предложений с однородными членами предложения (около 90 случаев на 1000): *Опытный учитель в ходе планирования учебной деятельности непременно приходит к осознанию необходимости адаптировать и вносить коррективы в учебный материал; Перед системой образования и педагогами стоит непростая задача – воспитывать и передавать знания детям нового поколения в сложнейших условиях; Причем развивать необходимо не только профессиональные умения и навыки, но и повышать управленческие и личностные компетенции работников и их командный настрой; Мелкая моторика отвечает не только за речь, но также позволяет развивать*

координацию в пространстве, воображение, зрительную и двигательную память; Наставничество – это длительный, трудоемкий и сложный процесс, способствующий успешной адаптации как молодых педагогов, так и повышению профессиональной компетенции учителей.

На наш взгляд, подобные примеры вряд ли можно было встретить в речи (тем более письменной, ergo подготовленной) педагогов лет 30–40 назад. Напомним, еще до 1990-х годов в школах соблюдался единый орфографический (речевой) режим, когда учителя-предметники должны были отмечать ошибки в тетрадях школьников независимо от преподаваемого предмета.

Выводы

В современной ситуации, когда на языковую норму оказывается давление со стороны Интернета, СМИ, когда речь политических и государственных деятелей, разного рода аналитиков, журналистов пестрит ошибками, когда сама образцовая речь зачастую воспринимается как нарушение нормы, важно, чтобы языковая политика последовательно и в системе проводилась государством на всех уровнях, чтобы ее вопросы широко освещались и популяризировались в обществе, а для педагогов в рамках повышения квалификации была предусмотрена возможность совершенствования речевой грамотности.

Литература

1. Алексеев К.В., Воробьев Н.Ф. Проблемы правовой защиты русского языка в контексте национальной безопасности России // Юридическая наука. 2017. № 4. С.62–66.
2. Крысин Л.П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.
3. Ковалева Т.А., Юдина Н.В. Современная языковая политика Российской Федерации в оценке носителей русского языка XXI в. // Вестник Московского государственного областного университета. 2020, № 5. С.91–99. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-5-91-99> (дата обращения: 22.06.2023).
4. Литневская Е.И. О языковой норме письменной речи и проблемах ее кодификации в начале XXI века // Мир русского слова. 2018. № 1. С.30–34.
5. Соколова Т.И. Норма русского языка в общественном восприятии // Вестник университета. 2022. № 9. С. 183–190.
6. Шабалина В.Я. К вопросу о методическом дискурсе как особом виде институционального дискурса // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.): тр. и матер.: в 3 т. / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. Т. 2.. 363–366.

Самый лучший, самый худший

Игорь Алексеевич Шаронов

Российский государственный гуманитарный университет

igor_sharonov@mail.ru

Грамматическая омонимия – явление в русском языке нередкое, для его устранения язык может использовать не всегда одобряемые нормой способы. В «Практической стилистике русского языка» Д.Э. Розенталя утверждается, что употребления аналитических средств (типа *более* или *самый*) в сочетании с сравнительными и превосходными формами прилагательных являются плеонастическими и не соответствуют нормам литературного языка. [Розенталя 1987: 144]. Сочетанием «*самый лучший*» как примером иллюстрируется словарная статья «Плеоназм» в Большом толковом словаре под редакцией Кузнецова. Данное представление широко распространено в школьной преподавании.

Между тем целый ряд прилагательных, считающихся формами превосходной степени: *лучший, худший, больший, меньший, высший, низший, старший, младший* сочетают в себе семантику и сравнительной степени, и превосходной одновременно, что может приводить к омонимии значений. Прилагательные *слабейший* и *сильнейший* имеют формальный показатель превосходной степени *-ейши* также могут употребляться в значении и обоих степеней сравнения.

Частотный анализ материалов Национального корпуса русского языка свидетельствует о том, что перечисленные прилагательные с аналитическими показателями сравнительной и превосходной степени *более, менее* или *самый* употребляются регулярно, хотя и с неоднородной степенью частотности для разных единиц, перечисленных в списке. Представляется, что одной из причин для использования в речи и в текстах такого рода сочетаний является стремление устранить грамматическую омонимию.

В докладе будут приведены статистические данные употребления рассматриваемых прилагательных по материалам Национального корпуса русского языка.

Попужочки и гупяшки. О разговорных названиях домашних животных

Ольга Александровна Шарыкина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

oka_2311@mail.ru

В последние десятилетия появилось большое количество разговорных названий домашних животных. Лидируют среди них, безусловно, кошки: к традиционным и давно существующим *котикам, кисам, кисулям* и *котофеям* добавились *котаны, кошаки, кошары, котэ, мурчалки* и многие другие. На втором месте по количеству разговорных названий идут собаки (ср. современные – *пёсель, собакен, собачатина* (в значении ‘собака’, а не ‘собачье мясо’)). Но и у домашних попугаев, хомяков и аквариумных рыбок в последнее время тоже отмечается множество новых разговорных названий. Большинство из них образовано с помощью различных уменьшительных суффиксов, ср.: *попужок* (попугай), *гупяшка, гупёшка* (рыбка гуппи), *золотушка* (золотая рыбка), *хомочка* (хомяк, обычно самка) или сокращений слов: *соба* (собака), *хома* (хомяк), *попуг* (попугай). Многие разговорные названия непосредственно связаны с породой животного, напр.: *французик* (французский бульдог), *йоркишик* (йоркширский терьер), *персик* (персидская кошка) и др.

Каковы возможные причины появления такого большого количества разговорных названий домашних животных? Прежде всего можно предположить, что это связано с такой речевой формой выражения любви хозяев к своим питомцам, поскольку преимущественно все эти названия ласковые. В то же время многие из них отражают какие-либо характерные черты животного (ср. *мурчалка* о кошке). На наш взгляд, немаловажную роль играет также принцип экономии речевых усилий (ср. *французик* вместо французский бульдог).

В докладе также будет рассмотрена проблема словарной фиксации подобных разговорных названий.

Конструкция «*этот + PronPoss + NP*»: возможности выражения оценки

Ксения Михайловна Шилихина

Воронежский государственный университет

shilikhina@gmail.com

В докладе рассматривается функционирование конструкции «*этот + PronPoss + NP*». Данная конструкция интересна тем, что внешне двойное указание на называемый объект может выглядеть избыточным, поэтому возникает вопрос, почему говорящий намеренно использует и указательное, и притяжательное местоимения. Отметим, что языки, в которых указание на определенность/неопределенность является обязательной, не позволяют указательным и притяжательным местоимениям появляться вместе именно в связи с избыточным дейксисом, ср.:

рус. *Этот ваш кот окончательно обнаглел.*

англ. **This your cat has become absolutely obnoxious.*

нем. ** Diese ihre Katze ist völlig unverschämt.*

Также данная конструкция интересна тем, что в зависимости от лексического окружения, а также от того, какое притяжательное местоимение используется и , она может становиться маркером отрицательной оценки.

Материалом исследования стали контексты, извлеченные из различных подкорпусов НКРЯ. Дальнейший анализ был посвящен исследованию свойств лексического окружения, в котором используется конструкция «*этот + PronPoss + NP*» и оценочного значения, которое возникает в ряде контекстов.

Анализ конкорданса позволяет увидеть несколько закономерностей. Конструкция «*этот + PronPoss + NP*» используется в двух типах контекстов: нейтральных (указывающих на объект, но не выражающих оценку называемого объекта) и в контекстах, в которых называемый объект оценивается отрицательно:

- нейтральная оценка

А этот... простите/ я перебил... а этот ваш приятель не стал потом известным математиком? [А.П. Юшкевич, В.Д. Дувакин. Беседы с А.П. Юшкевичем: Беседа 1-я (1980)]

- отрицательная оценка

Как-то надоели все эти ваши квартирно-строительные тараканы — то со сроками явно обман, то с планами застройки, то еще чего-нибудь не так. [Беседовала М. Волкова. «Это днище, у нас в городе такого нет» // lenta.ru, 18.03.2019]

Для притяжательных местоимений 1 лица в конструкции «*этот/эти + PronPoss + NP*» более характерны нейтральные контексты, что вполне объяснимо: вряд ли в интересах говорящего отрицательно оценивать то, к чему он или она имеет непосредственное отношение. Варианты конструкции «*этот мой/наш + NP*» и «*эти мои/наши + NP*»

позволяют выделить один объект из ряда объектов, к которым имеет отношение говорящий:

*Первый контракт я заключил со Studio Italia Design, но до нее **этот мой светильник** хотели производить, наверное, семь итальянских компаний. [Беседовала В. Гудкова. «С хорошим дизайнером не торгуются» // lenta.ru, 20.04.2016]*

Иная ситуация складывается с местоимениями *твой / ваши*: для варианта конструкции с притяжательными местоимениями 2 лица более характерны контексты, в которых выражается отрицательная оценка:

*Здесь Уралмаш, а не бред **этот твой** в голове», — заявил представителям фестиваля один из активистов. [А. Реутова. Православные активисты провели акцию в Екатеринбурге против работы Покраса Лампаса // Коммерсант, 25.08.2019]*

Что касается притяжательных местоимений 3 лица в конструкции «*этот + PronPoss + NP*», то подавляющее большинство контекстов вопреки ожиданиям не выражают отрицательной оценки называемого предмета или явления:

*Если Лендлу не наскучит опекать 29-летнего шотландца, то **этот его успех** наверняка окажется не последним. [С. Курманов, М. Потапов. Веселая трава // lenta.ru, 11.07.2016]*

Отрицательная оценка возникает в результате появления в окружении конструкции лексики с негативной коннотацией:

— *Все эти ваши справки-отмазы легко пробиваются, — в своем грубовато-панибратском стиле сообщила нам Алена. [О. Боброва. По обе стороны обвинения // Новая газета, 18.10.2017]*

Корпусные данные показывают, что для того, чтобы конструкция «*этот + PronPoss + NP*» могла использоваться как маркер отрицательной оценки, необходимо соблюдение двух условий: во-первых, лексическое окружение конструкции должно содержать лексику с отрицательной оценкой. Во-вторых, эта оценка в сознании говорящего должна быть связана с адресатом, непосредственно участвующим в коммуникации, поэтому чаще всего она выражается в тех случаях, когда конструкции используются притяжательные местоимения 2 лица.

Русский язык как государственный и проблемы кодификации литературной нормы

Алексей Дмитриевич Шмелев
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

shmelev.alexei@gmail.com

Время от времени представители российских властных структур говорят об утверждении словарей и справочников, «содержащих» нормы русского литературного языка «при его использовании в качестве государственного». Понятно, что языковые нормы не определяются правительственными решениями, и не могут изменяться или «утверждаться» правительственными постановлениями. Более того, очевидно, что правительство не в состоянии провести надежную экспертизу изданий, претендующих на то, что в них выявлена и зафиксирована языковая норма (с той или иной степенью точности и полноты). Правительство может только определять, как будет проводиться такая экспертиза.

Языковые нормы существуют независимо от каких бы то ни было грамматик, словарей и справочников, а грамматики, словари и справочники лишь отражают эти нормы с той или иной степенью полноты и точности. (Поэтому лучше было бы сказать не «содержащих», а «отражающих».) При этом отдельно взятый словарь или справочник может отразить лишь небольшую часть норм литературного языка, понимаемых как «совокупность языковых средств и правил их употребления». Кроме того, в любом, даже самом хорошем словаре или справочнике неизбежно найдутся какие-то неточности, и понятно, что в этом случае мы можем говорить, что в данном пункте информация, содержащаяся в этом словаре или справочнике, не соответствует нормам русского литературного языка. Тем самым никакой словарь или справочник не может быть рекомендован в качестве окончательной инстанции, директивно предписывающей тот или иной способ употребления языковых средств.

Непременное свойство норм литературного языка – их подверженность варьированию. Словарь, который не учитывает это варьирование и пытается во всех случаях навязать языку единую норму, уже по одной этой причине не может считаться качественным словарем. Региональное варьирование норм для русского языка не так велико, хотя тоже должно приниматься во внимание (самый известный пример такого варьирования – несовпадение московских и петербургских норм). Но самое важно, что нормы непрерывно изменяются, а какое-то время старая и новая норма сосуществуют, так что лингвисты говорят о «старшей» и «младшей» норме. При использовании русского языка «в качестве государственного языка Российской Федерации» необходимо учитывать это: нельзя ориентироваться только на «старшую» или только на «младшую» норму.

Наконец, следует остановиться на правилах русской орфографии и пунктуации, о которых тоже идет речь и в «Законе о государственном языке», и в поручении Президента, и в правительственном постановлении. В настоящее время в Институте русского языка РАН составлен свод правил русской орфографии (в предварительном варианте). Неотъемлемая часть свода – орфографический словарь, отсылки к которому делается в правилах. Существенно, что свод изготовлен не только в традиционном,

бумажном виде, но и в электронной форме, что позволит его оперативно уточнять и пополнять.

Утвердительные частицы в интернет-коммуникации

Елена Яковлевна Шмелева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

eshkind@mail.ru

В интернет-коммуникации последних лет для выражения согласия, по-видимому, чаще используют частицы *ок* и *ага*, нежели главную утвердительную русскую частицу *да*. При этом *да*, если и используют, то с редупликацией *дадада*. В докладе рассматриваются контексты, в которых можно употреблять *ок*, и нельзя *ага*, и наоборот, и делается попытка объяснить, выбор коммуникантами этих частиц.

Нейро-русский язык. Языковые эксперименты с нейросетью

Михаил Наумович Эпштейн

Department of Russian and East Asian Languages and Cultures (REALC)/ Emory University
(Atlanta, USA)

russmne@emory.edu

По мере вхождения ИИ в развитие цивилизации язык все больше будет развиваться средствами нейросетей, способных к радикальному обогащению лексики и грамматики. Уже сейчас очевидно, что нейросети способны создавать новые слова, мотивировать их образование наличными морфологическими элементами (значением корневых и некорневых морфем) и правильно составлять новые предложения, демонстрируя уместность этих новых слов и оправданность их введения в язык. Каждый естественный язык, соединяясь с возможностями нейросетей, будет становиться "естественно-искусственным", интегральным языком, и этот **синлингвизм** станет столь же характерной приметой будущего, как синтеллект, объединение интеллектуальных возможностей человека и нейросетей.

Я занимался проблемами становления такого "сверхъязыка" с конца 1990х – начала 2000х гг., исследуя потенциал лексического и грамматического творчества в русском языке. Но только с активным развитием ИИ и нейросетей этот проект "сверхъязыка", естественно-искусственного языка (NAL — Natural-Artificial Language) становится реальностью. В коммуникации с нейросетью может возникнуть множество новых слов и грамматических конструкций, понятных говорящим по-русски, но не зафиксированных в словарях и грамматиках. Язык становится флюидным, сверхгибким и сверхбыстрым, узус приближается к системе, т.е. к границам своих структурных возможностей, а норма практически растворяется в системе.

В докладе рассматриваются новые слова на темы "времени" и "любви", ранее созданные самим автором, и те, что по его запросам (промптам) создаются большой лингвистической моделью Chat GPT4. Описывается их морфологическая структура, мера оригинальности, мотивация введения в язык, примеры их употребления. Также рассматриваются новые грамматические конструкции, предлагаемые нейросетью для усиления выразительности речи (ведение "интенсификационных" суффиксов; "мульти-глаголы" для одновременных действий и т.д.).

Это первый опыт введения в лингвистику "нейро-русского" языка.

Русская просодия: к проблеме речевой нормы

Татьяна Евгеньевна Янко

Институт языкознания РАН, гнс,
tanya_yanko@list.ru

Одним из средств поддержания связности речи служит просодическое указание на незавершенность речевого акта как компонента нарратива или диалога. В русском языке для кодирования незавершенности используются различные виды восходящих просодий, прежде всего, ИК-3 и ИК-6 [Брызгунова1982]. Указание на незавершенность комбинируется со всеми основными типами иллокутивных сил: с сообщением (в значении ‘текущее сообщение не последнее, продолжение следует’), вопроса (как указание на вхождение вопроса в серию вопросов или объяснение, почему вопрос задается), императива (при указании на его мотив) и вокатива (в предварении, например, просьбы).

Обратимся к речевому акту сообщения. Анализ больших массивов звучащего нарратива обратил наше внимание на то, что многие говорящие в зависимости от психологического состояния и речевых привычек склонны к своего рода злоупотреблению указанием на незавершенность, выбирая незавершенность, если выбор между дискурсивно завершенной и незавершенной версией высказывания имеется. Поясним, что обязательные указания на незавершенность, которые обусловлены синтаксической структурой, в расчет не принимаются. Расширенное указание на незавершенность может преследовать говорящих, находящихся в волнении, например, при боязни утратить внимание аудитории.

В работе [Янко 2020] мы показали, что дети прибегают к незавершенности чаще взрослых, женщины в среднем чаще мужчин, молодые — чаще пожилых. Было предложено измерять склонность к указанию на незавершенность частным от деления количества незавершенных речевых актов текста/массива текстов на общее количество речевых актов массива при условии, что между незавершенностью и завершенностью имелся свободный выбор. Это частное мы предложили называть *индексом незавершенности* нарратива.

Оказалось, что при актерском чтении индекс незавершенности стремится к нулю, между тем у молодых докладчиц на конференции в Институте языкознания он достигал 76%. В среднем мы считаем, что индекс незавершенности выше 50% говорит о недостаточном умении оратора не зависеть от внимания аудитории.

В настоящее время в связи с применением индекса незавершенности были получены новые данные. Они охватывают два круга проблем. Во-первых, был проведен подсчет индекса незавершенности у лиц, профессионально вещающих на большую аудиторию. Во-вторых, в связи с настойчивой критикой применения нами индекса незавершенности для оценки стиля звучащей речи, мы обратились к диалектным данным, отражающим использование восходящих акцентов в речи говорящих на уральском региональном варианте русского языка. Последнее связано с тем, что критики анализа незавершенности утверждали, что указание на незавершенность — это не социальная или психологическая черта, а диалектная.

По первому вопросу получены следующие результаты. Индекс незавершенности в речи президента составил 22%, его пресс-секретаря — 8%, министра иностранных дел — 13%, его пресс-секретаря — 55%, молодого адвоката — 23%, пожилого адвоката — 11%. Длинные новости на радио читались с индексом около 28%, короткие — 32%.

Что же касается гипотезы о диалектном характере расширенного использования незавершенности, анализ говорит следующее. Уральский региональный вариант использует подъемы частоты в большем диапазоне, чем в соответствующих акцентах кодифицированной нормы, и на акцентоносителях, расположенных в финале предложения. Однако подъемы скорее маркируют диалогические реплики, чем нарратив: *Маша, пойдём!*; *А она нам близко!*; *У нас слова, как блохи, прыгают!* В стандарте в этой позиции используются падения тона. Что же касается стратегий связного нарратива, они не имеют принципиальных отличий от кодифицированной нормы. В итоге возникает гипотеза о том, что уральская речь характеризуется не стремлением говорящих к указанию на незавершенность, а расширенным использованием восходящих просодий в финале предложения.

Материал для анализа получен из открытых источников, верифицирован в системе Praat и в докладе иллюстрируется звучащими примерами и графиками изменения частоты.

Литература

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Том 1. М. Наука, 1982. С. 98-122.

Янко Т.Е. Дискурсивная незавершенность в стилях и жанрах речи // Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной. М., 2020. С. 47-49.

Употребление буквы «э» после согласных в словах английского происхождения: проблемы кодификации норм и лексикографическая практика

Сабольч Янурик (Janurik Szabolcs)

Будапештский университет им. Лоранда Этвеша (Венгрия)

janurik@yahoo.com

Одним из актуальных и нерешенных вопросов правописания иноязычных неологизмов остается употребление буквы «э», особенно в позиции после твердых согласных. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года и в новой редакции справочника 2006 года нормативные рекомендации ограничиваются перечнем нескольких слов-исключений, в которых допускается использование этой довольно редкой буквы русского алфавита: *нэр, мэр, сэр* [Правила 1956: 10] и наряду с ними также *мэтр, пленэр, ракет, рэн* [Справочник 2006: 22]. В то же время написание всех остальных лексических единиц иноязычного происхождения с фонемой [э] определяется в словарном порядке, что вызывает определенные трудности, учитывая в том числе известную и неизбежную задержку между появлением неологизмов в речи и регистрацией данных новообразований в лексикографических источниках.

В докладе на основе орфографического академического ресурса «Академос» выявляются английские заимствования, в которых рекомендуется употребление буквы «э» в постконсонантном положении внутри морфемы. В монографии И. В. Нечаевой приводится полный список таких иноязычных слов (их всего 104), вошедших во второе, исправленное и дополненное, издание «Русского орфографического словаря» 2005 года [Нечаева 2011: 69]. По нашим подсчетам, почти половину из них (51) можно отнести к лексемам английского происхождения: 38 англицизмов и 13 производных от них. При сравнении этих данных с результатами наших исследований мы пришли к выводу, что количество изучаемых лексических единиц в течение приблизительно двух десятилетий практически удвоилось: в начале 2024 года в ресурсе «Академос» обнаруживается ровно 100 английских заимствований с буквой «э» в позиции после твердых согласных в составе корня: их число выросло за счет 21 нового слова и 28 новых производных или составных слов (например, не менее чем 10 композитов с первым элементом *рэн-*). Все это в очередной раз свидетельствует о том, что вопрос об орфографическом оформлении рассматриваемых иноязычных неологизмов в последнее время стал не менее актуальным.

В ходе анализа также обсуждаются некоторые проблемы кодификации норм, связанные с передачей английских фонем [æ] и [e] на русском письме, и сопоставляются данные «Русского орфографического словаря» с практикой представления исследуемых англицизмов в других лексикографических изданиях (прежде всего в неографических справочниках и в словарях иноязычных слов последних двух-трех десятилетий). При этом более подробно рассмотрены отдельные случаи, когда неологизмы английского происхождения в РОСе зафиксированы в форме, не соответствующей графическому облику сходных по значению слов аналогичной структуры: например, в отличие от англицизмов *фастбэк* и *хетчбэк*, в нововведении *лифтбек* (добавление 2020 г.) рекомендуется писать букву «е», несмотря на то, что все эти названия входят в одну

тематическую группу, обозначая различные типы кузова автомобиля. Аналогично, наблюдается некоторая непоследовательность при передаче повторяющихся английских морфем *блек* и *хенд* в русской орфографии: *блѐк-джек*, *блѐк-рот* (но: *блэкаут*) и *секонд-хенд*, *форхенд*, *хендсфри* (но: *хэнд*).

Литература

Нечаева 2011 = Нечаева И. В. *Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований*. Москва: «Азбуковник», 2011. 168 с.

Правила 1956 = *Правила русской орфографии и пунктуации*. Москва: «Учпедгиз», 1956. 176 с.

Справочник 2006 = Лопатин В. В. (ред.) *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*. Москва: «Эксмо», 2006. 480 с.